

Annotation

Анн и Серж Голон. Роман «Анжелика». 10 том - «Анжелика и заговор теней»

Перевод с фр. В. Воробьевой

Фирма «Lita» : «MAGA» : «Stiinta» (Кишинев), 1993г.

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОШМАР
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТАДУССАК
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
- ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. КОРОЛЕВСКИЙ ПОСЛАННИК
 - Глава 1
 - Глава 3

- ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВИНО
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ
 - Глава 1
 - Глава 2
 - Глава 3
 - Глава 4
 - Глава 5
 - Глава 6
 - Глава 7
 - Глава 8
 - Глава 9
 - Глава 10
 - Глава 11
 - Глава 12
 - Глава 13
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
 - 10
 - 11
-

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КОШМАР

Глава 1

Анжелика проснулась. Глубокая ночь окружала ее. Слабое покачивание корабля, стоящего на якоре, казалось, было единственным признаком жизни вокруг. Тихий лунный свет из окон кормовой каюты слегка высвечивал очертания изящной мебели салона «Голдсборо», отражаясь в золоте и мраморе ее отделки.

Он обрывался у алькова, возле подножия широкого турецкого дивана, на котором, сжавшись в клубок, лежала Анжелика. Ее разбудила жадная, почти гнетущая потребность любви, смешанная с чувством беспокойства, даже страха, предчувствия чего-то ужасного, что неумолимо надвигалось и угрожало ей. Она попыталась вспомнить, что же именно заставило ее проснуться и вызвало такие разные ощущения, как желание и страх. Может быть, ей снилось, как Жоффрей ласкал ее, или что его пытались убить? Нет, она ничего не могла вспомнить.

И только сладкое возбуждение все еще наполняло ее тело страстью, охватывая все существо, вплоть до кончиков грудей и корней волос на голове.

И этот страх.

Она была одна. Это не было необычным для нее. Постель еще хранила следы того, кто был здесь, рядом с ней. Но ведь и раньше случалось, что Жоффрей де Пейрак покидал ее, чтобы провести бессонную ночь на корабле.

Анжелика вздрогнула. Впервые за время их путешествия по реке Святого Лаврентия она ясно осознала то, что раньше лишь изредка проскальзывало у нее в мыслях: они были на территории короля Франции.

И он, ее муж, некогда приговоренный к смерти, и она, за голову которой была назначена награда, только что проникли в королевство, из которого когда-то были изгнаны.

Конечно, у них была сила. Флот из пяти кораблей. Но огромным. Его власть простиралась даже до этих отдаленных окраин.

Здесь их ожидало множество врагов, действиями которых руководил он. Именем короля решались вопросы жизни и смерти.

Ни разу с тех пор как в лесах Пуату Анжелика выбрала свою судьбу, восстав против короля Франции, она не чувствовала себя такой беззащитной, словно ее заманили в ловушку. Ценой нечеловеческих усилий они покинули Францию, обрели свободу в Америке и вот теперь не устояли перед искушением отправиться в Квебек и восстановить нити, связывающие их со Старым Светом, с их родиной.

Какое безумие! Как могла она позволить Жоффрею осуществить это? Ну почему же раньше, когда он решил: «Идем в Квебек!», ей не пришло в голову, что это безрассудство, что невозможно ждать пощады там, где царит всемогущий король, там, где на каждом шагу их подстерегает опасность. Почему они так заблуждались? Неужели тоска по родине была так сильна? Откуда у них взялась уверенность, что кровное братство поможет им преодолеть все преграды, а время ослабит мстительность короля и желание преследовать их. И вот теперь они снова в его власти.

Может быть, из-за мрака вокруг нее, а может, из-за тревожных предчувствий, Анжелике показалось, что она видит дурной сон. Ей снилось, что она действительно вернулась во Францию, в свой замок Пуату, где шесть лет тому назад была так одинока и покинута всеми. Туда, где по ночам она просыпалась от мучительного желанья близости и от горького

сожаления о своей потерянной любви, туда, где ее непрерывно преследовали мысли о смертельной опасности, скрытой повсюду.

Анжелика не смогла унять дрожь во всем теле, которую вызвали воспоминания о давно пережитом, о невозполнимых утратах.

Она встала. Машинально ощупывая мебель, попыталась понять, где находится. Ее руки наткнулись на земной глобус, сделанный из порфира^[1], и астролябию. Но даже это не успокоило ее.

Она почувствовала себя пленницей этой комнаты, этих неподвижных вещей, и даже квадратные стекла кормовой каюты, высвеченные серебром лунного света, казались ей неприступными тюремными решетками.

За ними была жизнь.

Но она была мертва. Ее подстерегал король. Ведь даже леса ее отдаленной провинции Пуату, где она возглавила мятеж, не защитили ее. Для короля не было ничего невозможного. И там, куда она скрылась, король наверняка сможет достать ее и отомстить. Она попала в западню, и теперь все кончено. Она — мертва.

Жоффрей куда-то исчез. Где же, где же он? Наверное там, на другом краю земли, там, где светит солнце и нет луны, нет смерти. Больше никогда она не ощутит горячее дыхание и сладкий трепет его обнаженного тела. Она пленница этого короля-призрака, этого мрака и своих мучительных воспоминаний, воспоминаний об его объятиях и ласках, доводящих до исступления. Ад...

И как будто заново ощутив потерю, она слабо вскрикнула и едва не лишилась сознания. «Только не во второй раз! Только не во второй раз!» — умоляла она. Охваченная глубоким отчаянием, Анжелика прислушалась и вдруг до нее донеслись чьи-то шаги. Эти размеренные, полные жизни звуки вернули ее

назад в реальность. Она сказала себе: «Мы ведь в Канаде!» — и вновь прикоснулась к порфиловому глобусу, как будто, избавившись от наваждения, хотела убедиться, что действительно существует.

— Мы на «Голдсборо»! — повторила она. Анжелика сказала «мы», чтобы воскресить то, что горькие воспоминания вытеснили из ее памяти. Во-первых, он, Жоффрей де Пейрак, который сейчас наверняка на полуюте^[2] всматривается в тихую ночь, пытаюсь постичь этот дикий, отдаленный край Нового Света. И затем его люди, его флот, расположенный сейчас у обрывистых берегов Сент-Круа-де-Мерси. Да, именно это название вспомнилось ей сейчас. Сент-Круа-де-Мерси.

Фиорд, глухое место, где-то в стороне от основного течения реки, еще более неистового, чем океанские просторы. Лаврентийский лоцман сказал им накануне: «Это Сент-Круа-де-Мерси. Здесь можно переждать ночь!»

Конечно, это было конкретное название и конкретное место, но для Анжелики оно вдруг приобрело чудовищный, почти мифологический смысл, будто лоцман в его шерстяной шапочке превратился в перевозчика на Стиксе^[3]. Здесь царила смерть. Это были врата Ада.

Анжелика машинально оделась.

Она решила соблюдать осторожность и не зажигать свечу, которая выделялась у изголовья бледным пятном в серебряном подсвечнике. В глубине души она боялась, что свет подтвердит ее страшную догадку: «Я — мертва! Он исчез!..»

Она набросила плащ на плечи и открыла дверь.

От корабельных запахов и ночной свежести у нее перехватило дыхание. Анжелика уловила терпкий аромат соли, хорошо вымытой палубы и дыма, то ли от жаровни, где матросы готовили мясо, то ли от остатков

пирушек, которые они любили устраивать каждый на свой лад. И Бог только знает, как эти люди, попавшие сюда со всех концов света, находили общий язык.

Анжелика прислонилась к двери. Постепенно хладнокровие вернулось к ней. Она глубоко вздохнула и громкие, беспорядочные удары сердца постепенно успокоились. Жоффрей был рядом. Нужно только подняться по лестнице из полированного дерева, повернуть налево, и она увидит его, стоящего гордо и прямо, словно кондотьер^[4]. Она узнает его крепкие плечи, обтянутые камзолом, его худощавую, полную скрытой силы и страсти спину, его ноги в дорогих сапогах для верховой езды. Вначале, погруженный в свои мысли, он не заметит ее. Ведь именно во время вот таких бессонных ночей у него рождались планы его будущих проектов и начинаний.

Она приблизится к нему. И он скажет:

— Вы не спите, дорогая моя?

И она ответит:

— Я так хотела видеть вас, быть рядом с вами, убедиться, что вы здесь, любовь моя. Мне приснился плохой сон. Мне стало страшно!

Он улыбнется и теплота его взгляда согреет ее.

Она уже давно поняла, что была единственной женщиной, которая могла вызвать столько радости во взгляде этого гордого, пронизательного, иногда беспощадного человека. Прикасаясь к ней, он становился кротким и нежным. Ее ласки обезоруживали его, делали слабым и беззащитным. Она была единственной, кто покорила его полностью, его, хозяина стольких судеб. Один ее взгляд мог щедро одарить этого блистательного сеньора, этого воина, огрубевшего в битвах. Ее улыбка была бальзамом, искуплением за все унижения и несправедливости, выпавшие на его долю. Нет, он не лгал, когда говорил,

что она сделала его самым счастливым из смертных. Уверенность в своей власти над этим обольстителем, которого она одна могла заставить ревновать, ощущение неразрывной связи с ним успокоили Анжелику все еще дрожавшую от страстного возбуждения. Еще несколько шагов, и она окажется рядом с ним. Сейчас она возьмет в руки его ладонь, такую сильную и в то же время изящную, слегка пропахшую табаком, поцелует каждый палец, как это любят делать мужчины. А он, слегка касаясь ее щеки, ласково шепнет: «Моя милая сумасбродка».

Глава 2

Но его там не было. Анжелика заметила лишь неподвижно застывшую фигуру скандинава Эриксона, который курил свою длинную трубку. Это был верный и надежный помощник, понимающий все с полуслова, настоящий морской волк, неприступный и суровый, почти без слов управляющий кораблем, сторожевой пес, которому можно было доверить любую тайну.

Анжелика еще раз посмотрела, действительно ли это был он, а не Жоффрей де Пейрак. В это мгновение палуба корабля стала для Анжелики местом, где решалась ее судьба. И лес, чернеющий над серебристой гладью, показался вдруг безжизненным и враждебным. Она подошла и сказала:

— Добрый вечер, господин Эриксон. Вы не знаете, где сейчас мессир де Пейрак?

Анжелика приблизилась к поручням и только сейчас заметила, что их корабль находится совсем рядом с берегом, на котором слабо мерцал огонек костра.

— Он на берегу, — опираясь на свои ноги-коротышки, Эриксон твердо стоял на палубе, почтительно приподняв шляпу, украшенную перьями. Она была у него еще с тех пор, как он стал капитаном «Голдсборо», во время зимнего плавания в Европу, Это был человек, который устраивал всех. Власть этого карлика над экипажем была огромной.

— Действительно, мадам! Вот уже час как мессир де Пейрак отправился на берег.

— Кто-нибудь сопровождал его? — чуть слышно прошептала Анжелика.

— Он взял с собой лишь Жана Ле Куенека.

— Жан... — она снова взглянула на темный берег. Бескрайние канадские леса, убежище медведей и

индейцев. Зачем высадились они на этот песчаный берег, куда ушли, оставив в зарослях лодку и двух часовых?

Она повернулась к Эриксону, пытаясь хоть что-нибудь прочесть в его взгляде.

— Он сказал вам, куда отправляется?

Эриксон покачал головой. После некоторого колебания он вытащил трубку и пробормотал:

— Он получил записку.

— Но от кого? Это был индеец?

— Я не знаю. Мне показалось, что хозяин был в курсе. Я видел, как он прочел ее и затем приказал спустить шлюпку с двумя гребцами. Он предупредил меня быть настороже и сказал, что вернется через пару часов.

В тот же миг Анжелика пришла в себя. Исчезли колебания и неуверенность. Она стала прежней, решительной и хладнокровной Анжеликой. Это было именно то, о чем предупреждал ее тот сон. Опасность! Они проникли на территорию короля Франции, которая даже на этой необитаемой земле была ловушкой.

Сказав норвежцу «Хорошо!», Анжелика медленно пошла в свою каюту.

Она приняла решение и теперь действовала быстро: высекла огонь, зажгла лампы, затем вытащила из ящика свой пистолет, мешочек с пулями и рожок с порохом. Проворно зарядив пистолет и засунув его за пояс, она выскользнула из каюты, озираясь вокруг.

Что искала она в этой тревожной ночи, воздух которой был насыщен запахом рассола и хорошо высушенного дерева?

Кто-то из экипажа прошел совсем рядом, зевая и стягивая на ходу снаряжение. Избавившись от него, он торопился теперь к своей койке, Анжелика узнала в этом человеке плотника из Вапассу Жака Виньо, Это было как озарение. Она поняла, что нужно делать.

— Жак, — сказала она ему, — найдите Куасси-Ба и Энрико Энци. Передайте им, чтобы они вооружились и ждали меня у трапа.

Она поднялась на полуют, где увидела помощника капитана, заступившего на вахту.

— Капитан ждет вас внизу, мадам, — сказал он ей. Эриксон уже спустил шлюпку на воду.

— Я подумал, что вы тоже захотите высадиться на берег, мадам. Позвольте мне сопровождать вас, потому что господин де Пейрак вряд ли одобрил бы мой поступок.

Она поняла, что он тоже беспокоится и рад тому, что решительная настойчивость Анжелики позволит ему нарушить приказ, которому он привык подчиняться. Иногда хозяин ставил его в трудное положение. Ведь именно преданность ему была причиной беспокойства и многих волнений. Жоффрей де Пейрак, любивший независимость и риск, не всегда понимал, какую тревогу испытывают люди, так привязанные к нему.

— Господин Эриксон, я думаю, что мы понимаем друг друга, — с признательной улыбкой ответила ему Анжелика. По ее просьбе, Эриксон послал за лаврентийским лоцманом, которого нанял еще в Гаспе.

Анжелике хотелось хоть что-нибудь разузнать об этом пустынном месте, о мысе, возле которого расположился их флот.

— Что расположено в Сент-Круа-де-Мерси? — спросила она у лоцмана.

— Но, Бог мой, здесь ничего нет.

— Ну хоть что-нибудь находится здесь в... Индийское поселение? Фактория?.. Деревушка?

— Ничего, — повторил лоцман.

«Но тогда!.. Что же делать Жоффрею де Пейраку в месте, где нет НИЧЕГО?» — спросила себя Анжелика.

— ...Вот только там, наверху...

— Что? — человек указал на вершину скалы.

— Там находятся развалины бывшего приюта капуцинов, в котором индейцы иногда хранят свои меха для продажи.

Кто мог назначить встречу Жоффрею в этом затерянном уголке? Все, кого она ждала, были уже в сборе. Негр Куасси-Ба, мальтиец Энрико и плотник Виньо.

Маленькая группа спустилась в шлюпку, и некоторое время спустя они причалили к берегу, Эриксон приказал гребцам остаться и затем спросил у часовых, охранявших костер, в каком направлении ушел граф со своим спутником. Они показали место, откуда начиналась тропинка.

Глава 3

Они потушили фонарь и стали подниматься вверх. Теперь лишь свет луны иногда освещал крутую тропинку, ведущую к вершине.

Пробираясь между деревьями, Анжелика утратила ощущение реальности. В ней пробудилась та мятежная Анжелика, которая когда-то в Пуату восстала против короля Франции. Тогда она вот так же скиталась по лесам вместе со своими соратниками, которые следовали за ней словно волчья стая за своим вожаком. Их всех объединяла ненависть: гугеноты и католики, неотесанные мужланы и захудалые дворяне, — все они шли за ней, сея смерть на своем пути. Мрачные и безмолвные, как сама ночь, они внезапно появлялись на пустынных дорогах, сбрасывая камни и обрушивая деревья на королевских всадников. В течение двух лет им удавалось вести успешную войну с «миссионерами в сапогах», которые грабили и опустошали их провинцию. Им даже удалось остановить наступление королевских отрядов, посланных на их усмирение.

По мере того как Анжелика поднималась вверх по тропинке, не чувствуя ни усталости, ни боли от острых камней и хлестких веток, в ней оживали давно забытые ощущения и воспоминания.

Но на этот раз она сражалась, чтобы защитить и спасти того, кого любила.

Они вышли на узкую поляну, круто спускавшуюся к краю обрыва, только уступом отделенную от чернеющей внизу реки Святого Лаврентия. Отсюда было не так далеко до мыса Гаспе, с крепостными стенами, возведенными на вершине скалы, покрытой трещинами, в которых гнезилось множество птиц.

Соленое дыхание океана все еще чувствовалось здесь, в устье реки; они слышали шум его волн и резкий морской ветер освежал их разгоряченные лица.

Анжелика напряженно всматривалась в ночь, пытаясь разглядеть что-нибудь, кроме светлеющей в темноте поляны, неожиданно обрывающейся у пропасти; как вдруг ее резко толкнули. Это был Виньо, который хотел привлечь внимание Анжелики к тому, что он увидел чуть выше, справа. Она едва различила проблески света и смутные очертания бревенчатой хижины. Расположенная возле самого леса, она была почти не видна на его темном ночном фоне. Ее можно было заметить только благодаря слабому мерцанию свечи или огню, зажженному в очаге.

Маленькая группа остановилась на опушке леса. Анжелика повернулась к Куасси-Ба и подала ему сигнал. Негр накинул капюшон плаща на свою седую шевелюру и, став совершенно невидимым, скользнул в черноту деревьев, которые вели прямо к хижине.

Они представили себе, как он крадущимся шагом приближается к хижине и смотрит через окно. Внезапно он снова появился из темноты и прошептал, что действительно в хижине горит огонь, но большего он не разглядел из-за непрозрачных рыбьих пузырей, которыми были затянуты окна. Однако он расслышал шепот, как будто разговаривали двое: один из голосов был, без сомнения, графа де Пейрака.

Значит он там! Но с кем?

Напряжение Анжелики немного ослабло. Мысль, что он рядом и жив, успокоила ее.

Кто-то вызвал графа де Пейрака, и он пошел на эту встречу, не предприняв никаких мер предосторожности, без сопровождения, которое в случае необходимости могло защитить его. Он взял с собой лишь Жана Ле Куенека, а не свою испанскую гвардию. Это лишний раз подтверждало: он знал, о чем

идет речь, возможно, даже ждал этой встречи. Он не говорил ей всего, но она знала, что Жоффрей всегда готовится к своим экспедициям, что у него повсюду свои глаза и уши.

И это путешествие в Квебек! Кто знает, с каких пор он замышлял его? Она не удивилась бы, узнав, что речь идет о посланце господина де Фронтенака, губернатора Новой Франции, преданного человека, который тем не менее был вынужден действовать тайно, зная, как враждебно настроено к ним население и правительство.

Эти мысли немного успокоили Анжелику, но все же она не решалась идти дальше.

Что-то зловещее чувствовалось в этом месте, и страх этот, казалось, передавался ее спутникам, заставляя их быть настороже. Они стояли тихо, не шевелясь, не доверяя ночному спокойствию. Приглушенный свет, пробивающийся сквозь листву, позволял ей видеть их напряженно-застывшие, внимательные лица. Вновь кто-то дотронулся до ее руки, пытаясь привлечь внимание.

На другом конце поляны ощущалось какое-то движение. Они затаили дыхание... И вдруг увидели Жана Ле Куенека, небрежным шагом обходившего поляну. Молодой конюший подошел к краю пропасти. Всматриваясь в зияющую пустоту, он, казалось, прислушивался к шуму волн, бьющихся внизу о скалы. Постояв так с минуту, он вновь пошел к хижине. На полпути Жан остановился, зажег свою трубку, затем зевнул. По-видимому, он считал, что эта длинная ночь не очень опасна и не требует особого внимания.

Анжелика колебалась, стоит ли выдавать их присутствие бретонцу. Казалось, ничто в окружающем не беспокоило его, вряд ли он понял бы причину их внезапного появления, впрочем, как и Жоффрей де Пейрак.

Но не это было главным. Внезапно Анжелика увидела эту экспедицию, которую, хотя и с трудом, но все же решился предпринять граф де Пейрак со своими людьми, с другой стороны. Многие из них были французами, которые сейчас спешили на встречу со своими соотечественниками, что заставляло забыть их и об опасностях и о жестокой судьбе, разлучившей их с родиной. И Жан, который когда-то в лесах д'Эльгоа убил лесничего своего сеньора за то, что тот повесил его отца, поймавшего одного зайца; этот добрый и веселый Жан словно забыл, что петля все еще ждет его во Франции.

Вместо того чтобы дерзко идти вперед, им нужно действовать вдвое хитрее и осторожнее. Здесь никто не поможет: ни законы, ни церковь, которая прокликает их словно висельников, настраивая против них жителей Квебека. Все это говорило об одном.

Только их сила, отвага и бдительность помогут одержать верх в этом поединке. И тогда целыми и невредимыми, как саламандра из огня, они выйдут победителями из этого безумного, но очень важного для них предприятия. Главное — не дать себя обмануть.

И помнить, что даже на малообитаемых берегах этой великой северной реки любой контакт с жителями, будь то индейцы, крестьяне, рыбаки, служители церкви или короля, может стать смертельным.

Поэтому то, что она затем увидела, показалось ей кошмарным сном, продолжением ее тревожных размышлений.

Внезапно из леса показались двое. Быстрые и бесшумные, словно птицы, они вмиг оказались рядом с Жаном и набросились на него. Все произошло так стремительно, что бретонец даже не сопротивлялся. Получив сильный удар в затылок, он упал без сознания.

Послышался чей-то грубый голос.

— Не стоит его связывать. Давай привяжем камень на шею и в воду. Будет первым из тех, кого надо прикончить.

Голос принадлежал одному из нападавших. Из-за внезапности атаки и слабого света луны, которая временами совсем пропадала за облаками, невидимые свидетели случившегося не сразу поняли что же произошло.

И только увидев, как эти двое тащат к пропасти безжизненное тело конюшего, они словно очнулись. Анжелика рванулась вперед, ее спутники тихо и бесшумно последовали за ней. Будто с общего согласия, они старались избегать любого резкого звука, крика, боясь спугнуть сообщника, который, без сомнения, был сейчас вместе с графом де Пейраком внутри хижины.

Старинная шпага Эриксона, направленная верной рукой старого вояки, почти надвое раскроила череп одного из нападавших, и он упал замертво, как дерево, срубленное под корень.

Другой обернулся в это время, но от страшного удара по лицу крик, готовый вырваться у него, застрял в горле. Черная узловатая рука Куасси-Ба, словно удав, обхватила его шею и сокрушительный удар размозжил затылок.

Жизнь в постоянной борьбе сделала из этих людей грозных убийц.

Рядом с Жаном, потерявшим сознание, на жесткой траве лежали два распростертых трупа.

Анжелика показала жестами, что их надо оттащить в сторону. Она хотела понять, кто были эти люди, кем посланы. Кто они? Моряки, бежавшие с корабля, лесные бродяги или наемники на службе у богатых сеньоров? У них был вид отпетых головорезов. Она не сомневалась, что они были посланы не столько для того, чтобы расправиться с Жаном, сколько затем, чтобы напасть и

убить Пейрака, когда тот выйдет из хижины, куда его заманили.

Трудно представить, что все это происходит в девственных канадских лесах, где множество озер и бродят лишь дикие звери. Предчувствие Анжелики оказалось верным. Это было начало войны против них.

Встревоженные людьми птицы, множество которых гнездилось в расщелинах скалы, взлетели, издавая резкие крики. Едва заметны были в темноте беспокойные движения их белых крыльев; некоторые, покружив в воздухе, опускались прямо на поляну.

Услышав шорох внутри хижины, Анжелика и ее спутники забрали тела и укрылись под деревьями.

Готовые ко всему, они настороженно смотрели на дверь, как вдруг услышали ее скрип.

— Что это за крики? — произнес кто-то.

— Это птицы, — ответил голос Жоффрея де Пейрака. Его высокий силуэт слегка наклонился и, переступив порог, вновь выпрямился. Затем он прошел немного вперед.

Теперь, при лунном свете, он был виден отчетливо. Они догадались, что его взгляд кого-то искал. Даже по едва заметным признакам граф де Пейрак должен был почувствовать угрозу.

— Жан! — позвал он. Но верного слуги нигде не было видно, он не откликнулся на зов хозяина. Они знали по какой причине.

В этот момент показался собеседник графа. Насколько они могли заметить с такого расстояния, это был человек пожилого возраста, немного сутулый, нескладный, с небрежной походкой. Он не выглядел опасным.

Так же, как и Пейрак, он смотрел на поляну, где взбудораженную шумели птицы.

— Здесь были люди, — раздался голос Пейрака, — или это Жан. Но тогда где же он?

От приглушенного звука его родного голоса у Анжелики защемило сердце, Жоффрей даже не надел маску. При бледном свете луны она могла разглядеть любимые черты его лица, где морщинки от перенесенных страданий лишь подчеркивали силу его характера, оно было непроницаемым и в то же время внушало доверие тому, кто на себе испытал его доброту, кто знал каким умом и обширными знаниями он обладал.

Щемящая нежность заполнила сердце Анжелики. Он жив. Она успела вовремя. Спокойствие, с каким разговаривали эти двое, не обмануло ее. Она чувствовала, что опасность где-то рядом. И, похоже, Пейрак начинал это понимать.

Крепко стиснув рукоятку пистолета, Анжелика взвела курок.

Ее глаза внимательно следила за незнакомцем, который стоял чуть поодаль, у самой двери, и пристально всматривался в ночь.

«Он, наверное, спрашивает себя, куда же подевались его люди, — подумала она, — держу пари, что он удивлен, почему они мешкают, вместо того чтобы наброситься и ударом в спину прикончить его. Это не тот человек, который сам станет пачкать руки».

И в этот момент, словно желая опровергнуть Анжелику, неизвестный бросился с Обнаженной шпагой на Пейрака.

Она вскрикнула и выстрелила.

Граф де Пейрак отпрыгнул в сторону и выхватил шпагу, готовый защищаться. Но пуля уже настигла несчастного.

Он пошатнулся. Раздался другой выстрел и нападавший упал замертво. Теперь его тело казалось огромным и вытянутым, словно это была змея на серебристой лунной поверхности.

Пейрак поднял глаза и увидел Анжелику. Она стояла на опушке леса, все еще держа в руке пистолет, откуда вился слабый дымок.

Она была великолепна и похожа на чудесное видение.

— Прекрасный выстрел, мадам!

Это были первые слова Пейрака, обращенные к ней, когда она подошла. На мгновение ему показалось, что это было бесплотное существо, которое скользило по воздуху, едва касаясь земли. Лунный свет подчеркивал бледность ее лица. Впечатление усиливалось благодаря копне золотистых волос вокруг головы и серебристому плащу из меха нерпы, который был наброшен на плечи. Реальным казался лишь пистолет, дерево и сталь которого отблескивали при свете луны. Странно было видеть его в руках феи, такой хрупкой и нежной. Но ее тонкое запястье было таким же крепким, как и рукоятка пистолета. Застыв в напряженной позе, она, казалось, готова была стрелять еще, а ее пронзительный взгляд искал в темноте цель. Пейрак не узнавал эту новую Анжелику, которая так привычно чувствовала себя ночью в лесной чаще.

Все еще настороже она обошла вокруг него, и ему на миг показалось, что это ангел-хранитель, посланный защитить его.

— Они хотели убить вас, — прошептала она.

— Без всякого сомнения. И на этот раз я был бы мертв, если бы не вы.

Анжелику охватила дрожь. Без ее вмешательства он был бы мертв.

И она познала бы вновь весь ужас отчаяния и тоску одиночества.

— Нужно уходить, — сказала она. — О! Зачем вы совершили это безумие, почему поступили так неосторожно?

К сожалению, он всегда насмехался над тем, что она считала безрассудством.

— Я виноват. Этот человек представился как посланец мессира де Фронтенака, от которого я никак не мог ожидать предательства. Это хороший урок. Отныне я никому не доверяю, кроме вас, моя дорогая. Но где Жан?

Жан, который успел прийти в себя, был уже рядом. Все окружили графа де Пейрака и вкратце рассказали ему о нападении, жертвой которого стал его конюший. Все сходились на том, что оно было преднамеренным и имело целью уничтожить их.

Пейрак склонился над мертвецом и перевернул его. Первая пуля попала ему прямо в грудь, вторая вошла в спину, когда он падал. Это была красивая, быстрая смерть, и на его бескровном лице с зияющим отверстием рта застыла маска удивления.

— Это маркиз де Варанж, — сказал Пейрак. — Губернатор Новой Франции прислал вместе с ним письмо, в котором выражает радость по поводу нашего приезда. Зная, что его политику не очень поддерживают, но желая тем не менее продолжать ее, он просил меня держать эту встречу в глубокой тайне. Он хочет поставить Квебек перед свершившимся фактом, и это понятно. Признаюсь, что следовал всем его указаниям и не сказал никому ни слова об этой встрече. Но я стал сожалеть об этом сразу же как только оказался наедине с этим господином. Он показался мне подозрительным, хотя я и не мог понять почему.

Они услышали, как кто-то поднимается по тропинке, ведущей от берега, и затем чей-то голос: «Что здесь происходит?»

Это часовые, охранявшие костер и лодки, услышали выстрелы и отправились на поиски.

— Успокойте их, Эриксон, — сказал Пейрак, — и не надо поднимать шум.

Капитан «Голдсборо» поспешил к своим людям.

— Все хорошо, парни. Возвращайтесь на свой пост...

Затем присоединился к остальным, совещающимся, что же делать с тремя трупами, один из которых был видным колониальным деятелем Новой Франции.

Это глухое место, выбранное специально для подлого нападения на графа де Пейрака, облегчало их задачу.

— Лес необъятен, а река глубока, — сказал Пейрак. — Вы все умеете хранить тайны. Это ведь не впервые, друзья мои.

Он мысленно перебрал всех, кто пришел с Анжеликой. Они были молчаливы, как могилы. Их память была надежнее, чем тюремное подземелье. Все тайны умрут вместе с ними, и даже дыба не заставит их говорить.

Рука Жоффрея де Пейрака обвилась вокруг талии Анжелики, и это прикосновение вывело ее из оцепенения, в котором она находилась, все еще держа палец на спуске.

— А вы сами, мадам, откуда узнали о заговоре, и как удалось вам прийти так вовремя? — спросил граф.

— Только предчувствие! Но такое сильное! И страх, что вы без всякой охраны встречаетесь с кем-то в этой стране, где мы полностью беззащитны! Я больше не могла оставаться в мучительном неведении. И тогда я решилась, попросив этих людей сопровождать меня. Но клянусь вам, что больше никто ничего не знает.

— Если бы не мадам графиня, вас можно было считать покойником, — заметил Эриксон.

— И воды Святого Лаврентия стали бы моим саваном! — усмехнулся Пейрак.

Анжелику вновь охватила дрожь. Ладонь де Пейрака, ощутила, как только что напряженное тело

вдруг обмякло и ослабело.

Воображение Анжелики нарисовало ужасную картину. Тело убитого Жоффрея с камнем на шее бросают с высокой скалы. И для окружающих это убийство выглядело бы как случайность или измена его людей.

Жоффрей был прав. Это преступление должно было совершиться тайно. И они отплатят той же монетой. Уничтожат все следы.

У них и так была в Квебеке сомнительная репутация. Не надо было добавлять к ней еще и смерть маркиза де Варанжа.

Это будет рассмотрено как враждебный жест, и тогда никакой закон не защитит их.

— Не знаю почему, — после некоторого раздумья вновь заговорил граф де Пейрак, — но я почти уверен, что он действовал не по указанию де Фронтенака. Это исключено. Если бы в нашей беседе было что-то, кроме заверений в гостеприимстве губернатора, я бы поверил. В Квебеке к нам относятся по-разному. Просто Фронтенак сделал ошибку, выбрав этого человека. Но был ли это выбор?

Граф наклонился над мертвецом и достал из его карманов вещи и бумаги, пытаюсь найти хоть какие-нибудь доказательства заговора; затем все положил на место.

— Мы не должны оставлять следов! Ничто не должно указывать на то, что мы виделись с этими людьми. Я вернул письмо де Фронтенака. Все будет выглядеть так, как будто его не доставали отсюда. Эти люди исчезнут так же тайно, как исчезли бы мы на их месте.

Он послал Эриксона в хижину проверить, не осталось ли там каких-нибудь следов.

Затем, увлекая за собой Анжелику, стал медленно спускаться на берег. Куасси-Ба, Виньо и Энци остались

наверху, чтобы навести порядок.

На полпути, в чернеющих зарослях, Жоффрей де Пейрак остановился и крепко обнял Анжелику.

— Вы спасли мне жизнь, любовь моя, Я вам бесконечно благодарен.

Они услышали, как кем-то встревоженные птицы вновь поднялись со скалы, шумно хлопая крыльями и пронзительно крича в ночном мраке.

Послышался всплеск, затем все стихло. Все следы беспокойной ночи были похоронены в этом безлюдном месте, на дне реки. Все происшедшее с ними стало казаться кошмарным сном. «Голдсборо» — надежное убежище, где смерть больше не будет угрожать им. Анжелика хотела поскорее попасть туда и укрыться вместе с Жоффреем. Только там он почувствует, что он в безопасности.

Гребцы мощными ударами весел быстро приближали шлюпку к кораблю, неподвижный силуэт которого четко вырисовывался в темноте благодаря сигнальным огням, красноватым золотом отсвечивающим в покойной глади ночной реки. Анжелика все еще дрожала и, чтобы успокоиться, схватилась за руку Жоффрея. Его взгляд на мгновение задержался на ней, но он ничего не сказал.

Жоффрей видел, что все происшедшее за последние часы сильно взволновало ее. Впрочем, как и его. Но больше, чем грозившая опасность, его поразило ее чудесное появление. Это было настоящим потрясением, когда она вдруг возникла в ночи, такая решительная и неукротимая, готовая на все, чтобы спасти его. Только сейчас он начал понимать, как сильно она любила его, какое место занимал он в сердце этой удивительной женщины. А после того как он увидел ее на опушке леса с оружием в руках, сразившим его врага, она стала для него еще более непостижимой.

Взволнованный этим, он бережно прижал ее к себе, и восхищение ею вытеснило на мгновение все остальные чувства. Он сказал себе, что эта ночь всегда останется для него самым дорогим и светлым праздником. Смерть была совсем рядом, но ведь это не впервые. Новым было ощущение безмерного счастья и радости, его спасла от гибели женщина, которую он любил: только что она подарила ему жизнь и доказательство своей преданной любви. И всем этим он обязан холодной канадской ночи!

Он стоял, нежно прижимая к себе Анжелику, которая все еще не оправилась от пережитых волнений. Чувство тревоги и мучительного напряжения совсем обессилило ее. Она почувствовала себя бальной и разбитой.

И только когда они оказались на «Голдсборо», в своей роскошной каюте, бывшей свидетелем их взаимной любви и интимных ласк, нервы ее не выдержали и она разразилась упреками:

— Ну почему вы сделали это? Какая неосторожность!.. Вы могли предупредить меня, поставить в известность. Я бы заранее почувствовала опасность. Я слишком хорошо знаю короля Франции, я сражалась против него в Пуату. Вы не предполагаете, на какое коварство способны его приближенные... Вы мне не доверяете. Конечно, ведь я всего лишь женщина, которых вы презираете и которых не хотите знать.

— Дорогая моя, — ласково прошептал он. — Сначала вы спасли мне жизнь, а затем угрожаете?

— Вы еще сравниваете!

И как будто исчерпав последние силы, она упала в его объятия.

— О! Любовь моя! Единственный мой! Мне показалось, что я вновь во власти кошмара, который столько раз переживала в прошлом, когда ты был так

далеко. Тогда мне снилось, что я бегу по лесу, чтобы спасти тебя, но слишком поздно... И это было самое страшное.

— Но на этот раз вы не опоздали, — он обнял ее и приласкал ее дивные волосы.

Внезапно она запрокинула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Вернемся, Жоффрей! Вернемся в Голдсборо. Давай не пойдем дальше. Я только что поняла, какое безумие мы совершаем. Не забывай, что мы уже в королевстве. И хотя в далекой Америке, но все во власти короля и церкви: короля, против которого я восстала, церкви, которая приговорила вас к сожжению на костре. Нам удалось ускользнуть, и вот теперь мы сами идем к ним в руки. Это безумие!

— У нас есть флот, мы везем золото и договоры о мире. И не забывайте, что время милосердно.

— И все равно я не доверяю им.

— Вас так напугало это неудавшееся покушение, моя воительница? Ведь это всего лишь стычка. Мы еще раз доказали, что вместе мы сильны и победим.

Он крепко прижал ее к себе, как будто хотел передать свою силу и уверенность.

— Неужели мы должны идти в Квебек? — спросила она голосом, в котором он уловил тревогу. — Вначале все казалось таким простым. Мы возвращаемся к своим. Но вдруг я увидела изнанку. Да, нас ждали, нас звали, но только затем, чтобы заманить в ловушку, а потом уничтожить.

— Не преувеличивайте! Действительно, все не так просто, но и не так сложно. У нас здесь есть верные друзья.

— А так же непримиримые враги. Это мы уже видели! Она наклонила голову и повторила:

— ...Неужели мы должны идти в Квебек? Он ответил не сразу.

— Я думаю, что да, — сказал затем твердо. — Это наша судьба, испытание, через которое мы должны пройти. Только столкнувшись лицом к лицу, мы сможем преодолеть враждебность, которая нас окружает. И если мы победим, то выиграем приз, цена которому — наша жизнь, жизнь наших детей, друзей, слуг. А без этого наша свобода здесь — это всего лишь иллюзия. Навсегда мы останемся лишь изгнанниками.

Он взял ее лицо в свои руки, и его взгляд словно погрузился в глубину ее прозрачных изумрудов. Он читал в ее глазах страницы прошлого, когда прекрасная маркиза дю Плесси-Бельер с горсткой своих людей восстала против короля. Эта была неизвестная ему Анжелика, мятежница из Пуату, такой он увидел ее сегодня впервые на опушке ночного леса.

— Ничего не бойтесь, любовь моя, — шепнул он. — Ничего не бойтесь! На этот раз я буду рядом. Теперь мы вдвоем, мы вместе.

Ему удалось отвлечь ее от мрачных мыслей и внушить ей веру в будущее. Постепенно она успокоилась и увидела в том, что произошло хорошее предзнаменование. Судьба благоволила к ним.

Страх сменился радостью. Мысль, что она вновь обрела его, пьянила, наполняла ее безмерным ощущением счастья. Теплота, исходившая от рук Жоффрея, разливалась по всему телу и согревала Анжелику.

В знак своего согласия с решением, которое он принял, она опустила ресницы.

— Пусть так и будет! Мы пойдем в Квебек, мой дорогой господин. Но обещай мне, прошу тебя, обещай...

— Но что?

— Я не знаю!.. Что ты не умрешь, что будешь осторожен, что ничто не сможет разлучить нас, даже если произойдет...

— Я обещаю тебе это. Он улыбнулся.

Их губы слились в долгом поцелуе. Забыв обо всем, они со всей страстью отдались во власть любви, которая с каждым днем становилась все сильнее, и это была их победа.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

Глава 1

— Ах! — вздохнул маленький маркиз Виль д'Эвре, наслаждаясь горьковато-соленым воздухом вечерней реки. — Ах! Как я люблю эту романтическую атмосферу, где все дышит любовью.

Интендант Карлон озадаченно посмотрел на него. Холодные ноябрьские обмерки и свинцовое небо, сквозь которое едва пробивались солнечные лучи, совсем не напоминало то, о чем с таким упоением говорил маркиз, стоящий на палубе.

Зеленоватая гладь воды была беспокойна и пустынна. В лесу, уже тронутым осенью, прятались враждебные индейцы из горного племени альгонкинов, у которых по обычаю были продырявлены носы, и уши. Это были лаврентийские обитатели, такие же дикие и беспощадные, как и лесные вепри, множество которых водилось в этих лесах.

Время от времени воздух оглашали резкие, дикие крики птиц. И какая любовь может быть здесь?

— Не чувствуете ли вы, Карлон, — продолжал маркиз, плотнее укутываясь в свою шубу из выдры, — этот восторг? Ах! Любовь! Как здесь хорошо! Именно в таких диких местах человек по-настоящему раскрывается, чувствуя себя легко и свободно, как рыба в воде. Я становлюсь здесь моложе, чище и все благодаря атмосфере любви, которая пронизывает все вокруг.

— Но... о КАКОЙ любви вы говорите? — поинтересовался интендант, смутно волнуясь.

— О Великой Любви, конечно! О, Любовь, с ее радостями и печалью, с ее изысканными ласками и волнующим сердце ожиданием чего-то необычного, с ее пьянящей близостью и горечью ссор, с ее страхами,

которые рассеиваются как дым, ее злостью, которая тает как снег на солнце, с ее чаяниями и надеждами! И этот огонь, зажженный в душе и плоти двоих, со временем разгорается все сильнее и сильнее. Любовь переносит их в другой мир, туда, где они не представляют жизни друг без друга, ведь каждое мгновение, каждый час, каждый день наполнен бесконечным ощущением счастья, глубже и сильнее которого для них ничего не существует...

— Мне кажется, что вы бредите, — резко сказал Карлон, — или хорошо выпили...

Он бросил подозрительный взгляд на низкий столик, стоявший неподалеку. Хрустальные кубки серебрились в лучах заходящего солнца, но графины с ликером и вином, казалось, были нетронуты.

— Да, я опьянен, — подтвердил Видь д'Эвре. — Этим божественным напитком, название которому Любовь. Тонкое, почти неуловимое, но такое сильное и всеобъемлющее чувство, дивный аромат его наполняет меня, ему невозможно противиться, от него нельзя убежать... Ах, у меня такое чувствительное сердце.

— Аромат, — повторил Карлон. — Да, действительно, но в этом нет ничего сверхъестественного. Любопытно, мы так далеко ушли в глубь континента, а запах океана все еще чувствуется здесь.

— О чем вы говорите? — не понял маркиз. — Вы, действительно, приземленный человек. Вес мои слова напрасны.

Раздосадованный, он повернулся и взял конфету из хрустальной вазы. Это вновь привело его в хорошее расположение духа.

— Смотрите! Даже на этом лакомстве виден отпечаток Любви. Только любящее сердце способно позаботиться о мелочах, чтобы его возлюбленная в этих глухих местах ни в чем не нуждалась. Любить в

действительности — это значит бросить к ногам любимой все земные богатства, не уставать завоевывать ее разум и сердце. Даже вас не могут оставить равнодушными эти нежные проявления подлинной страсти. Даже ВАС!

Он ткнул в грудь Карлона пальцем и постучал по ней.

— Вы бредите, — повторил тот, — и делаете мне больно. Но Виль д'Эвре, губернатор Акадии, казалось, не слышал его. Он схватил за отвороты пальто своего собеседника, который был выше его на целую голову.

— Только не говорите, что вам все равно. Я не верю, что под жалкой холодной маской королевского служаки не бьется сердце настоящего мужчины.

Карлон, совершенно сбитый с толку, попытался освободиться от этого натиска.

— Губернатор, я привык к вашему странному поведению, но всему есть предел. Позвольте заметить, что я ни слова не понял из вашей исповеди. Ужасно холодно, скоро ночь, мы плывем в Квебек, где нас ждет множество проблем, и внезапно вы заявляете, что погружены в атмосферу любви!.. КАКОЙ любви? — спрашиваю я вас.

— Ну почему обязательно КАКОЙ любви? — топнул ногой маркиз, — Почему вы не спрашиваете: ЧЬЕЙ любви?.. О Боже, какой же вы слепец!.. Посмотрите» кто идет к нам...

И театральным торжественным жестом он указал на фигуры, которые в это время показались на балкончике кормовой каюты. Их шляпы, украшенные перьями, чернели на фоне золотистого вечернего неба, было видно, что одна из фигур принадлежит женщине.

— Ну ладно, теперь вы видите ЕЕ? — сказал волнуясь маркиз. — ЕЕ, единственную! Женщину, которую природа наделила всем: необъяснимым женским очарованием, красотой, умом. Один лишь

взгляд ее приводит вас в волнение, одно лишь ее слово очаровывает вас, ее мягкость и нежность покоряют вас, а внутренняя сила восхищает. И ты не знаешь, то ли это слабое и незащитное существо, которое нуждается в защите, то ли женщина, внутренняя сила которой вызывает желание припасть к ее груди, как если бы это была ваша мать. И ты не можешь понять, чем она притягивает тебя: чистой, благородной душой или своей женской привлекательностью, но рядом с ней невозможно быть подлецом или оставаться равнодушным к ее непередаваемому обаянию, которое, на мой взгляд, всегда отличает настоящую женщину. ЖЕНЩИНУ в полном смысле этого слова...

Он перевел дыхание.

В это мгновение Анжелика, графиня де Пейрак, в сопровождении мужа и офицеров флота: капитанов, помощников, старших матросов, одетых всех очень живописно, начала спускаться по лестнице из полированного дерева, которая вела на палубу. Но даже с такого расстояния ее лицо, излучающее какой-то необъяснимый свет, притягивало к себе внимание. И трудно было понять, что это: отблески заходящего солнца или улыбка, озаряющая ее лицо в то время, когда она слушала разговор окружающих.

Большая белая шляпа амазонки окружала светлым ореолом ее голову. Из-под белого атласного плаща, подбитого белым мехом, виднелась блестящая ткань ее платья из розового шелка, оно было украшено воротником из малинских кружев и чуть приподнято спереди, как того требовала мода. Складки велюровой юбки цвета граната были обшиты двойным рядом серебряной отделки.

Одной рукой она придерживала юбку, чтобы та не мешала спускаться, а вторая была спрятана в муфту из белого меха, которая висела на серебряном шнуре.

Движения Анжелики де Пейрак были так легки и грациозны, что Виль д'Эвре не выдержал:

— Не правда ли, она достойна того, чтобы спускаться с лестницы в Версале в сопровождении самого короля.

— Говорят, что так оно и было, — шепнул в ответ Карлон.

— Правда? С версальской лестницы? Вместе с королем? Но интендант не ответил, хотя было заметно, что он что-то знает.

Виль д'Эвре снова прицепился к нему:

— Вы! Вы что-то слышали о ней? Откройтесь мне! Хорошо, молчите, если хотите, но однажды я заставлю вас все рассказать.

Темный силуэт какого-то маленького животного стремительно пронесся по перилам и, сделав несколько прыжков, очутился перед Анжеликой. Убедившись, что все в порядке, он гордо пошел впереди, распушив свой хвост.

— Кот! — с ликованием произнес Виль д'Эвре. — Согласитесь, что животные обожают Анжелику, им нравится ее покровительство. Ах, если бы вы видели ее с медведем!

— С каким медведем? — вздрогнул Карлон.

— Огромный и мохнатый зверь, дикий и кровожадный, и она склонилась над ним, глядя его и говоря ласковые слова.

— Это внушает мне беспокойство. Вы не рассказывали, что мадам де Пейрак обладает такой силой.

— О, это было незабываемое зрелище!

— То, о чем вы говорите, пахнет колдовством.

— О, нет! Все дело в ее необъяснимом обаянии. А вы неужели не испытываете никакого волнения?

— И да и нет. Я думаю о том, что мы в руках человека,, в прошлом пирата, и рассматриваю нас как

пленников, поэтому не вижу причины для веселья.

— О, нет! Ну почему вы всегда видите все в черном свете? Мы всего лишь гости мессира де Пейрака, гасконца по происхождению, джентльмена удачи и, между прочим, самого богатого человека в Северной Америке. Он оказал мне помощь в Акадии и был так любезен, что предложил отправиться в Квебек на его корабле. Он собирается нанести визит губернатору Новой Франции мессире де Фронтенаку.

— А вы сами? Видите окружающее только в розовом свете? — иронично спросил Карлон.

— Я счастливый человек. Это так. Я замечаю только то, что приятно мне, а что может быть приятнее для такого чувствительного человека, как я, чем находиться на этом корабле в такой приятной компании, как ваша, — нет, нет, не отрицайте этого — и иметь возможность находиться рядом с самой восхитительной женщиной на земле?

Я веду с собой корабль, который граф де Пейрак подарил взамен моего «Асмодея», потопленного бандитами. Вот он стоит на якоре, правда великолепен? Я пока не знаю, как назову его. Я везу на нем товар: неплохой мех, ямайский ром в большом количестве и... — шепотом добавил он, — фаянсовую печь, настоящее чудо. Ее прислали мессире де Пейраку из Франции специально для меня. Смотрите...

— Смотрите... Смотрите... вы постоянно повторяете это слово и вконец измучили меня. Хорошо, я смотрю, но что вижу? Положение становится все более запутанным и двусмысленным, впереди нас ждут большие неприятности и прежде всего потому, что эта супружеская пара — люди вне общества, не последнюю роль играет здесь и Любовь, о которой вы так много говорили. И вес, что нас ожидает в Квебеке — это большой скандал. Разве вы видите в этом повод для веселья? Даю руку на отсечение, что для начала они

обстреляют друг друга из пушек. Наше счастье, если нам удастся выбраться из этой переделки. Мы объясним, что обстоятельства вынудили нас присоединиться к ним. Если же мы останемся, нас ждет немилость, а может, даже отлучение от церкви. Вы знаете, что епископ, магистр Лаваль и иезуиты не любят шутить, когда речь идет о колдовстве и распутстве. И поэтому для меня мало приятного находиться в этой компании.

— Вы слишком далеко зашли, мой дорогой! Вы преувеличиваете. Конечно, будет небольшой шум, крики, слезы, злобный скрежет. Но я просто обожаю все это, клянусь...

— О! Конечно! Про это всем известно. Я согласен с мадам де Пейрак, которая говорила, что вы любите, когда вокруг вас все вверх дном.

— Она сказала это? Как она права. Она очаровательна, не правда ли?

— Во всяком случае спорить с вами бесполезно, ведь вы влюблены.

— Нет, я не влюблен, разве что самую малость... Решительно, вы ничего не поняли, ничего... Вы расстроили меня. Я не хочу больше с вами говорить.

И маркиз недовольно отвернулся.

Когда Анжелика де Пейрак и ее окружение присоединились к ним, оба были мрачнее тучи.

После еще одного дня плавания флот бросил якорь в пустынной бухте северного берега Святого Лаврентия. По заведенной традиции капитаны всех кораблей собирались на «Голдсборо», чтобы обсудить события прошедшего дня и обговорить планы на завтра.

— Скоро мы будем в Тадуссаке.

— Это первое французское поселение!

— Надеюсь, что нас ждет не слишком холодный прием.

— С какой стати? Это всего лишь маленький поселок, без особой защиты. А у нас сила. И, кроме того, не забывайте — у нас мирные намерения.

Их флот был действительно хорошо оснащен. Укрытый в бухте, защищенный мысом от всяких неожиданностей, он насчитывал три корабля, водоизмещением от 200 до 350 тонн. Это были небольшие суда, обладающие грозной силой; на их борту насчитывалось 60 пушек. Кроме судов — две небольшие голландские яхты, очень подвижные и маневренные, игравшие роль сторожевых псов и разведчиков. Они были задуманы таким образом, что в случае необходимости на них можно было расположить две пушки в переднем отсеке и две кулеврины на палубе, которые при умелом обращении могли стать грозным оружием.

Одна из яхт называлась «Рошель», а вторая — «Мон-Дезер». Кантор, младший сын Анжелики и Жоффрея де Пейрака, командовал «Рошелью». Несмотря на свои шестнадцать лет, он был опытным моряком. Плавал с десяти лет с отцом, прошел школу в Средиземном и Карибском морях.

Ванно, бывший помощник пирата Золотой Бороды, командовал «Мон-Дезером». Граф де Пейрак предпочел его остальным, так как он был католиком и имел незапятнанное прошлое. Вопрос религии особо учитывался при подборе экипажа и назначении офицеров. Они не имели права брать с собой в Квебек французов, которые исповедовали религию Реформации: их арестовали бы сразу же по прибытии как изменников. Рискованно было оставлять на кораблях и иностранцев. Хотя граф де Пейрак считал себя независимым и плавал под собственным флагом, он все же надеялся, что экипаж, подобранный из французов, поможет им завоевать расположение в Новой Франции.

И все же кое-что беспокоило его. Капитаном «Голдсборо» продолжал оставаться норвежец Эриксон, немногословный и осторожный, он умел быть незаметным. Жоффрей де Пейрак не тронул также свою личную охрану, четырех испанцев, которые вот уже много лет служили у него и не мыслили своей жизни иначе. Это были молчаливые стражи, которые вряд ли привлекут чье-то внимание. Живя своей отдельной жизнью, они почти не общались с французскими матросами и поселенцами. Капитанами двух других кораблей были граф д'Урвилль и шевалье де Барсемпуи, французские дворяне из знатных семей, которые не принадлежали к избранному обществу Квебека, потому что в прошлом были вынуждены покинуть Францию и отправиться в скитания по морям. Как только Анжелика подошла, она сразу заметила огорченное лицо Виль д'Эвре и напряженно-угрюмое интенданта Карлона. Итак, приятели поссорились. Она издали видела, как маркиз размахивал руками, а затем отвернулся и топнул ногой.

Бедный маркиз, он так любил говорить «и все-таки жить стоит».

Анжелика никогда не оставалась равнодушной к чужим бедам.

Виль д'Эвре понемногу успокоился, чувствуя на себе ее чудный, пронизательный взгляд. Он любил, чтобы кто-нибудь заботился о нем, беспокоился о состоянии его души. Доброе участие Анжелики наполнило его сердце радостью.

— Что произошло между вами, мой дорогой друг? — спросила она. — Он вам сказал что-то неприятное?

— Конечно! Вам легко говорить, — пожаловался Виль д'Эвре. — Как только земля держит таких людей. Когда встречаешься с ними, то начинаешь думать, что, действительно, чистилище начинается на земле.

— Вы говорите об интенданте Карлоне?

— А вы хотели, чтоб это был кто-нибудь другой?

— Присядьте рядом и расскажите мне обо всем.

Он упал на мягкие подушки дивана рядом с Анжеликой. Она приготовилась выслушать о горестях маленького маркиза и огляделась вокруг.

Стоял чудесный вечер. После двух дней проливного дождя воздух был чист и свеж.

Их путешествие продолжалось так, будто ничего не случилось во время их стоянки в Сент-Круа-де-Мерси.

И временами Анжелика спрашивала себя, не было ли это сном? Самыми ощутимыми после той разыгравшейся трагедии стали неуловимые изменения, происшедшие в ее отношениях с мужем. Что-то новое появилось в его взгляде — восхищение, смешанное с любопытством. Ей казалось, что его доверие возросло, а уважение стало глубже.

Теперь он охотно посвящал ее в свои планы, часто советовался с ней. Ведь нужно было рассмотреть и решить столько вопросов, прежде чем они бросят якорь в Квебеке, оплоте королевской власти в Новой Франции. Но пока это было дело далекого будущего. А сейчас ей казалось, что они оторваны от всего мира, и это впечатление усиливалось от того, что запах прохладного речного воздуха и бесконечных канадских лесов смешивался с восхитительным ароматом сладостей, экзотического кофе и чая, который новый повар графа де Пейрака, господин Тиссо, предложил всем выпить, уверяя, что это последний крик парижской моды. Этого человека нанял Эрик-сон во время своего недавнего плавания в Европу по рекомендации члена товарищества на вере^[5], которое учредил в Руане граф де Пейрак. Он хорошо знал свое дело и обладал достоинствами, превышающими умения обычного повара. В эту минуту, плотно укутанный, но очень

торжественный, он колдовал над маленьким серебряным чайником, стоящим на краю жаровни.

— Это самое ограниченное существо, какое я только знаю, — продолжал жаловаться Виль д'Эвре, пробуя фисташки.

— Вы говорите все еще о господине интенданте? — откликнулась Анжелика.

— Ну конечно!

— Я не разделяю вашего мнения по этому поводу, маркиз. У господина Карлона своеобразный характер, но это образованный человек, и его суждения бывают очень интересны. Мой муж находит удовольствие в беседе с ним, особенно когда речь идет о торговле. Господин интендант весьма сведущий человек в этих делах.

— А я? А я? — воскликнул ревниво Виль д'Эвре. — Разве я плохо разбираюсь в торговых делах?

— Да, да и вы тоже.

— Разве я не образованный человек?

— Ну конечно же... вы самый приятный из всех образованных людей, которых я знаю.

— Вы очаровательны, — прошептал маркиз, благоговейно целуя ей руку. — Как я рад, что первым буду принимать вас у себя дома. Вы увидите, — продолжал он, повторяя свои излюбленные фразы, — мы очень скоро будем сидеть в моей маленькой гостиной в Квебеке, а за окном будет завывать буря. Я приготовлю вам чашечку настоящего китайского чая, несколько пакетов которого мне дал отец Мобеж. Затем усажу вас в самое лучшее кресло, скопированное моим мастером с лучших работ самого Булля. Я потом скажу вам его имя. Оно очень удобно — мягкие подушки, обшитые лионским шелком... Вы увидите... Вы устроитесь в нем и расскажете мне всю свою жизнь.

Решительно, самое сложное заключалось в том, что ей придется провести зиму в Квебеке в компании

слишком любопытного маркиза, который так настойчиво желал знать все мельчайшие подробности ее прошлого.

И было очевидно, что ей не удастся избежать этого...

В конце концов, поживем — увидим. Ведь они еще не в Квебеке.

И несмотря на уверенность Жоффрея, который не хотел признать, что нападение в лесу — результат хорошо спланированного заговора, в котором замешан губернатор де Фронтенак, она была убеждена, что их ждет встреча с могущественными врагами.

— Кем был маркиз де Варанж? — необдуманно спросила она у Вилья д'Эвре. Тот удивился.

— Варанж? Вы что-то слышали о нем?

— Просто так...

— И почему вы говорите «был»? Насколько я знаю, он не умер.

Анжелика прикусила язык и мысленно выругала себя. С тех пор как они проникли на французскую территорию, чувство реальности покинуло ее. Ей казалось, что она у себя во Франции, но это было далеко не так. Чтобы исправить оплошность, она солгала:

— Я точно не помню, кто мне говорил о нем, возможно Амбруазина де Бодрикур, на восточном берегу. Она слышала, что он был вызван во Францию.

— Но это невероятно, я не в курсе, — возмущенно сказал Виль д'Эвре.

Поколебавшись немного, он добавил:

— Во всяком случае похоже на правду, что наша дорогая герцогиня поддерживала с ним связь, и не только по почте. Это было в его духе. Старый зануда любил вынюхивать чужие тайны, это помогало ему продвигаться по службе. В Квебеке он занимал незначительный пост старшего казначея, но я никогда

не общался с ним. Не успев появиться в городе, он уже всех знал. Какая чертовщина! Теперь я вдвойне буду остерегаться де Варанжа...

Чтобы переменить тему, Анжелика подала знак Куасси-Ба.

— Да, я что-нибудь охотно выпью, — сказал Виль д'Эвре. — Я слишком много говорил, пытаюсь объяснить кое-что этому бесчувственному господину, но все напрасно. Да, я с восторгом говорил ему о вас, Анжелика. Когда-нибудь я повторю вам эти слова. Они должны были, взволновать его, раскрыть глаза, но увы, он признает только логику и видит только то, что перед глазами.

Великан Куасси-Ба склонился перед ними, держа на медном подносе чашечки с горячим турецким кофе.

Этот негр был самым лучшим и надежным другом. Сколько она его помнила, он всегда был рядом, готовый защитить их. Он многое мог бы рассказать о прошлом графа и графини де Пейрак, которое так интересовало Виля д'Эвре! Со времени, когда тулузский раб впервые увидел Анжелику, молодую новобрачную в золотом платье, и до сегодняшнего вечера на Святом Лаврентии, когда он стоял, склоненный перед нею, вся жизнь его была тесно связана с их жизнью. Перед походом в Квебек граф де Пейрак вызвал его из Вапассу, из Верхнего Кеннебека, где тот работал на шахте.

В этот вечер, чтобы угодить благородному собранию, Куасси-Ба надел свою ливрею, расшитую золотом, которую утеплили, чтобы он не слишком страдал от холода. На ногах были белые чулки, отделанные золотой нитью, и туфли с пряжками, на высоком каблуке. Тюрбан из алого шелка с султаном украшал седую голову, придавая его черному лицу неповторимый красноватый оттенок. В уши были вдеты золотые кольца с жемчужными подвесками — подарок

графа де Пейрака, который он сделал недавно своему верному слуге.

Виль д'Эвре с завистью смотрел на негра-великана, отмечая благородство его движений и умение держать себя.

— Ваш мавр будет пользоваться успехом в Квебеке. Как я раньше не додумался завести себе одного...

И он досадливо щелкнул языком. В этой дыре, в Квебеке, невозможно уследить за модой. У его знакомой, герцогини де Понтарвиль, жившей в предместье Сен-Жермен, в Париже было два мальчика-пажа из Судана. Она охотно уступила бы их ему, но сейчас было слишком поздно посылать депешу в Европу, нужно подождать до следующей весны.

В это время господин де Вовенар заинтересованно спросил:

— Почему вы, мессир де Пейрак, с таким опозданием отправились в плавание? Пока природа милостива к нам, но еще немного и мы встретим льды.

— Лучше встретить льды на своем пути, чем корабли, — заметил граф.

Карлон, который все слышал, бросил на него желчный взгляд.

— Кажется, вы хорошо осведомлены о проблемах Новой Франции. Действительно, в конце октября все корабли возвращаются в Европу и вы не рискуете оказаться перед достойным противником. У Новой Франции нет своего флота, и это причина моих постоянных споров с господином Кольбером. Но если Квебек закроет свои двери, вам придется возвращаться назад, и тогда вы станете пленником своих рухнувших планов.

— Но почему вы хотите, чтобы Квебек закрыл перед нами свои двери? — подскочил на месте Виль д'Эвре, который не хотел, чтобы сегодняшний вечер был окончательно испорчен, — Хочу я видеть это! Люди

соберутся на пристани, приветствуя нас салютом. Вот как все произойдет!.. Вот, графиня, возьмите это бесподобное пирожное, — обратился он затем к Анжелике.

Говоря, он так сильно размахивал руками, что Анжелика опасалась за чашку с кофе, которую держала в руке, однако пыл, с которым маркиз поддерживал их и пытался приободрить, доставил ей удовольствие.

С трудом ей удалось не расплескать свой кофе и не испачкать туалета. Медная чашечка покоилась на подставке из фарфора, что позволяло держать ее тремя пальцами и при этом не обжечься. Она сделала несколько глотков.

Ее радовала эта маленькая передышка в их путешествии. И хотя экспедиция проходила относительно спокойно, нельзя было забывать, что, начиная с острова Антикости, они плыли по территории Новой Франции. И для тех, кто смотрел правде в глаза, было видно, что они находились на вражеской земле. И все же сейчас они были среди друзей.

Река на их пути была почти пустынна. Лишь изредка они встречали флотилии индейских каноэ, которых грозовые тучи гнали к берегу, да рыбацкие баркасы из одиноких поселений, жители которых безо всякого любопытства смотрели на чужой флот под незнакомым флагом, направляющийся к Квебеку.

В первых числах ноября они потеряли из виду мыс Гаспе, излюбленное место птиц. Позади оставались острова, на которых было множество морских котиков и диких канадских уток. Им постоянно приходилось лавировать, чтобы избежать резких осенних ветров и штормов, нередких на этой великой реке, воды которой оставались солеными на сто лье в глубь континента.

Чудесная погода, которая сопровождала их во время плавания по заливу и потом, когда они взяли курс

на север, вдоль берегов Акадии, совершенно испортилась, когда они миновали мыс Гаспе.

Холодные осенние туманы затрудняли продвижение вперед. Пейзаж пустынной реки, окутанной белой пеленой, оживляли лишь корабли, которые звуками сигнальных рожков перекликались друг с другом, и золотой пожар неповторимого осеннего леса.

На реке было не так холодно, как в заливе, и поэтому в этот вечер все находились на палубе.

К капитанам кораблей Роланду д'Урвиллю, Эриксону, Ванно, Кантору, Барссемпуи, пришедших с рапортами на «Голдсборо», присоединились королевские чиновники, которых Жоффрей де Пейрак подобрал во Французском заливе и на восточном побережье Акадии. Они вынуждены были покинуть эти места из-за нападений англичан и из-за печальных событий, в результате которых они лишились своих кораблей. Кроме того, здесь были господин де Вовевар, Большой Лес, Большая Река — акадские сеньоры, которые решили воспользоваться случаем, чтобы покинуть свои отдаленные места и напомнить о себе мессиру де Фронтенаку, губернатору Новой Франции, которому в большей или меньшей степени все они подчинялись.

— Вы огорчили ее, — сделал замечание Виль д'Эвре интенданту. — Вот видите, что вы наделали.

— Мне очень жаль, мадам, — сказал Карлон.

— Это все ваши слова, — добавил маркиз.

— Нет, нет, господин интендант вправе делать любые прогнозы, — возразила Анжелика.

Канадские французы считали Жоффрея де Пейрака союзником англичан, который обосновался в Кеннебеке, чтобы помочь завоевать французские территории: канадские и акадские земли. Для других он был пиратом, таким же опасным и безжалостным, как Морган. О нем ходили самые неправдоподобные слухи.

Нет, он не ошибался, когда говорил о том, что только встреча лицом к лицу поможет расставить все на свои места. Это объясняло его настойчивое стремление отправиться в Квебек, где он мог лично опровергнуть нелепые сплетни.

А то, что на борту «Голдсборо» находился интендант Новой Франции, еще больше осложняло ситуацию.

— Я знаю, что вас беспокоит, — вновь сказала Анжелика, — и почему вы все время спорите с маркизом, который не любит замечать мрачные стороны жизни.

— Этот Карлон просто зануда, который вечно дрожит от страха, думая о том, что нас ждет в Квебеке, — проворчал Виль д'Эвре.

— Мы все боимся, — сказала Анжелика.

— Кроме него, держу пари... И жестом Виль д'Эвре указал на графа де Пейрака, который, казалось, был совсем не обеспокоен словами Карлона.

Анжелика кивнула:

— Бури и штормы всегда лишь забавляли его. Жоффрей в это время продолжал беседу с господином де Вовеваром и геометром Фальером о наступлении холодов и об обстановке на реке Святого Лаврентия во время зимы. Он допил свой кофе и Куасси-Ба, держа одной рукой щипцы с тлеющим углем, другой рукой подал ему скрученные в трубочку листья табака, которые граф любил курить таким способом. Он зажег ее и с видимым удовольствием выпустил несколько клубов голубого ароматного дыма.

— Как в Тулузе, — подумала Анжелика. Это немного успокоило и оживило ее.

Анжелику мучили противоречивые чувства: иногда ей казалось, что все ее страхи напрасны, а иногда предчувствие беды, идущее из глубин подсознания, угнетало и мучило ее. Она посмотрела на Жоффрея.

Он казался таким спокойным, сильным, уверенным, что все окружавшие его люди проникались безграничным уважением и доверием к нему.

Встретив ее взгляд, темные глаза графа откликнулись, и сквозь дым Анжелика уловила нежность, которую они излучали. Едва заметными знаками он попытался успокоить ее, дал понять, что ей нечего опасаться. И действительно, чего она должна бояться, когда он здесь, рядом. В прошлом году в это же время они вдвоем отправились в глубь лесов Нового Света, навстречу неизвестности. Им пришлось преодолеть враждебность канадцев, мстительность ирокезов, холодную зиму, голод; и вот сегодня они были так же сильны, как и тогда. Их корабли были хорошо вооружены, удобны и полны товаров, которые должны помочь политике Жоффрея де Пейрака и завоевать расположение их союзников и сторонников в Северной Америке. Разве это не было чудом и не говорило о том, что Жоффрей де Пейрак — необыкновенный человек? Его непредсказуемость была поистине удивительной. Он оставался прекрасным дуэлянтом, владеющим секретными приемами и обладающим безукоризненной защитой.

Сотни раз они подвергались смертельной опасности в течение этого года.

Им предрекали поражение, гибель, надеялись, что они побеждены навсегда. И вот они — победно продвигаются вперед, к Квебеку.

Глава 2

Разговор прервался от смеха, возгласов и возни, которую неожиданно появившиеся дети затеяли на мостике корабля.

Анжелика заметила свою малышку Онорину и ее друга Керубино. Они пытались догнать кота, который с человеческой хитростью ускользал от них, прыгая то на канаты, то на перила и в конце концов — на пушку, закрепленную в центре палубы; там он весь сжался и вновь приготовился к прыжку.

В этот момент дети, с трудом забравшиеся на орудие, настигли и схватили его, крича и подпрыгивая от радости.

— Ты хочешь замучить нас, — закричала коту Онорина.

Керубино был маленьким, кругленьким мальчуганом, немного ниже ростом, чем его озорная подружка, хотя им обоим было по четыре года.

Двусмысленное положение внебрачного сына маркиза Виля д'Эвре еще не омрачало его детского сознания. Прежде всего он был сыном Прекрасной Марселины, самой замечательной женщины на всем побережье Французского залива. Жительница Акадии, одна из первых ее поселенцев, пышная, как хлеб, и отважная, как целый королевский отряд, она не имела себе равных в открывании морских раковин.

Марсели на никогда не отпустила бы Керубино, младшего из ее многочисленных отпрысков от разных отцов, если бы не покровительство Анжелики и не ее старшая дочь Иоланда, которая тоже отправилась в это путешествие. То, что его отец, маркиз, хотел воспитать сына, как принца, не произвело на нее никакого впечатления. Она решила: Хорошо! Пусть мальчик

отправиться в Квебек и проведет там зиму вместе с экипажем «Голдсборо», а потом будет видно.

Вслед за детьми появились Иоланда, французский солдат Адемар и Нильс Эббиэл, мальчик-швед, сирота, которого взял к себе иезуит Луис Поль де Верной. Все они, так же, как и кот, направлялись в Квебек.

Для этих обездоленных, которых взяли под свою защиту Анжелика и Жоффрей де Пейрак, это путешествие было важным событием.

Иоланда впервые в своей жизни увидит оживление большого города, с его церквями, собором и настоящим замком. Ведь единственное, что она видела, — были торговые поселки, деревянные форты, скромные миссионерские часовни, построенные на границе между морем и диким лесом. Солдат Адемар рисковал, отправляясь в это путешествие, ведь его могли повесить как дезертира.

Глядя на Керубино, Видь д'Эвре гадал, что скажет Квебек по его поводу. Он не собирался открыто говорить о своем отцовстве, просто надеялся, что сходство с мальчиком раскроет со временем глаза согражданам. А пока он с нежностью наблюдал за малышом и строил планы. Придет день и Керубино станет пажем при дворе самого короля. Жаль, конечно, что для этого придется вернуться во Францию. Но не надо торопить события.

В конечном счете жизнь для многих на этом корабле была прекрасна, а путешествие просто восхитительным.

Заметив Анжелику, кот сразу же подбежал к ней. Она знала, что в груди этого маленького существа бьется любящее и преданное сердце. В начале лета в Голдсборо она нашла его маленьким котенком, несчастным и брошенным, и затем они столько всего пережили вместе.

Увидев, что кот прыгнул к Анжелике, Онорина бросилась к ней и обвила ее шею руками.

Затем она мрачно посмотрела на котенка, который уютно устроился на коленях матери.

— Он любит вас больше, — сказала она с сожалением.

Со времени их встречи она обращалась на «Вы» к своим родителям, может, чтобы показать, какая она взрослая, а может, потому что была обижена — ведь они так надолго оставили ее одну в Вапассу.

— Ты так считаешь? А мне кажется, что с тобой ему веселее, просто он помнит, как я заботилась о нем, и благодарен за это.

Она рассказала ей, как он был ранен, правда, не уточнила, кем именно. По этой же причине он остался на попечении детей Бернов. А сейчас она очень рада вновь увидеть его, потому что очень скучала и потому что кот нужен на корабле, так же, как и в доме.

Онорина слушала Анжелику, глядя на своего маленького соперника, который, прикрыв глаза, внимательно следил за ней. Затем ласково потерлась своей щекой о щеку Анжелики, которая в ответ нежно обняла ее. Она посмотрела на ее маленькое, упрямое личико, обрамленное роскошными волосами цвета меди и приласкала их с гордостью. Ее дочь была красива и грациозна, как принцесса. У нее была длинная, красивой формы царственная шейка, а кожа не была покрыта веснушками, как можно было ожидать, но нежно золотилась, как и у Анжелики. На ее овальном лице с правильными чертами даже маленькие темные глаза казались красивыми благодаря бесстрашному и глубокому взгляду, который поражал своей пронизательностью.

Это была маленькая личность!

«Какой прием ждет тебя в Квебеке? — спрашивала себя Анжелика. — Все-таки ты француженка, рожденная в самом сердце Пуату, где твоей

повивальной бабкой была старая лесная колдунья Мелузина».

И она махнула головой, словно пыталась прогнать мучительные воспоминания, которым, впрочем, было не так много лет. Но сколько разных событий произошло за это время!

— Тебе не нравится это пирожное? — спросила Онорина, с любопытством наблюдая за матерью.

Анжелика заметила, что все еще держит пирожное, от которого откусила лишь маленький кусочек. Но даже погруженная в свои мысли, она продолжала следить за нитью окружающего разговора.

Кот ждал своей очереди, Онорина тоже.

На корабле все было тихо и спокойно. Ночь уже окутала землю своим темным покрывалом, и лишь лица и ленты кружев все еще светлели среди расплывчатых силуэтов. От тлеющих углей огонь в жаровне становился все ярче. Кто-то из команды корабля подошел к Пейраку, и Анжелика увидела, как две их тени слились.

Затем она расслышала слабый шепот:

— Мессир, какой-то корабль следует за нами.

Глава 3

В Горячей бухте они взяли на борт лаврентийского лоцмана, которого семейные и другие дела привели на восточное побережье Акадии, где он собирался скопить немного денег. Он зарабатывал на жизнь благодаря своему превосходному знанию реки Святой Лаврентий, по которой водил корабли, преодолевая пороги и подводные течения. Жители Акадии, находящиеся на борту «Голдсборо», полностью доверяли его интуиции и способностям. Жоффрей де Пейрак вручил ему кругленькую сумму, чтобы заручиться его преданностью. Ганемон, так звали лоцмана, был убежден, что флот, который ему доверили, без осложнений доберется до Квебека.

Это именно он вполголоса сообщил новость Жоффрею де Пейраку:

— За нами следует какой-то корабль.

Анжелика, услышав это, вскочила и инстинктивно прижала к себе детей, как будто хотела защитить их.

Видя, что она встала, гости из вежливости сделали то же самое. Они не расслышали слова лоцмана, и их взгляды обратились к Жоффрею де Пейраку.

Но тот без особого волнения воспринял услышанное и поднялся вслед за всеми, не вынимая сигару изо рта.

От реки веяло прохладой, стало совсем темно. Наступило время расходиться.

Медленно и с видимым удовольствием граф в последний раз вдохнул клубы голубого дыма, затем положил остаток сигары в серебряный бокал с водой.

— Что происходит? — спросил Видь д'Эвре. Граф ответил:

— Какой-то корабль следует за нами.

После его слов все тут же повернулись к реке, пытаясь что-нибудь разглядеть в этой кромешной тьме.

— Вы хотите сказать, что какой-то корабль идет вверх по реке Святого Лаврентия вслед за нами? — вскричал д'Урвилль. Затем пожал плечами:

— ...В это время года?.. Но это невозможно. Это безумие!

— А может быть, это военный королевский корабль, посланный на помощь Квебеку? — предположил кто-то.

Пейрак усмехнулся:

— Какая опасность может угрожать Квебеку? И кто мог знать о моих намерениях отправиться в Квебек осенью?

— Некоторые новости доходят быстрее, чем корабли, и могут на расстоянии воздействовать на умы.

Граф покачал головой:

— Я бы не стал говорить о каком-то сверхъестественном воздействии. Король Франции не из тех людей, на которых оказывают влияние потусторонние силы.

«По крайней мере, король сделал бы все возможное, чтобы этот корабль пришел в Квебек до наступления холодов и раньше нас», — подумал граф.

— А вы не верите в чудеса, господин граф?

— Я бы не сказал этого. — Пейрак наклонил голову, пытаясь разглядеть говорящего. Это мог быть Фальер или один из акадских сеньоров — Вовенар или Сен-Обен. В это мгновение к нему подошел Эриксон:

— Будут какие-либо распоряжения по поводу этого корабля?

— Пока нет, мы сейчас на якоре, и лучше всего подождать до утра. Вероятно, так поступит и этот неизвестный корабль.

Лаврентийский лоцман сказал, что корабль, о котором идет речь, потерпел аварию сегодня пополудни, недалеко от Крысиного полуострова.

— Это довольно далеко, — заметил Карлон, плотно закутываясь в пальто и поднимая свой воротник, — но как вы могли узнать об этом?

— От людей, которых я нанял в Гаспе и которые следуют за нами по южному берегу реки. Они послали это сообщение с , индейцем.

— А может быть, речь идет о каком-нибудь акадском судне? предположила Анжелика.

Граф возразил ей:

— Я не думаю, ведь мы всех предупредили, когда были в Тидмагоуче. Кроме наших судов, получивших предписание находиться или на восточном берегу, или в Голдсборо, и «Бесстрашного» пирата Ванрейка, который отправился в Карибское море, я не вижу других кораблей, которые бы рискнули в это время года совершить такое путешествие. Не правда ли, господин Вовенар? Вы ведь тоже предпочли отправиться с нами и не подвергать опасности ваше суденышко?

— Конечно! — сказал Вовенар, пожимая плечами.

Ему нечего было беспокоиться. Он отправлялся в Квебек, чтобы попросить де Фронтенака освободить его от налогов и навестить женщину, которую мечтал сделать своей женой. Живя в лесу, он ничего не знал о распрях между сеньором из Голдсборо и Новой Францией и не видел причин, мешающих ему отправиться в путешествие на хорошем и удобном корабле.

— Может быть, это англичане?.. — Пейрак задумчиво наклонил голову:

— Думаю, нет. Кроме нашего отважного друга Фипса, которому в этом году сопутствовала удача и который уже, наверное, давно в Бостоне, я не знаю никого, кто бы решился в одиночестве, поздней осенью, забраться в глубь французской территории. Вероятнее всего, речь идет о торговом судне из Гавра или Нанта, которое из-за погоды не смогло прийти вовремя.

Продолжая говорить, граф сделал несколько шагов и оказался рядом с Анжеликой. И хотя было темно, она знала, что его лицо выглядит сейчас хмурым, но решительным. Она уловила аромат табака и запах фиалки и почувствовала запах его руки на своих плечах. Жоффрей нежно обнял Анжелику, все еще прижимающую к себе детей.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Карлон.

— Я уже сказал вам. Ждать... Ждать рассвета, ждать, когда этот корабль подойдет ближе.

— И что затем?

— А затем... все зависит от его намерений. Если он атакует нас, мы будем защищаться. А если нет... В любом случае, я попытаюсь выяснить, откуда он, что за люди на его борту, какой груз он везет в своих трюмах.

— Это слова пирата! — воскликнул интендант, от негодования у него даже дух захватило.

— Да, я пират, — неожиданно легко согласился Пейрак. — По крайней мере, обо мне так говорят.

И Анжелике показалось, что она видит горькую усмешку на его губах.

— Кроме того, я еще и колдун, который был заживо сожжен на Гревской площади в Париже семнадцать лет назад.

Наступила мертвая тишина. Затем Виль д'Эвре попытался шуткой разрядить обстановку.

— Однако вы хорошо сохранились, — улыбнулся он.

— Раз я колдун, значит могу выйти невредимым из огня... А теперь, господа, поговорим серьезно. В последний момент по приказу короля приговор был отменен. И граф де Пейрак де Морене д'Ирристру, тулузский сеньор, не был сожжен, как это известно, но взамен должен был навсегда исчезнуть. Сегодня он возвращается!

На этот раз тишина была долгой. Все забыли даже о таинственном корабле.

— А король, он помиловал вас? — наконец спросил интендант.

— И да, и нет. Скорее всего, обо мне забыли. Это тоже одна из причин, почему я решил открыться вам сегодня. Я хочу напомнить ему о себе. Слишком долго я скитался по свету из-за этого приговора.

Появились матросы с факелами в руках и зажгли фонари, которые поддерживались изящными медными рожками.

Свет сразу же выхватил из тьмы лица людей, на которых застыли разные выражения. Виль д'Эвре ликовал. Ситуация осложнялась и становилась все более интересной. Карлон был бледен. Все оказалось гораздо хуже, чем он предполагал. Старые товарищи Пейрака — Эриксон и д'Урвилль не выглядели удивленными, хотя их слегка поразило, что граф решился на такое признание. Впрочем, от него они могли ждать чего угодно и давно уже привыкли к этому. Он никогда не бросал слов на ветер и всегда действовал по заранее продуманному плану. Те, кто недавно служил под его началом, например Барссемпуи и Ванно, отнеслись равнодушно к его словам. Все они были джентльменами удачи, с разной судьбой и со своими тайнами, раскрывать или хранить которые зависело только от них. В этот вечер их командору хотелось говорить. Ну что же, это его личное дело.

Анжелику слова Жоффрея ошеломили и встревожили. Она я дрожала, слыша, как он делает свое страшное признание.

Именно в тот момент, когда она была уверена в угрожавшей им опасности, Жоффрей открыто заявил: Сир! Вот я! Тот самый сеньор, которого когда-то приговорили к смерти, потому что боялись его, потому что он мешал вам! Разве это не безумие? Ее мысли нашли подтверждение в словах интенданта, с которыми Карлон обратился к Жоффрею де Пейраку:

— Вы решительно сошли с ума! Такое признание! Перед нами! Король Франции обладает огромной властью, а вы ведете себя вызывающе!

— Почему вы так считаете? Что из сказанного мною сейчас неизвестно его величеству? И хотя он не может предвидеть нашего визита в Квебек, он все же знает о моих действиях из сообщений, которые ему регулярно посылают. Вот уже три года как я нахожусь в Северной Америке, не скрывая своего настоящего имени — граф де Пейрак де Морене д'Ирристру. Я дал ему достаточно времени вспомнить своего вассала, которого он приговорил и изгнал когда-то, и исправить свою ошибку. Сегодня я тоже обладаю некоторой властью. С тех пор как я покинул Францию, прошло много времени. Король сейчас в зените своей славы и с великодушием может отнестись к своим подданным.

— Вы шутите с огнем! Какой безумец! — повторил Карлон.

— Не думаю, что доставлю неудовольствие его величеству.

— Вы игрок!

— А вы, господин Карлон, разве не лицемерите, говоря, что вам ничего неизвестно о моем прошлом? Разве власти Квебека не осведомлены обо всем? В сообщении, посланном господину де Фронтенаку, было упомянуто об этих печальных событиях. Я повторяю что, с тех пор как нахожусь в Новом Свете, я не скрывал ни своего настоящего имени, ни титула, и при желании можно было легко справиться обо мне в Париже. Я даже знаю, что отец д'Оржеваль взял на себя труд сделать ЭТО.

Интендант пожал плечами и тяжело вздохнул:

— Конечно, о вас ходит много разных слухов, но что касается меня, то я никогда не придавал им большого значения. Говорили даже, что ваша жена — Демон Акадии, что я находил весьма забавным. Все, что я

слышал о вас, казалось мне выдумкой, чьей-то фантазией. И теперь мне тяжело слышать от вас подтверждение всех этих разговоров.

— У вас не было возможности самому прочитать это сообщение?

— Нет, граф! Наш губернатор, мессир де Фронтенак, хранит его в глубоком секрете. Я даже не знаю, показывал ли он его магистру Лавалю. Во всяком случае, иезуиты его не видели.

— Просто замечательно! — радостно воскликнул Пейрак. — Так мог поступить только настоящий гасконец. Я уже предвкушаю встречу с ним. Господа, отбросьте свои страхи и сомнения. Я иду в Квебек, чтобы развеять нелепые слухи обо мне. Не знаю, сколько лет мне осталось жить, но я хочу, чтобы они прошли в мире с соотечественниками и соседями, на благо и процветание этой страны, которая приютила нас. Вы согласны со мной?

— Конечно, — горячо поддерживая его, сказал Виль д'Эвре, — пират вы или колдун, или и то и другое вместе, меня это мало волнует, но я хочу сказать: вы самый богатый человек в Америке, и мы должны жить в мире. Не правда ли, мой дорогой интендант?.. Господа, я пью за успех нашего плавания! Это вино, граф, просто восхитительно. Правда, немного сладкое, чтобы подавать его к мясу, но с пирожными — просто великолепно. Это испанское вино, не так ли, мой дорогой граф-колдун?

— Да, действительно. Ванрейк привез мне его из Новой Мексики. Я просил его найти какого-нибудь французского вина — бордо или бургундского, но, к сожалению, ему не удалось. Правда, у меня есть пара бутылок, но я взял его из Голдсборо и везу в подарок господину де Фронтенаку. Я слышал, что он часто устраивает приемы и жалуется на отсутствие хорошего французского вина. Это настоящий гурман.

— Мы, французы, все любим хорошо поесть. Это наш недостаток. Но увы, граф, находясь на борту вашего корабля, вряд ли мы сможем избавиться от него. Так давайте выпьем! Улыбайтесь, Карлон! Ведь жизнь так прекрасна!

Куасси-Ба вновь наполнил бокалы.

Глава 4

Был поздний вечер. Онорина уютно устроилась в своей кровати рядом с котом и сундучком, где она хранила свои сокровища. На просторной и хорошо проветриваемой нижней палубе, где во время своего путешествия в Америку размещались протестанты из Ля Рошели, было устроено что-то вроде детской. Среди мягких перин, подушек, меховых шкур дети и Иоланда чувствовали себя, как во дворце. Полог, который днем поднимался, отделял их от места, где находились королевские девушки под присмотром Дельфины дю Розо. На другом краю нижней палубы разместились три священника, взятые на борт в Тидмагоуче, господин Вовенар, шевалье Большая Река, оба Реколле, господин Кантен и Ораториен. Адемар нашел себе место в темном уголке возле орудий. Проще говоря, он сложил там свои жалкие пожитки, которые сопровождали его от Верхнего Кеннебека до Порт-Рояля и Бостона, где он был пленником англичан, и наконец попали сюда, на этот корабль, направляющийся к желанным берегам французской земли.

В этот момент он учил маленького Керубино играть на дудочке, изредка посматривая на Иоланду, которая энергично расчесывала свою шевелюру, спрятанную днем под чепец из белого холста.

Королевские девушки стояли на коленях и шептали последние слова вечерней молитвы. Затем перекрестились, встали и принялись готовиться ко сну.

Онорина перебирала свои сокровища: морские ракушки, камешки, сухие цветы, золотое колечко, которое ей подарил Жофfrey де Пейрак, когда они впервые вступили на американское побережье.

— Я покажу их в Квебеке, но только тем, кто будет добрым со мной.

Можно было подумать, что мрачные прогнозы интенданта Карлона подействовали на малышку, я сейчас она строила планы.

— А остальных, я их убью!

Анжелика с трудом удержала улыбку. Давно она не слышала этих слов от Онорины.

Часто во время этого путешествия девочка вспоминала, как совсем крошкой она жила с матерью в Ля Рошели, во Франции. Тогда ей отовсюду чудилась опасность, и, чтобы защитить себя, она с палкой в руках и с криком: «Я вас убью!» — бросалась на тех, кто казался ей страшным. Однажды она захотела «убить» некоего Бомье, католика, повздорившего с протестантами Бернами в их доме.

Видя, с каким усердием Онорина укладывает свои сокровища обратно в сундучок, Анжелика ласково потрепала ее за пухленькую щечку. Но девочка с недовольным видом продолжала заниматься своими делами — она не любила, когда ей мешали.

— А у меня тоже был сундучок, в котором я хранила свои сокровища, — сказала Анжелика.

— Правда?

Это показалась ей интересным. Она положила свой сундучок рядом с собой и скользнула под одеяло, готовая уснуть.

— А что у тебя там было?

— Я не очень хорошо помню... Кажется... Да, там было гусиное перо, которым один поэт писал свои стихи, затем египетский кинжал...

— А у меня нет ножа, — пожаловалась Онорина, — открывая глаза. — Я хочу, чтобы он у меня был. Господин д'Арребус обещал мне подарить... А где сейчас твой сундучок?

— Я не знаю.

Уже засыпая, Онорина спросила:

— А где сейчас тот поэт?

Поцеловав дочь и Керубино, Анжелика собралась уже выходить, как вдруг Иоланда спросила ее вполголоса:

— Мадам, вам не нужна моя помощь? Я бы могла помочь вам следить за вещами, убирать вашу комнату. Мама сказала, чтобы я была полезна вам даже в мелочах.

— У тебя и так много забот с этими сорванцами.

— Мне это не трудно. Я привыкла к работе и к детям. На этом корабле я совсем обленилась. Может быть, вы боитесь, что я не умею обращаться с модными платьями, женскими украшениями. Да, вначале будет сложно, но я быстро научусь. Мои руки довольно проворны, хотя внешне я и не очень поворотлива.

— Кто тебе сказал это? — возразила, улыбаясь, Анжелика.

Ей нравилась эта храбрая, сильная, но не очень ладно скроенная девушка, способная на безграничную преданность, что Анжелика уже успела оценить.

— Я знаю, что ты достойная дочь Прекрасной Марселины, не правда ли, Адемар? — обратилась она к солдату.

— Конечно, — с готовностью подтвердил он, — эта девушка умеет все делать так же хорошо, как и ее мать.

— Только не раковины, — возразила Иоланда, смущенно краснея, — я не умею их открывать так же быстро, как она.

— Вряд ли кто-нибудь сможет опередить ее.

— Я очень скучаю по ней, — призналась девушка. — Но моя мать очень беспокоилась бы за вас и Керубино, если бы я не отправилась в это путешествие.

Она — настоящий друг!

Анжелика была рада, что может оказать услугу Марселине и взять на себя заботы о ее сыне Керубино во время плавания.

— Да, я тоже очень скучаю по ней, — призналась она, — но мы встретимся весной, когда вернемся во Французский залив, завершив трудное, но очень важное дело. Не беспокойся обо мне. Я бы хотела, чтобы ты занималась детьми, а не становилась горничной.

— Тогда возьмите одну из моих девушек, — предложила Дельфина дю Розо, — Генриетту, например. Она была служанкой у знатной дамы, и поэтому знает все тонкости ухода за женскими туалетами. Она всегда прислуживала мадам де Бодрикур.

— Нет! Нет! — живо откликнулась Анжелика.

— Тогда, может быть, я сама? — спросила Дельфина. — Я привыкла к такой работе, и мне очень бы хотелось служить у вас.

— Нет! Нет! — вновь повторила Анжелика. Только от одного упоминания мадам де Бодрикур ее охватывала дрожь.

— Я вам обеим благодарна, но сейчас я пока сама справляюсь со всем. А позже, в Квебеке, — посмотрим. Иоланда, ослабь шнуровку на спине, и я пойду.

Человек, который сопровождал ее, держа фонарь в руке, был мальтиец Энрико Энци. Словно лоцман, он вел ее в темноте по палубе, загромажденной корабельными снастями.

«...Да и у меня был сундучок с сокровищами, — вспоминала Анжелика. — Где он теперь? Когда я могла потерять его?»

И она попыталась вспомнить вещи, которые в нем хранились. Это были следы ее прошлого, ее пребывания во Дворе Чудес — притоне бродяг и бандитов.

Да, там было перо поэта Кротте, ее любовника, повешенного за свои памфлеты, египетский кинжал

Родогона, которым она убила Великого Креза...

Она плотнее закуталась в плащ. Заморосил мелкий осенний дождь. Свет луны, пробиваясь сквозь пелену густого тумана, отливала холодным металлическим блеском.

Анжелика заметила на полуюте Жоффрея, и сердце ее наполнилось радостью. Его силуэт выделялся черным пятном в ночной темноте, а туман делал его величественным и таинственным.

О чем он думал? О таинственном корабле? О предстоящем сражении?

— Как вы думаете, у корабля, который следует за нами, враждебные намерения? — спросила она у Энрико. — Что говорят об этом?

Мальтиец покачал головой.

— Совсем нет... Граф считает, что речь идет о торговом судне, которое задержалось из-за аварии или плохой погоды. Нам остается ждать. Во всяком случае, он — одинок, а мы — сильны.

И как будто, чтобы подтвердить свои слова, он показал в темноту, где угадывалось присутствие других кораблей. Они услышали чьи-то голоса, перекликавшиеся друг с другом, и увидели мерцание красноватых сигнальных огней.

— Монсеньор приказал удвоить охрану и находиться капитанам корабля на своем посту до утра. И еще он отправил на землю разведчиков.

Преодолев две лестницы, ведущие на верхнюю палубу, Энрико и Анжелика остановились перед резной дверью в центральную каюту.

Две скульптуры из черного дерева, изображающие мавров с глазами из белого агата, поддерживались золоченные светильники изящной работы, стоявшие по обе стороны от двери.

Внутри лампы из венецианского стекла горели свечи.. Надежно защищенные от ветра, они ярко

освещали вход в каюту.

— Так что мадам графиня, вы можете отдыхать, ничего не опасаясь, — сказал на прощанье Энрико. — Мы привыкли быть начеку, если нужно.

Анжелика благодарно улыбнулась в ответ.

— Наверно, ты рад вновь отправиться в плавание, Энрико? Тебе ведь это нравится больше, чем жить в лесах Вапассу?

Мальтиец живо ответил с чисто средиземноморской галантностью:

— Больше всего я рад, что вновь нахожусь рядом с господином Рескатором и вами, графиня.

— Ты успеешь говорить комплименты, Энрико. Боюсь, что в Квебеке у нас будет много хлопот с тобой из-за молоденьких девушек.

Энрико засмеялся и очень довольный удалился прочь, неся в руке фонарь.

Анжелика уже собиралась войти в каюту, когда почувствовала на себе чей-то взгляд.

Подняв голову, она увидела Жоффрея, который, опершись о перила полюта, с нежностью смотрел на нее.

Рассеянный свет луны, казалось, окружал его голову ореолом.

— Я услышал ваш смех, мадам, — сказал он, — с кем это вы так мило беседовали?

— Это был Энрико, ваш мальтиец. Он успокаивал меня.

— Но почему вас нужно было успокаивать, любовь моя?

— Этот корабль...

— Этот корабль сейчас в трудном положении, ему не до нас. Он и так уже достаточно пережил на своем пути. — И добавил:

— Если это не то, что я думаю, что ж, придет время, и мы займемся им.

Анжелика молча стояла, глядя на него и придерживая рукой плащ. Сегодня вечером он сильно испугал ее словами: «Да, я колдун, которого когда-то сожгли на Гревской площади».

Ей хотелось бы предать забвению это прошлое, особенно то время, когда, покинутая всеми, она попала на парижское дно, где нашла защиту и покровительство у бандитов Двора Чудес. Тогда она думала, что Жоффрей умер, исчез навсегда.

В воздухе чувствовался запах дыма, и это усиливало ее страх — ведь они находились во владениях того самого короля, который приговорил когда-то Жоффрея де Пейрака. Вскоре им вновь предстояло столкнуться с его могуществом, тем более что сегодня Жоффрей открыто заявил о себе после стольких лет забвения. Это будет решающий поединок, планы которого он так долго вынашивал.

Она вновь услышала его приглушенный голос, звуки которого мягко и нежно ласкали ее.

— Вы простудитесь, родная моя. Идите в каюту и согрейтесь. Я скоро приду к вам.

Небольшая жаровня на изящном треножнике согревала каюту, придавая ей уютный вид. В ее глубине виднелся альков с поднятым парчовым пологом и с роскошно убранной кроватью. Поверх шелков и прекрасных шкур на нее было наброшено покрывало из кружев тонкой работы.

Это была красивая комната, богато и со вкусом обставленная. Через большие окна проникал слабый свет сигнальных огней. Он отражался в бронзе и золоте мебельной отделки, и блики его играли в медных застежках тяжелых фолиантов, стоявших в шкафу из палисандрового дерева. Каждый раз, когда Анжелика входила сюда, ее охватывало чувство покоя и умиротворения.

Она сбросила плащ на спинку кресла, подошла к алькову и начала с трудом раздеваться. Иоланда и Дельфина были правы. Для ее новых роскошных туалетов нужна была служанка, или ей придется с гибкостью змеи и усердием муравья справляться с этими многочисленными булавками и крючками. Вот и сейчас ей пришлось отказаться от мысли быстро раздеться. Она села на край кровати и отстегнула чулки из лионского шелка. Да, у нее была причина отказываться от помощи этих исполнительных девушек, которые были удивлены, как может знатная дама сама заниматься своим туалетом, не прибегая к помощи служанок. Во времена «Веселой Науки» у нее была Марго и позже, когда она стала мадам дю Плесси-Бельер и находилась при королевском дворе, ей прислуживали Жавотта, позднее вышедшая замуж за шоколадника Давида Шайо. Были у нее и другие, болтливые кокетки, которые вечно донимали своими пустыми разговорами и раздражали ее. Но их искусство было необходимо, чтобы выглядеть неотразимо, затмевая соперниц в Версале.

И в Квебеке не могло быть по-другому. Положение и титул обязывают ее к этому.

Как жаль, что она не могла взять с собой Эльвиру или мадам Жонас. На них можно было положиться. Но они принадлежали к реформаторской церкви, и для них это путешествие было равносильно смерти или ссылке на галеры.

Анжелике удалось наконец расстегнуть еще несколько крючков на спине и вытащить булавки из корсажа, расшитого жемчугом, после чего она расшнуровала атласный корсаж, освободив грудь и руки. Избавившись от своего тесного панциря, Анжелика облегченно вздохнула и принялась растирать тело. Ей заново надо было привыкнуть к корсетам. И все же не это тревожило ее. Как и любой женщине, заботы

о туалете доставили бы ей удовольствие, если бы не нужно было прибегать к чужой помощи. Конечно, Жоффрей, у которого был безукоризненный вкус, с удовольствием помогал ей, но не могла же она все время пользоваться его услугами. Нужно подыскать кого-то и преодолеть свой страх, раскрыть тайну, которую знали лишь немногие. Ее рука скользнула по гладкому, обнаженному плечу и нащупала чуть ниже, возле самой лопатки постыдный знак лилии — клеймо, которое выжег когда-то королевский палач.

Как жаль, что от него нельзя было избавиться. Из-за этого она не сможет теперь носить слишком открытые платья, как те, которыми так восхищался Версаль и которые обнажали ее великолепные плечи и прекрасную грудь. Воображение дорисовывало все остальное: тонкую талию, плавные изгибы бедер, скрытых широкими юбками. Они приводили в восхищение короля, взгляд которого постоянно чувствовала на себе Анжелика.

По мере того как она возвращалась к прежней, давно забытой жизни, сложности возникали одна за другой. Разве мог Жоффрей до конца понять, что значило для нее это путешествие в Квебек. Это было равносильно возвращению во Францию, на их потерянную родину.

Глава 5

Квебек! Скрытая жемчужина в сердце Америки. Он много успел уже пережить за свой короткий век: его завоевывали, теряли, вновь отвоевывали. Для кого? Для чего?

Какой интерес он мог представлять?

Затерянный в глубине американских лесов, Квебек более семи месяцев был закован во льды и отрезан от всего мира.

И все же, думая о нем, Анжелика поняла: ни за что на свете она не откажется от этого путешествия. И что бы не встретили в Квебеке: пушечные ядра, враждебность его жителей, — они все равно высадятся там и проведут зиму. Это было все, чего она хотела и о чем страстно молила Бога. Провести зиму в настоящем французском городе, где много жизни и тепла, посещать балы и участвовать в шествиях.

У нее появятся соседи, друзья, которых она сможет пригласить на чашечку шоколада или кофе. И, конечно же, ее ждут зимние вечера у фаянсовой печки Вил я д'Эвре, о которых он столько говорил. Она отведет Онорину к сестрам-монахиням, которые научат ее читать.

А у нее самой будет время познакомиться с литературными новинками, привезенными из Франции. Вот уже много лет она не была в курсе того, о чем пишут ее лучшие умы. В Квебеке она сможет пойти в лучшую ювелирную лавку и выбрать себе украшения, безделушки. А сколько интересного ждет их зимой: катание на коньках по замерзшему Святому Лаврентию, новогодняя служба в соборе, которую будет проводить сам епископ, приемы у губернатора и, конечно же, карнавал, где под масками кроется столько тайн. Виль

д'Эвре обещал держать Анжелику в курсе всех любовных интриг.

Эти видения и мечты сильно взволновали Анжелику и полностью вытеснили из ее сердца Вапассу — глухое местечко в чаще леса, где смерть подстерегала их на каждом шагу.

Год назад в сожженном форте Катарунке, павшем от руки канадцев, Жоффрей сказал, крепко прижимая к себе Анжелику:

— Если мы останемся живы и избежим расставленных нам ловушек, то я обещаю: придет день и мы станем сильнее, чем они.

Этот день наступил. Они не только выжили, но и обрели могущество. Прошел всего год, а они обладали уже золотом и серебром в достаточном количестве, многочисленными факториями вдоль рек, шахтами в горах, удобными гаванями, открывающими доступ к богатствам Америки, союзом с могучими индейскими племенами. И кроме того, совсем недавно Жоффрей де Пейрак приобрел влияние на Восточном побережье Акадии, купив земли старого Николя Пари со всеми рыбными промыслами, богатыми треской.

Но всякий раз ее охватывала дрожь, когда она вспоминала, сколько им пришлось пережить.

Они могли погибнуть от рук канадцев, ирокезов, из-за холода и голода. Форт Катарунк был сожжен, они вынуждены были уйти в глубь лесов и провести там зиму. Если бы не ирокез Уттаке, который прислал им мешок фасоли из долины Пяти Племен, они бы все умерли голодной смертью.

Она вдруг ощутила приступ голода, вызванный воспоминаниями о тех днях, когда лежала и ждала приближения смерти, а рядом дремала Онорина с опухшими деснами. Кому из пионеров Северной Америки не было знакомо чувство бессилия и беспомощности перед безжалостной дикой стихией.

Она бы не смогла еще раз пережить все это, зная, что где-то существует более легкая и интересная жизнь.

В душе она признавалась себе, что у нее больше нет сил влачить жалкое существование среди бедных людей, как это было в Верхнем Кеннебеке: обдирать кожу на руках, разводя огонь, ломать ногти, подвешивая котел, сгибаться под тяжестью хвороста, постоянно следить за всем, чтобы выжить в этих враждебных лесах.

Ей хотелось вновь наслаждаться жизнью, танцевать, возродить в себе прежнюю Анжелику — знатную даму, графиню де Пейрак, женщину, которую любил сам король, — и в то же время остаться дамой с Серебряного озера.

Для этого она должна преодолеть свой страх перед прошлым, призраки которого часто являлись к ней. Иногда это были давно забытые лица людей, которые вопрошали: «Анжелика! Где ты? Какой стала теперь?.. Мы все еще не можем забыть тебя...»; а иногда — смутные тени. Они появлялись тогда, когда, охваченная волнением и противоречивыми желаниями, она искала в окружающем подтверждение своим мыслям. К радости, которую она испытывала, предвкушая развлечения большого города, примешивалось острое чувство беспокойства. Но разве у нее оставался выбор? Судьба вела их, и они шли вперед, оставляя позади огромные просторы неизведанной земли.

После Гаспе их путь лежал по необъятной, как море, великой реке. Они плыли, лови попутный ветер, преодолевая огромные, почти океанские волны и туманы, которые белой пеленой окутывали Святой Лаврентий и застилали горизонт.

Анжелику вдруг охватил страх — а вдруг эта уединенная бухта окажется ловушкой для пяти

кораблей их флота, стоявших довольно далеко от берега.

Холодная северная осень с ранними заморозками, снегом, штормами делали невозможным их возвращение.

Им оставалось лишь одно — продолжать путь вверх по реке, проникая все глубже и глубже в эту таинственную страну с необъятными просторами и непроходимыми чащами. И вот, когда они совсем почувствуют себя затерянными в диких, бесконечных лесах, перед их глазами предстанет ГОРОД... С домами из белого камня, с серебристыми крышами, с колокольным звоном, независимый и враждебный — город, наполненный жизнью: французский Квебек.

Изумительная игрушка, чудо, остров в океане леса, маленький Париж, уголок Версаля, болтливый, надменный, элегантный, набожный, беззаботный, одинаково отдающийся молитве и искусству, роскоши и войне, мистике и адюльтеру, раскаянию и политическим интригам. Это был оазис в пустыне, цветок цивилизации в диком примитивном мире, убежище и защита от безжалостных стихий дикой неукротимой природы: голода, холода, враждебных дикарей.

И разве отец Верной, которому она исповедывалась этим летом, не сказал ей: «Отправляйтесь в Квебек, это и будет покаянием, которое я на вас налагаю! Отправляйтесь в Квебек! Имейте мужество встретиться с этим городом без стыда и страха. В конце концов, может быть это и принесет какую-то пользу Америке».

А теперь он мертв, убит. В память о нем она чувствовала себя обязанной исполнить покаяние, которое он на нее возложил: Идите в Квебек!

И какое значение имело клеймо, выжженое на ее плече, ведь «жизнь — прекрасна».

Этой зимой она будет посещать балы, званые ужины, играть в карты, а днем, прогуливаясь на

крепостных стенах с Онориной, она будет любоваться дикими лаврентийскими горами.

Глава 6

Он вошел и сразу же догадался, что она спит. В сумерках каюты еще витал тонкий женский аромат, который ему был так знаком. Вид разбросанной женской одежды вызвал у него улыбку. Где была сейчас та строгая и неприступная маленькая гугенотка из Ля Рошели, в одежде служанки, которую однажды, во время путешествия в Америку, Рескатор привел в свою роскошную каюту, делая попытку приручить ее? Где была та отважная затворница, которая разделила вместе с ним трудности бесконечной зимы в Верхнем Кеннебеке, бесстрашно помогая ему во всем? Он поднял с кружевного покрывала корсаж, шелк которого еще сохранял округлость ее форм. Пройдя путь неизвестной служанки, подруги завоевателя Нового Света, Анжелика вновь стала мадам де Пейрак, тулузской графиней. «Храни ее господь», — прошептал он, бросая нежный теплый взгляд на альков. Было темно и Жоффрей мог разглядеть лишь слабое сияние, исходившее от ее волос.

Она спала. Он подошел к бюро красного дерева и зажег ночник — изящный светильник из венецианского стекла. Затем тихо приблизился к ее изголовью и с нежностью посмотрел на спящую Анжелику.

Она спала тем глубоким сном младенца, который охватывал ее после бурных волнений или испытаний и был необходим ей, чтобы восстановить силы. Он уже знал это. Раньше ее сон был таким же беспокойным, как у большинства женщин, готовых в любой момент проснуться от любого шороха, откликнуться на первый крик ребенка. Но трудности, которые она пережила в прошлом, изменили ее. Теперь, убедившись, что все в порядке и ее близким не угрожает опасность, она

находила какой-нибудь укромный уголок и засыпала там. Ему редко удавалось видеть ее спящей, любоваться непринужденной грацией женского тела, красотой ее лица, от которого даже во сне исходило необъяснимое очарование. Где была она сейчас? Далекая и непостижимая как никогда.

Бродила в одиночестве по далеким и недоступным берегам своей памяти, которая была ее убежищем, ее тайником, куда никто не мог попасть?

В такие минуты острая боль пронзала его сердце, наполненное нежностью и любовью.

Сколько раз этим летом он мог потерять ее! Сколько раз судьба возвращала ее ему, но уже изменившейся, другой.

Никогда не забудет он мгновенья, когда увидел, как она бежала к нему по берегу с протянутыми руками, плача и смеясь от радости. Никогда не забудет он выражения ее лица, когда она бросилась к нему как безумная, обнимая, целуя его, шепча бессвязные слова любви, которые вряд ли даже помнит сейчас, потому что они шли из глубины ее сердца, где хранились в течение стольких лет. Она бормотала их, готовая умереть, если нужно, но только не вдали от него, только не вдали от него! Это было как озарение, он понял, что значил для нее, как сильно она любила его, как долго она любила его — ведь прошло четырнадцать лет. Этот порыв заполнил пустоту, которая мучала его все эти годы, хотя ему казалось, что он давно забыл ее и стал равнодушен.

Затем... Как можно словами передать это чувство обновления, выздоровления? Остались позади времена, когда им пришлось сражаться с Демоном, устанавливать мир в своих владениях, готовиться к экспедиции в Квебек. Они вновь обрели друг друга, но Анжелика стала другой.

Он угадывал новое существо, появившееся в ней, которое она прятала ото всех за спокойной улыбкой и умными словами.

Но как только они покинули проклятые берега и направили свои паруса к Квебеку, победная эйфория, казалось, преобразила ее. Она излучала радость, которая очаровывала всех, кто ее окружал, особенно французов, взятых на борт «Голдсборо» на восточном побережье Аркадии. Это была веселая компания. До Жоффрея постоянно доносились отрывки разговоров, смешных историй, взрывы смеха. Можно было подумать, что флот Пейрака отправляется не в военную экспедицию, а в развлекательное светское путешествие какой-нибудь принцессы, связанное с ее замужеством и желанием скрепить вечный союз. Тон, который она задавала на корабле, преобразил мужскую половину их экипажа. Все они выглядели жизнерадостно и были в хорошем настроении. Она имела такое влияние на них, что могла заставить пролезть даже сквозь игольное ушко.

Стояла чудесная погода. Небо и море переливались на солнце, а острова залива, по которому они плыли, сверкали, как драгоценные жемчужины. Анжелика смеялась, радуясь всему, что говорил Вильям д'Эвре, каждая мелочь приводила ее в восторг, она строила тысячи планов. И казалось, что тяжелое прошлое навсегда предано забвению.

Он вновь увидел ее такой, какой она была при дворе короля: светской дамой, дерзкой и отважной.

«Она произведет эффект на жителей Квебека», — подумал он.

Его вдруг охватило сильное желание проникнуть в тайны ее прошлой жизни, которая была неизвестна ему и мысли о которой он постоянно гнал от себя, не желая знать, как часто она предавала его. Сейчас эта боль уже не мучала его, потеряв свою ядовитую горечь.

Стена между ними была разрушена и удивительно то, что в этом им помогли происки Демона.

Сейчас для него самым главным было видеть ее живой, любящей, иметь возможность прикоснуться к ней, заключать в свои объятия. А все остальное было уже не так важно. Наоборот, ему хотелось разделить бремя ее тайн, приблизиться к ней.

«Моя жена!»

Жоффрей де Пейрак чуть наклонил лампу, свет которой выхватил из темноты блестящий кружок обручального кольца.

Он опустился на колени и принялся целовать один за другим ее длинные, тонкие пальцы.

Как глубоко она спала! Это даже немного встревожило его. Каждый раз при виде спящей Анжелики его охватывал необъяснимый страх.

Поставив ночник на круглый столик возле кровати, Жоффрей подошел ближе и уловил едва заметное дыхание жизни на ее лице. Он усмехнулся про себя. Сколько раз ему приходилось быть свидетелем леденящих кровь ужасов, видеть агонию на лицах умирающих. И как он мог искать следы смерти на этом безмятежном, прекрасном лице? Просто она отдыхала, чтобы восстановить силы.

«Кто заботился о ней, когда меня не было рядом? — спросил он себя. — Какие мужчины окружали ее?»

И он представил себе, как чужие губы прикасаются к ее нежным губам и пьют из этого источника радости и наслаждения, пробуждая в ней чувственность и всепоглощающую страсть.

Жоффрей был далек от мысли ревновать ее к призракам прошлого. Напротив, он думал о том, как счастливы были люди, которые могли заботиться о ней, наслаждаться ее близостью, утешать в трудную минуту. Иногда она казалась такой хрупкой. И все же Анжелика умела разбивать чужие сердца, вспомнить хотя бы

Мулея Исмаила и Людовика XIV. Каким оружием сразила она этого жестокого султана, этого надменного короля?

Он понял, что не ревнует ее к прошлому или почти нет. Все, к чему он стремился — это проникнуть в тайны ее души, как он проник в тайны ее тела.

С тех пор, как он надел обручальное кольцо на ее палец и вновь обрел законное право называться ее мужем, ненависть к своим невидимым и неизвестным соперникам исчезла бесследно.

Не было ли это ребячеством? Разве не важнее было признать, что пережитые вместе испытания вскрыли этот болезненный порыв, избавив их души от мучительных сомнений, очистив их сердца.

И все-таки ему хотелось узнать тайны ее прошлого, картины которого, наверное, оживали сейчас во сне.

Он многого не знал. После случая с Коленом Патюрелем она замкнулась и напрасно он пытался вызвать ее на откровенность.

В этом была и его вина. Он не должен был так резко настаивать. Теперь, когда Жоффрей с болью и гневом вспоминал свое прошлое, то к несправедливостям, выпавшим на его долю, он добавлял удары судьбы, которые пережила Анжелика.

— Моя любимая девочка!

И поддавшись внезапному порыву, он наклонился над спящей Анжеликой и нежно поцеловал ее слегка раскрытые губы. Ему не хотелось тревожить этот чудесный сон, но желание ощутить на себе ее нежный и ласковый взгляд было таким сильным, что заглушало угрызения совести.

«Каким будет ее первое слово? Первая фраза?» Анжелика пошевелилась и он прошептал: «Спи, спи, любовь моя!»

Но она открыла глаза и Жоффрей увидел в ее изумрудных, еще затуманенных сном зрачках тихий свет радости и бесконечного счастья.

— Я видел улыбку на твоём лице. Что тебе снилось?

— Я стояла на прибрежном пляже и ты обнимал меня.

— На каком именно? — улыбнулся Жоффрей. — У нас их было так много в жизни!

Она засмеялась и обвила его шею руками. Затем приблизила его лицо к своему и нежно потерлась гладкой щекой о его щеку.

— Я задаю себе вопрос, — улыбаясь, произнес он.

— Какой?

— На каком из этих пляжей ты была самой красивой, самой волнующей, самой соблазнительной. Я не знаю... Я пытаюсь вспомнить и вижу лишь солнце, ветер, шторм и Ля Рошель, когда ты прибежала ко мне. Я не могу решить... на каком из пляжей ты была самой красивой.

— Какая разница? Когда я бегу тебе навстречу, то не думаю об этом.

Ей вспомнилось, как она мчалась к нему по берегу, испытывая лишь одно желание: прижаться и почувствовать его живое, горячее дыхание, припасть к его родному сильному телу, даже если он захочет оттолкнуть ее.

Но он не оттолкнул, а только изо всех сил обнял ее.

Это мгновение в Тидмагоуче, среди шума и порохового дыма, навсегда останется самым светлым воспоминанием в ее жизни. Это было поистине чудом, благословением небес, наградой за верность и мужество, с которыми они преодолевали расставленные им ловушки. Никогда злые языки не смогут разлучить их. Они будут доверять только своим взглядам, жестам любви — подлинным проявлениям глубокого чувства.

Она знала, что Жоффрей был по-настоящему добрым человеком, но это не было его слабостью. Единственным уязвимым местом его была любовь к Анжелике, он сам говорил ей об этом.

Она не понимала, как ее раньше могли пугать его величественная осанка, остроумие, сила, умение властвовать над другими людьми, уверенность в своей судьбе.

Жоффрей был не из тех людей, которые зависят от чужого мнения. Как бы он ни желал быть понятым окружающими, его не очень беспокоило, если этого не происходило...

Его сила была в том, что очень мало вещей и людей могли заставить его страдать.

Загадочный человек, который мог внушать ненависть лишь потому, что был не похож на других. Когда-то Жоффрей лишился всех своих дворцов, богатств, положения, но это не сломило его. Он подчинял свою жизнь более высоким и вечным законам.

— О чем ты думаешь? — спросил он.

— О тебе.

Он нежно провел пальцем по ее золотистым бровям, как будто заново рисуя их изгиб, поцеловал кончики ее пальцев и укрыл обнаженные плечи покрывалом из кружев. Но она отбросила его и привстала, протягивая к нему руки и проворно сбрасывая свою сорочку из легкого батиста.

— Обними меня! Обними меня!

— Сумасшедшая! — сказал он, смеясь. — Ты замерзнешь.

— Согрей меня!

Ее руки обвили его шею и притянули к себе.

Здесь было ее убежище. Рядом с ним она забыла обо всем, с неистовством отдаваясь охватившей ее страсти. «Это ты! — пронеслось у него в голове. — Человек, который любит меня!»

И он увидел на ее удивительном лице мимолетную улыбку, которая бывает в момент экстаза, это почти болезненное выражение отчаяния, которое часто сопровождает чувственное наслаждение.

«Человек, который любит меня, который хочет меня, которому нужно мое тепло, так же как и мне его. Он пугает и успокаивает. Ускользает куда-то и все же я знаю, что всегда будет рядом, всегда моим и никогда не покинет. Какое упоение!»

Она страстно прижала его жесткую голову к своей груди и он крепко обнял ее, испытывая острое желание ответить на этот призыв, утолить ее жажду.

После Акадии она уже не сдерживала своих порывов, боясь показаться сладострастной и кокетливой. «Была ли она такой же в объятиях своих любовников?» — спрашивал он себя.

Конечно... Почему нет? Он представил мадам дю Плесси-Бельер, королеву Версаля. Могла ли она рядом с другими мужчинами быть такой же бесстыдной и ненасытной? Колен? Король? Да, он должен признать, что почти ничего не знает о ней. С кем она вела себя так же свободно и раскованно, кто научил ее всем этим тонкостям, опыту, который приходит лишь со временем и куда каждый привносит свои вкусы и фантазии? Кто из них, держа в объятиях эту упоительную Венеру, так же ласкал ее, получая в ответ еще более нежные, изысканные ласки?..

Но страсть, с которой она увлекала его в бездну любовного наслаждения, заставляла забыть обо всем. Каждый раз близость с ней удивляла и волновала его своей новизной.

Она лежала обнаженная и прекрасная, окутанная золотой дымкой своих волос.

Движением руки он отвел их в сторону и принялся ласкать губами ее белоснежные плечи и нежную грудь. Его губы скользили вдоль мраморного, как у богини, слегка золотистого тела, не пропуская его самых сокровенных уголков, изнывающих от страстного томления.

Она стонала, погруженная в сладостное забытие, трепетом отвечая на каждое его прикосновение, готовая отдаться ему вся без остатка.

И он понял, что все преграды разрушены, ее тело отвечает взаимностью на все его ласки.

Сегодня он был не столько ее господином, сколько любовником, обольстителем, с которым можно провести прекрасный вечер. Это придавало их близости ощущение легкости и непринужденности. И глядя, с каким самозабвением она отдается ему, он тихо улыбался...

Погруженные в сладкую негу, они лежали рядом, усталые и бесконечно счастливые, испытывая огромную благодарность друг к другу за наслаждение, которое только что доставили, и лишь слова, произнесенные тихим шепотом, вернули к ним ощущение реальности.

— Тебе было хорошо?

— Это было изумительно!

— Ты больше не боишься меня?

— Что ты! Напротив! Ты наверное хочешь свести меня с ума, околдовать своими чарами?

Она засмеялась и он вновь повторил, нежно целуя, что без ума от нее, что она подарила ему только что такое счастье и радость, которое он не испытывал ни с какой другой женщиной. Он подшучивал над ней, говоря, что теперь понимает, почему другие мужчины завидуют ему, пытаются убить, — ведь он обладает ею, единственным сокровищем.

Они чувствовали себя легко и непринужденно, жизнь вокруг казалась удивительной и прекрасной.

— Ах! Если бы всегда могли вот так плыть и плыть, — вздохнула Анжелика.

— Ничего не бойся. И на земле нас ждет много интересного.

— Я не знаю... Все время мечтаю, может быть, потому что мы движемся. Но эти мечты постоянно

ускользают от меня, становятся неуловимыми. Их вытесняют воспоминания и тревожные мысли, Я боюсь людей, я их слишком хорошо знаю.

— Но ты плохо знаешь себя. Ты только кажешься... И он настойчиво повторил:

— Ты видишь себя такой, какой была в прошлом, и не замечаешь, как ты сильна сегодня.

— Вся моя сила — это ты, — сказала, прильнув к нему, Анжелика.

Она, конечно, хитрила, преувеличивая свою зависимость от него, но, несмотря на женскую уловку, он крепко прижал ее к себе.

— Давай поговорим об этом. Я видела пистолет в твоей руке. Пока мы еще далеко от Квебека и кроме нас здесь никого нет. Но в Тадуссаке будет стоянка — нам нужна небольшая передышка. Я уверен, что у нас там появятся друзья или сторонники, с которыми мы наладим крепкие связи. Я жду многого от стоянки в Тадуссаке.

— А если нас встретят мушкетами и бомбардами?

— Нет, это всего лишь небольшая фактория с фермой и часовней, маленькое поселение колонистов и индейцев, которые молятся, торгуют, живут за счет стада и проходящих кораблей и для которых любое развлечение — большая редкость. Мы постараемся что-нибудь придумать для них: праздник и танцы на берегу реки. Что ты скажешь на это?

— Такое завоевание Новой Франции кажется мне очень привлекательным.

Они замолчали. Тихое покачивание корабля убаюкивало их. Снаружи, в густом тумане, эхом отдавались чьи-то голоса, окрики часовых, обнаруживая присутствие людей, охраняющих их. Все было тихо и спокойно.

Анжелика закрыла глаза. Было ли сном то, что она затем увидела? Необъяснимый порыв бросает ее к

костру, к черному силуэту, возле столба, но оглушающий треск и невыносимый жар отделяют от него, колдуна, проклятого, сожженного когда-то на Гревской площади.

Видение длилось не дольше секунды, но было таким сильным и ярким, что она проснулась от своего крика.

Он спокойно спал, невредимый, сильный и спокойный.

Тихо, чтобы не разбудить его, она положила свою руку на его теплое запястье и ощутила биение жизни.

Только что виденный ею сон перекликался с тем, что чувствовала она, прыгая через костер басков на острове Монедан, в ночь Сен-Жана.

Опираясь на железную руку гарпунера Эрнани д'Эстигуарра, она перелетела через пламя и благополучно приземлилась с другой стороны костра.

— Теперь вы очистились, мадам, — сказал ей старый баск. — Дьявол ничего не сможет сделать с вами в этом году.

Это воспоминание успокоило ее и, наклонясь к Жоффрею, она горячо поцеловала его.

Глава 7

Таинственный корабль, следующий за ними, показался в середине следующего дня. Он появился из зеленоватого дождливого тумана, нависшего над рекой и окутавшего белой дымкой лес и горизонт.

Корабли флота, стоявшие полукругом поперек широкой реки Святой Лаврентий, закрывали проход вновь прибывшему.

Как и предполагал граф, это оказался задержавшийся торговый корабль, который с трудом шел к своей цели, избегая самого худшего. Он дал крен на правый борт и осел настолько ниже уровня ватерлинии, что из-за высоких волн были видны только его мачты и рваные паруса. Когда волны стали выше, он совсем пропал из виду, можно было подумать, что он затонул.

Он держался на расстоянии, словно смертельно раненое животное, вынужденный дрейфовать, не имея возможности ни вернуться назад, ни продвигаться вперед, рискуя попасть в расставленную ловушку неизвестного флота.

Как только он заметил корабли, которые ожидали его, то принялся лавировать, пытаясь замедлить свой и без того тихий ход.

Громкие слова Онорины выразили чувства, охватившие людей при виде этого странного корабля:

— Бедный корабль! Бедный корабль! — с жалостью в голосе произнесла она. — Бедный корабль! Как заставить его понять, что мы не причиним ему зла!

Она находилась на капитанском мостике, рядом с Жоффреем де Пейраком, усадившим ее на лафет пушки. Время от времени он давал ей посмотреть в подзорную трубу.

— Ты собираешься потопить его? — страстно спросила она. Так как они были наедине, она обращалась к нему на «ты».

— Нет, мадемуазель! Это слишком жалкий корабль.

Анжелика издали смотрела на этих двоих: ее мужа и ее дочь. Она была вместе со всеми на нижней палубе и не могла слышать их разговора, но согласие, царившее на капитанском мостике, радовало ее. Привязанность Жоффрея де Пейрака подняла на невиданную высоту эту крошку с волосами цвета меди, которую тоже ждали в Квебеке. Жизнь маленького существа, обреченного на страдания своим нежеланным рождением, совершенно преобразилась, когда она встретила с этим необыкновенным человеком, окутанным ореолом тайны. Его отсвет падал на маленькую Онорину де Пейрак. Отныне она не сомневалась, что и в ее руках судьба Канады и надменного Квебека. Жоффрей и Онорина скрылись с глаз Анжелики и вновь она их увидела спускающимися по лестнице с полюта. Жоффрей держал девочку за руку. Его лицо закрывала черная маска из кожи, которую он обычно одевал, находясь на командном посту. Из-за этого его фигура казалась суровой и таинственной, рядом с ней силуэт девочки в пышном платье выглядел еще более хрупким. Анжелика услышала слова Пейрака, обращенные к Онорине.

— Мы будем продолжать свой путь в Тадуссак, а он — свой.

— А в Тадуссаке?

— Там мы познакомимся с ним поближе и постараемся узнать, нет ли опасных людей на его борту. Затем мы поинтересуемся его трюмом.

— Вы пират, господин, — закричала Онорина, пытаясь придать своему голосу интонации интенданта Карлона.

Анжелика не смогла удержаться от смеха. Нет, ничто не омрачало их любви. Она все еще была под впечатлением часов, проведенных в объятиях Жоффрея.

И сейчас она была счастлива, видя вместе два самых дорогих существа. Их окружал ореол богатства и роскоши и в нем она видела залог их счастливого будущего.

Этот умирающий корабль, из последних сил идущий по их следу, напоминал поверженного противника, который, потерпев поражение, не замедлит попросить пощады. Может поэтому был так спокоен Жоффрей, отправившись в Новую Францию под своим настоящим именем и титулом графа Тулузского. Неужели он надеялся на окончательное помилование королем Франции?

Несмотря на свои подозрения, она начинала понимать, что сегодня Жоффрей гораздо сильнее, чем когда-то, ибо он свободен. Теперь он не был ничьим вассалом, как раньше, когда, даже несмотря на его могущество сеньора Аквитании, вынужден был подчиниться приговору. Что терял король Франции, восстановив сегодня справедливость? Какую угрозу мог представлять для него этот далекий соперник?

На следующий день поднялся небольшой ветер, который хотя и не изменил сырую, но теплую погоду, однако повлиял на настроение Анжелики, которая вновь почувствовала тревогу после фразы, брошенной солдатом Адемаром.

Все находились в это время на палубе. Капитаны кораблей пришли с рапортами раньше, чем обычно, чтобы обсудить бедственное положение чужого корабля, который с большим трудом продвигался вперед. Нужно ли оказать ему помощь? Куасси-Ба и главный повар с несколькими юнцами попытались приблизиться к нему, но из-за тумана и расстояния

было трудно что-либо рассмотреть. Они определили, что это торговое судно из Гавра или Гонфлера и, вероятно, принадлежит торговой компании «Сто компаньонов».

Видя, как подозрительные корабли, возможно, англичане или пираты, окружившие их накануне, уходят, корабль вновь продолжил свой трудный путь. Вопрос был в том, сможет ли он добраться хотя бы до Тадуссака. Строились разные предположения, почему судно так запоздало. Оно должно было перезимовать в заливе Святого Лаврентия, в Шедвяке или в крайнем случае в Тидмагоуче.

В самый разгар обсуждения послышался плаксивый голос Адемара:

— А если на его борту находится герцогиня?

— Какая герцогиня? — вскрикнули все хором, поворачиваясь к нему.

Он не ответил и несколько раз перекрестился, но все поняли этого простоватого суеверного парня. Леденящий ужас сковал сердца.

— Что ты сказал? Ты сошел с ума! — крикнула Анжелика. — Герцогиня? Но она мертва. Сто раз мертва. Она умерла и ее тело предано земле.

— Когда речь идет о таких людях, никогда нельзя быть уверенным, — произнес он, еще усерднее крестясь.

Ища поддержку, присутствующие принялись искать взглядом графа де Пейрака, но он был далеко и все набросились на Виля д'Эвре.

— Друзья мои, успокойтесь, — решительно произнес маркиз, — мы все еще находимся под впечатлением недавних событий. Но мы должны забыть, ВСЕ ЗАБЫТЬ. Послушайте меня хорошенько! Мы должны добраться до Квебека, выбросив из нашей памяти все, что произошло в заливе Святого Лаврентия. Да, даже вы,

Карлон. Вы должны забыть. У нас нет выбора, это единственный способ выпутаться...

Он говорил с торжественной настойчивостью, которая обычно была ему несвойственна и которая доказывала, что даже он не мог недооценивать последствий той разыгравшейся драмы, свидетелями и участниками которой они стали. Это пахло инквизицией.

— Даже если речь идет о справедливой войне с Сатаной, — вновь сказал он, понизив голос и осмотревшись вокруг. — Нам всем известно, насколько щекотливым может оказаться наше положение, если все станет явным. Поэтому повторяю вам, Карлон: полное молчание и забвение. Вот лучший способ вести себя со слишком любопытными.

— А если «она» вернется? — повторил, крестясь, Адемар.

— Она не вернется, — отрезал Виль д'Эвре. — И если ты не перестанешь делать свои дурацкие предположения, я сломаю трость о твою спину, — добавил он с угрожающим видом, — я закую тебя в кандалы в Квебеке и даже повешу за дезертирство.

Напуганный словами маркиза Адемар убежал с палубы.

— Мессир де Пейрак уже все уладил, — вновь заговорил маркиз, который любил, несмотря на свой веселый нрав, напоминать всем, что он губернатор Акадии и должен быть строг к своим подданным. — Добавлю лишь, что мы должны благодарить Бога за то, что невредимыми и в здравом уме возвращаемся в Канаду. Страх встретиться с Демоном больше не должен беспокоить нас, мы не должны забывать, что находимся на земле, ставшей почти христианской усилиями миссионеров, которые вот уже пятьдесят лет поливают ее своим потом и кровью, сея слово божье в этой языческой стране. Канада — это не Акадия, где

живет много людей, не обращенных в веру. И он бросил взгляд на братьев Дефо.

— Я всегда был за то, чтобы бороться с невежеством и суеверием, и доказательство тому — наша победа над сатанинскими силами. Сейчас все позади. Давайте успокоимся. Мы в надежном убежище. На нашем борту есть слуги божьи, которые не оставят нас без помощи и защиты. Сегодня утром у нас была месса, которую проводил отец Квентин. Врата Ада никогда не захлопнутся за нами.

— Амен! — посмеиваясь, сказал Карлон. — Вы с успехом можете заменить проповедника.

— Я не буду спорить, у меня есть более грозный противник, чем вы! Имя ему восемьдесят демонических легионов, по крайней мере! — крикнул Виль д'Эвре, потрясая тростью с серебряным набалдашником. — Я знаю, что говорю! Я уже говорил с мадам де Пейрак об этих неуловимых человеческому уму нападениях и атаках. Вы прибыли только под конец в Тидмагоуч, и тем не менее я видел, как вы побледили, когда эта одержимая дьяволом испустила свой нечеловеческий крик. Послушайтесь моего совета. Только между нами, все должно остаться между нами. Это единственный способ избежать следствия. Стена молчания. Забудьте и улыбайтесь: жизнь — прекрасна.

Он отвел Анжелику в сторону, держа руку на ее талии.

— Не сходите с ума.

— Но я...

— Я все знаю... Я слышал, как бьется ваше сердце. Ах! Вы так уязвимы, мой отважный Стрелок.

Он коснулся пальцем ее щеки.

— Часто не замечают в других тонких проявлениях божественного огня, зажженного небесами. Эти люди становятся мишенью, их ненавидят не только за таланты и порядочность, а и за любовь, неземную и

вместе с тем чувственную, которая тоже согрета этим огнем. Он делает человека неуязвимым и сильным, его меткие стрелы попадают прямо в цель, побеждая зло, и в то же время причиняет человеку страдания, заставляя его выбирать между земным и божественным.

— Вы говорите обо мне? — спросила заинтересованная Анжелика.

— О да, мой отважный Стрелок.

И он таким взглядом посмотрел на ночное небо, будто увидел там мчащегося к звездам мифологического кентавра.

— Этот огонь связывает материальный мир человека с потусторонним. Вот почему именно вы, Анжелика, стали жертвой демонического существа, потому что в какой-то степени (и он наклонился к ее уху) вы СРОДНИ ЕМУ. Вы меня понимаете? Вы чувствовали его, могли следовать его фантазиям, участвовали в его мистической фантазмагии, но вы победили его, потому что принадлежите земному и с вами не справиться. Вы — кентавр, который принадлежит и земле и небу, и которого не так легко напугать. Не мучайте себя тем, что было, и тем, что будет.

— Я вдруг почувствовала боль в желудке, — сказала Анжелика, прикоснувшись к лифу платья. — Мне достаточно было вспомнить этот ужасный крик и я почувствовала себя больной. Должна признаться, что на этот раз мне действительно стало страшно, Я немного суеверна... Я лгала вам, говоря, что меня трудно напугать. Демоны и злые духи страшат меня.

— Вам удалось одурачить их.

— Скажите, вы разбираетесь в астрологии, маркиз?

— Я разбираюсь почти во всем, — скромно признался Виль д'Эвре.

— И вы думаете, что мы окончательно справились с нашей герцогиней, не так ли? Все же она была

влиятельным человеком на земле. Ее ждут в Квебеке, и будут искать причину ее исчезновения.

— Мы будем молчать, как я уже сказал.

— Но королевские девушки, они обо всем расскажут.

— Они так же напуганы. Я уже предупредил их, сказал, что в противном случае они все могут стать жертвами инквизиции и попасть на костер. Бедные девушки! Я боюсь, что до самой смерти они будут ждать в страхе: а вдруг ОНА вернется.

Анжелика подумала о покушении, во время которого был убит маркиз де Варанж. И об этом тоже надо молчать. Одна группа сообщников смешивалась с другой и все они должны молчать, каждый о своей тайне. Это связывало их крепкими узами, желая того или нет, они оказались в центре события, и теперь только сила духа и сплоченность могут помочь им.

И когда они высадятся в Квебеке, это будут люди, которых свяжут в единое целое общие тайны.

— Вы думаете, что она действительно умерла? — повторила тихим голосом Анжелика.

— Она умерла, — подтвердил Виль д'Эвре. — И вы должны быть уверены, что, живая или мертвая, она ничего не сможет вам сделать. Отважный Стрелок вновь продолжает свой путь к победе, еще выше поднимая свой лук. А что касается астрологии, то в Квебеке я познакомлю вас с моим другом священником, который хорошо разбирается в этом. Он расскажет удивительные вещи о вашей судьбе и судьбе Жоффрея де Пейрака. Вот увидите.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТАДУССАК

Глава 1

— Матросы, внимание!

Глухой голос Эриксона, усиленный рупором, громко разносился над заливом, донося его приказы всем капитанам кораблей флота.

— Матросы, внимание!

И спустя некоторое время:

— Трави гитовы нижних парусов!

— Отдать шкоты грот-мачты!

Тишина, воцарившаяся после первого приказания, сменилась громким топотом ног.

На кораблях поспешили выполнить маневр.

— Убрать паруса! Выбросить булинь!

— Отдать вес гитовы!

Корабли флота, стоявшие в ряд один за другим, окружал легкий туман, приглушающий яркие краски осени. Тишину раннего утра нарушали лишь громкие приказы капитанов да резкие крики чаек и бакланов.

— Матросы, на реи!

Проворные, как обезьяны, моряки бросились к вантам.

— Разойтись по реям и по портам ^[6].

— Вязать паруса!..

Анжелика находилась на баке «Голдсборо» вместе с Жоффреем де Пейраком. Здесь собрались почти все пассажиры, наблюдавшие за маневрами корабля, который ложился в дрейф.

Затем их взгляды, в которых смешались восторг и ожидание, устремились на пейзаж, панорама которого разворачивалась у них перед глазами: деревянные домики, фермы из серого камня, фруктовые сады на склонах холмов, участки обработанной земли, покрытые легкой изморозью и поблескивающие на солнце.

В центре поселка возвышалась красивая церквушка с колокольней, витражи которой играли под рассеянными лучами утреннего солнца.

По левую сторону от нее на вершине уступа виднелся маленький форт с четырьмя башенками по углам и донжоном^[2], на верху которого развевался белый флаг, украшенный тремя золотыми лилиями...

Тадуссак! Франция!

Звон якорных цепей нарушил тишину залива. Эти звуки эхом отдались в скалах из розового гранита, возвышающихся над рекой Сагеной, которая несла свои воды к Святому Лаврентию.

Затем вновь наступила тишина, которую нарушали лишь птичьи крики.

Легкий туман раннего утра окутывал деревню и придавал цветам приглушенные и в то же время живые оттенки. Пейзаж оживлялся благодаря золоту и багрянцу осенних вязов и кленов, которые окружали дома, расположенные ярусом, и струйкам дыма от печных труб, белым, словно нарисованным кистью художника.

Голубая дымка окутывала частокол маленького индейского лагеря, расположенного между фортом и опушкой леса.

— На первый взгляд, все спокойно, — сказал Пейрак, пристально всматриваясь в подзорную трубу. — Жители хотя и на берегу, но не кажутся воинственно настроенными. И со стороны форта не слышно никакого шума.

— Если они не послали за подкреплением в Квебек, то в гарнизоне у них не больше четырех солдат, — язвительно заметил Карлон.

— Спасибо за предупреждение, господин интендант. — Граф де Пейрак сложил подзорную трубу и повернулся к интенданту Новой Франции и

губернатору Акадии: Итак, господа, нам остается лишь спуститься на берег. Ваше присутствие рядом со мной поможет убедить этих славных людей в том, что у меня самые мирные намерения.

— Ну вот, наконец вы и раскрыли свои карты, — злорадно сказал Карлон, — вы хотите использовать нас как заложников.

— Господа, вы совсем не в этом качестве появились на борту моего корабля. Помните, у вас не было другого выбора, иначе вам бы пришлось провести зиму в глухом месте на реке Сен-Жан, под угрозой англичан или среди дикарей на восточном побережье. А может быть, вы предпочитаете пересечь на корабль, который идет вслед за нами и готов в любой момент затонуть?

Все сразу же посмотрели назад, но из-за тумана, скрывающего горизонт, ничего не было видно.

— Им мы займемся позже, — сказал Пейрак. — Вначале Тадуссак.

Виль д'Эвре подбодрил Анжелику и тех, кто обычно окружал ее: детей и молодых девушек.

— Я вернусь за вами, — шепнул он. — А сейчас нужно уладить пару вопросов.

— Я хочу видеть маленького Иисуса из Тадуссака, — слышался голос Онорины.

— Ты его увидишь, я обещаю тебе, — сказал маркиз. Спустя некоторое время все увидели, как баркас и две шлюпки с вооруженными людьми направляются к берегу. Но, несмотря на эту предосторожность, чувствовалось, что обе стороны не испытывают враждебности по отношению друг к другу. И все же каждый на корабле жил напряженным ожиданием. Берег, покрытый белой пеленой тумана, был почти не виден и все остались в неведении, гадая, что же в действительности там происходит.

— Колокол, — слышался голос одной из королевских девушек, — он звонит к заутрене.

— Нет, это набат.

Этот не очень отчетливый серебристый звук колокола, доносимый порывами ветра, вызвал у них до боли знакомые ощущения французской деревни...

— Лишь бы...

— А я увижу маленького Иисуса из Тадуссака? — умоляюще спросила Онорина.

— Да, ты увидишь его.

Все было спокойно и напряжение постепенно ослабевало.

Теперь Анжелика лучше понимала, как относился к этой поездке Жоффрей де Пейрак. Это был визит одного принца к другому, одного губернатора к другому. Французские канадцы не могли быть настроены враждебно к французам, которые прибыли к ним с дружескими намерениями. Пейрак со своими людьми всегда поддерживал дружеские отношения с канадскими охотниками, которые находили у него кров и защиту. Он всегда избегал, хотя это было нелегко, вооруженных конфликтов, и до сих пор мир с канадцами не был ни разу нарушен. Об этом было известно вот уже около трех лет. Те, кто возвращался из его владений, говорил о том, что у господина из Мена, на юге, можно всегда найти приют и хороший товар на обмен.

Только теперь Анжелика осознала, что же именно внушало ей такой страх.

— Я боюсь не этого народа, а власти, которая стоит за ним.

Народ же все чувствует, его не так легко обмануть. Его можно лишь заставить. Жизнь на этой суровой земле сделала из него хозяина, который охотится, возделывает землю, рубит дрова в лесу. Здесь, в Канаде, он стал свободен. Идеалы, с которыми он пришел в Новую Францию, и братство, рожденное в борьбе с опасностями и трудностями колониальной

жизни, сделали его более независимым, чем его собратьев во Франции.

Баркас вернулся и пришвартовался к борту «Голдсборо». Граф де Пейрак стал подниматься на палубу навстречу устремившейся к нему группе людей.

Онорина щебетала, как ласточка.

— Сюда, сюда! Мама, иди скорее сюда! Мы можем сойти на берег.

Анжелика бросилась к мужу.

— Все хорошо, — сказал ей граф. — Мне удалось убедить собравшихся в своих мирных намерениях. Я думаю даже, что они предпочтут иметь дело со мной, а не с интендантом, который сразу же набросился на них за то, что грузы, предназначенные для Европы, все еще не отправлены. Они совсем не ожидали увидеть его, когда он вдруг, как дьявол, выпрыгнул из лодки. Боюсь, что такого предательства они мне не простят. После этого мы сразу же отошли на второй план. Все тут же разошлись по домам, но я уверен, что из-за каждой закрытой двери за нами наблюдает не одна пара внимательных глаз. Теперь очередь за вами, моя дорогая. Виль д'Эвре ждет вас, я не сомневаюсь, что вы быстро завоеуете симпатии у этих честных открытых людей.

Он поцеловал ей руку.

— Идите туда, любовь моя! Идите! Пусть ваша очаровательная ножка ступит на французскую землю. Вы должны выиграть!

Анжелика посмотрела на берег. Что ожидало ее там?

«Вот мы уже и настоящие канадцы», — подумала она.

В то время как мощные взмахи весел приближали шлюпку к берегу, Анжелика задавала себе вопрос, достаточно ли элегантно выглядела она для первой встречи. Сегодня утром она в спешке оделась, как

только сообщили, что скоро Тадуссак. На ней была юбка из дрогета, кофта, расшитая сутажем, накидка из темной шерсти и с большим капюшоном. Волосы были стянуты в тугий узел на затылке и покрыты косынкой из черного холста.

Это придавало ей немного суровый вид, но у нее совсем не было времени переодеться. Кроме детей, королевских девушек, Иоланды и Адемара, на шлюпке находились два испанских солдата Луис и Карлос. Матросы и гребцы шлюпки были вооружены длинными двухзарядными пистолетами французского производства, которые были заткнуты за пояс или висели на перевязи и которые на других флотах были лишь у немногих офицеров высокого ранга. Люди де Пейрака всегда имели самую лучшую экипировку.

Отец Бор и отец Квентин ждали их на берегу, окруженные толпой индейцев и зевак. Чуть выше, возле церкви, Анжелика заметила маркиза Виля д'Эвре, который размахивал своей тростью с серебряным набалдашником:

— Поторопитесь! Отец Дафарель покажет нам сейчас свою сокровищницу.

Силуэт в черной сутане, без сомнения, местный иезуит, находился невдалеке от него. По-видимому, Виль д'Эвре только что заставил его капитулировать.

Туман постепенно рассеивался и на небе показалось яркое солнце. Отсюда, с высоты поселка, расположенного ярусами, открывался чудесный вид на реку: даже дальние его обитатели могли видеть тех, кто причаливает к берегу. Солдаты форта, непрерывно куря свои трубки и копаясь в палисаднике, могли вовремя заметить и сообщить о приближении кораблей, лодок, индейских каноэ, спускающихся по Сагеней или идущих по Святому Лаврентию. Благодаря расположению домов жители Тадуссака могли наблюдать друг за другом как сверху, так и снизу.

Анжелика почувствовала, что за внешним равнодушием жителей, выполняющих обычную работу дома и в поле, в лавке и на реке, скрывается настороженное внимание, с которым они тайно следили за тем, что происходит на пристани и сколько вооруженных солдат привезла шлюпка.

— Вы видели пистолеты у этих людей?

— А эти смешные солдаты с кирасами и шлемами на головах? Говорят, испанцы.

— А эти молоденькие девушки? Откуда они? И дети вместе с ними, такие миленькие, и выглядят хорошо, несмотря на путешествие, и эта дама внизу, которая пешком идет к часовне, держа за руку детей, как она хороша! Даже издали видно, что это ОНА!.. Женщина, которую с таким нетерпением ждут в Канаде.

Тропинка змеей вилась между домами и вскоре Анжелика оказалась на пригорке возле церкви. Отсюда хорошо была видна молочная гладь Святого Лаврентия, туман отступил на другой берег.

Оказавшись в двух шагах от иезуита, стоявшего рядом с Вилем д'Эвре, Анжелика без колебания направилась к нему.

— Отец мой, какое счастье после долгого плавания по диким местам вновь услышать колокольный звон и знать, что нас ждет святое причастие.

И направляясь к порогу часовни:

— Позвольте вначале полюбоваться вашими чудесами, о которых столько раз нам рассказывал Виль д'Эвре и затем преклонить вместе с детьми колени перед Ним, в котором мы все нуждаемся и которого, благодаря вашим усилиям и усилиям вашего Ордена, мы можем вновь обрести в этом далеком краю. Да не оставит нас Господь!

Отец Дафарель любезно кивнул. В его серых глазах промелькнул едва заметный насмешливый огонек. Это было отличительной чертой иезуитов, которых

действующие уже пятнадцать лет «Наставления Святого Игнасия» приучили со снисхождением смотреть на мирскую суету. Эту иронию и вместе с тем настороженность в умном и проницательном взгляде Анжелика встречала вначале у своего брата Раймона де Сансе, иезуита, затем у отца Луи-Поля Мареше де Вернона, спасшего ее под видом английского матроса, и у отца Массера в Вапассу, который, помешивая пиво, засучивал по локоть рукава своей бесформенной сутаны. Этих столпов католической церкви, иезуитов, не пугали житейские трудности — Их тянуло к людям, которые своей внутренней свободой были похожи на них самих.

Однако она не протянула руку отцу Дафарелю, так как знала, что обычно иезуиты избегают женских прикосновений.

Вслед за ним они вошли в небольшое полутемное помещение маленькой церквушки и сразу же почувствовали запах ладана — в углу горела маленькая лампада из красного стекла. Это такая до боли родная и близкая картина глубоко взволновала Анжелику. Вот уже много лет она не входила в святилище, место молитв, где когда-то в юности проводила столько времени. Заутрени, вечерни, поклоны, благословения, ежедневные обряды, большие праздники, религиозные песнопения, исповеди, причастия — это было такое же близкое место, как и дом.

Непроизвольно она опустилась и закрыла лицо ладонями.

— Родная Франция! — прошептала она чуть слышно.

И слезы потекли у нее из глаз от нахлынувшего чувства любви и сожаления, которое она столько лет удерживала в себе, боясь признаться в том, чего ей так не доставало: страны, в которой она родилась, и церковных обрядов, к которым привыкла с детства.

Окруженная церковными сумерками, она долгое время стояла так, погрузившись в свои размышления.

— О, мой Бог! — молилась она. — Мой Бог! Ты, который знаешь меня, ты, который понимаешь меня...

— Bravo, — шепнул ей на ухо Виль д'Эвре, когда группа направилась к ризнице. — Это было волнующим зрелищем. Я никогда раньше не замечал, чтобы вы были так набожны. Вы хороший дипломат и замечательная актриса.

— Но это не было ни игрой в политику, ни притворством, — возразила Анжелика.

— Тогда это опаснее, чем я предполагал, — пошутил он.

— Теперь я не сомневаюсь, что стану свидетелем удивительных событий, которые произойдут в Тадуссаке.

Маленький Иисус из Тадуссака был маленькой статуэткой из воска, подаренной иезуитам-миссионерам Людовиком XIV, а мать короля Анна Австрийская обшила его одежду перламутровым жемчугом и украсила серебром. Онорина протянула к нему руки, как будто это была кукла.

Ризы, мантии, молитвенники с миниатюрами, порфиры из серебра и, золота, золотые чаши с куполами, которые украшали кресты с рубинами, серебряные дароносицы, — все это составляло резкий контраст с дикостью и бедностью, царившими вокруг. И эти сокровища были тоже частью освоения Канады. ВСЕ ДЛЯ СЛУЖЕНИЯ БОГУ.

Чистое золото божественных устремлений, смешавшись с дикой, суровой действительностью, рождало красный рубин — кровь мучеников, павших жертвой этой примитивной, неподвластной божеским законам жизни. Роскошь была здесь неуместна. Настоящее богатство — трудолюбие людей в их ежедневной борьбе за существование.

Когда они вышли из церкви, их охватила дрожь — весь Тадуссак вместе с индейцами ждал их появления.

Находясь перед толпой, которая с каменными лицами наблюдала за ней, Анжелика начала сожалеть, что не позаботилась более тщательно о своем туалете.

Она не очень хорошо понимала, чего ждут от нее эти люди. Может быть, они были разочарованы, видя, как скромно она одета. Она видела перед собой круглые спокойные лица женщин в белых чепцах, мужчин в высоких красных шапках из шерсти и конечно же индейцев, стоявших впереди всех со своими чумазами и голыми отпрысками, которые копошились под ногами и задирали детей поселенцев, отвечавших им тем же.

Матери шлепками успокоили своих чад, после чего вновь восстановились тишина и спокойствие.

Анжелика поприветствовала их, но не получила ответа. Люди молча продолжали рассматривать ее.

Здесь были трапперы, обутые в мокасины и высокие, защищающие от укусов насекомых, гетры, крестьяне в деревянных башмаках или в туфлях с пряжками. Рядом стояли женщины в чепцах с накинутыми на плечи широкими шерстяными платками, которые они носили на индейский манер.

Ее разглядывали молча, лишь некоторые курили свои трубки. Это могло продолжаться до вечера.

Анжелика огляделась вокруг и заметила, что ни иезуит, ни Виль д'Эвре не спешат взять инициативу в свои руки. Затем она перевела взгляд на старика, сидящего рядом у входа в церковь на каменной скамье. Несмотря на свой преклонный возраст, он казался энергичным и подвижным. Поношенная шапка из красной шерсти, ставшая почти розовой от времени, украшенная медалями и перьями, очень шла его загорелому и сморщенному, как мушмула, лицу.

Анжелика наклонилась и вежливо громким голосом сказала ему:

— Я уверена, мосье, что вы старейшина Тадуссака. Никто лучше вас не сможет представить меня этим достойным людям, которые пришли сюда и которым я признательна за внимание.

И не ожидая ответа, она села рядом с ним, продолжая говорить:

— Мое имя — графиня де Пейрак. Я только что сошла на берег с корабля, который вы видели на пристани.

Она никогда и ничего не боялась. Но нужно было расставить все точки над «и». Тем более, что в поведении канадцев она не заметила враждебности.

Она вспомнила своих крестьян из Пуату, которые тоже вначале относились к ней настороженно. А этим людям из Тадуссака сообщили, что она... Надо было видеть их лица.

Старик не ответил, хотя и дал понять, что он не глух и не выжил из ума. Он подвинулся, чтобы освободить ей место, и улыбнулся, глядя, как Онорина и Керубино открыто восхищаются его шапкой.

Маркизу Вилю д'Эвре казалось, что он присутствует на каком-то спектакле. При этом ему нравилось самому находиться в центре событий и следить за их ходом. Вначале он наслаждался напряжением, которое создавалось вокруг, затем сам принимал участие в игре, предварительно выбрав для себя роль.

Он выдержал паузу, подождав, пока обстановка накалится, затем, подмигнув отцу-иезуиту, который, казалось, был равнодушен к происходящему, громко заявил:

— Моя дорогая Анжелика, вы не могли выбрать лучшего посредника, чем этот достойный старик. Это Карийон. Когда-то давно он высадился вместе с отважным Шампленом и знайте, что именно его

знаменитый завоеватель обменял на одного индейца из племени альгонкинов, которого отвез в Европу, чтобы представить королю. Карийону пришлось два года провести у этих диких племен, пока Шамплен не возвратился вместе с индейцем. К тому времени он знал уже несколько местных диалектов и жил согласно обычаям этих племен.

— Мосье, мне выпала большая честь познакомиться с вами, — сказала Анжелика своему соседу.

Тот казалось, совсем не обратил внимания на рассказ Виля д'Эвре и лишь его лукавый взгляд скользил по собравшимся. Вдруг он поднял свой крючковатый палец и сделал кому-то знак выйти из толпы. Сразу же возникло движение и шум. Это крестьяне спорили и горячо обсуждали что-то между собой, прежде чем дать выйти вперед хорошенькой стройной девушке. Она стояла в нерешительности, боясь исполнить приказание. Старик продолжал подзывать ее к себе знаками. Его указательный палец был подвижен и красноречив, чувствовалось, что старик привык использовать его вместо слов, то ли чтобы не тратить зря силы, то ли устав за девяносто четыре года говорить одно и то же.

Несмотря на это девушка упрямылась, оставаясь на месте.

— Но это Мариэтта, — радостно закричал Виль д'Эвре и пошел навстречу, чтобы обнять ее. — Как она выросла и похорошела. Говорят, что в прошлом году она вышла замуж.

Женщины заволновались, лица некоторых из них помрачнели. Виль д'Эвре поспешил к ним, чтобы все разузнать. Вскоре ему удалось добиться их доверия и какие-то две высокие крестьянки начали наперебой что-то ему объяснять.

Некоторое время спустя он вернулся к Анжелике.

— Вот что произошло. Эта девушка — младшая внучка Карийона, — наклонившись к ее уху, шепотом объяснял он. — У нее заболел ребенок и старик вбил себе в голову, что вы сможете вылечить его, потому что до них дошел слух о вас, как об искусном врачевателе. И с тех пор, как стало известно, что вы едете в Квебек, это у них постоянный предмет для дискуссий. Старик упрямым, как осел.

— А она, она не хочет.

— Эти деревенские девушки глупы и суеверны.

— Нет, просто она боится, что я наведу порчу... — сказала Анжелика. — Им вбили в голову всякую чепуху. Старый Карийон не тот человек, который будет верить всяким басням. Я думаю, что он сможет стать нашим союзником. И она повернулась к старику, который, казалось, испепелял женщин своим взглядом.

— Господин Карийон, я всегда готова оказать помощь тому, кто в ней нуждается. Только не думайте, что я обладаю какими-то сверхъестественными возможностями ни в хорошем, ни в плохом смысле. Может быть, живя с индейцами и часто путешествуя по лесу, вы научились гораздо лучше, чем я, разбираться в травах. Однако я все же пошлю за моим сундучком с лекарствами и попытаюсь убедить згу молодую девушку показать мне ребенка.

Лицо старика выглядело сердитым. И неизвестно, что было тому причиной: слова Анжелики или непослушание его внучки. Она, несмотря на гнев деда, ни на шаг не сдвинулась со своего места. Эта девушка принадлежала к поколению, которое выросло на опушке дикого леса, где каждое мгновение можно было ждать появления ирокеза с топором в руке. Это закаляло характер, молодежь была не так послушна, как в былые времена. Прощай, старая Европа с ее патриархальными устоями, конец самодурству и

беспрекословному подчинению. У канадской молодежи была своя голова на плечах.

Старик заволновался, как будто с ним случился удар. В бешенстве он выплюнул коричневую жижу табака. Затем принялся энергично жестикулировать, рисуя в воздухе непонятные заклинания, которые вызвали появление босоногого мальчугана, несшего индейскую трубку, мешочек с табаком и раскаленный уголь.

Закурив трубку, Карийон успокоился. Это происшествие пробило брешь в стене молчания. Теперь собравшихся охватило общее волнение. Они переговаривались, спорили, дикари смешались с поселенцами. Были слышны чьи-то выкрики. Появился мушкет, который переходил из рук в руки. Казалось, положение осложнилось и Анжелика уже поглядывала в сторону испанских солдат, стоявших с невозмутимым видом. Они не раз бывали в таких переделках, когда-то, совсем давно, это были индейцы Амазонки, затем пираты из Тортуги и взбунтовавшиеся рабы, и совсем недавно — экипаж негодяйки герцогини. Им приходилось иметь дело с ирокезами и абенаками, с басками-китобоями и жителями Сен-Мало. Служба у Жоффрея де Пейрака научила определять момент, когда уже пора браться за оружие.

Спорный мушкет оказался в руках молодого верзилы-дикаря, желтого, как лимонное дерево, и которого, как показалось Анжелике, она уже где-то видела. Неожиданно все разразилось хохотом и повернулись к Анжелике с таким видом, словно дети, приготовившие сюрприз.

Анжелика ответила улыбкой на всеобщее веселье. Ей на миг показалось, что она вернулась в детство, в свою родную деревню, где, сидя под молодым вязом, она вместе со своими родителями, бароном и баронессой де Сансе, с восхищением смотрела на

проделки крестьян. Рядом с ними всегда смотрели старики. Сейчас вместе с нею были Керубино и Онорина, которых она держала за руку, как делала когда-то ее мать.

Теперь разговор шел на местном индейском наречии. Анжелика уловила лишь несколько слов, явно недостаточных, чтобы понять, о чем идет речь, но иезуит что-то сказал маркизу и его лицо оживилось.

— Ага! Вот оно что! Теперь слушайте, мадам. Они хотят знать, правда ли вы такой искусный стрелок, как об этом говорят. Этот дикарь утверждает, что был ранен вами год назад, правда, не сказал, где именно.

— Анастаха! — воскликнула Анжелика, — это Анастаха, предводитель гуронов, теперь я вспомнила. Дело происходило на броне Сакус, возле Катарунка.

Видя, что его узнали, гурон оживился. Анжелика поблагодарила небо за то, что оно наградило ее хорошей памятью на имена, даже на индейские.

Гурон и его друзья засмеялись, лед был сломан. Они принялись танцевать, дети последовали за ними, а канадцы в такт движениям хлопали в ладоши.

— Но это не я его ранила... — хотела она добавить.

Но так как всем доставляла удовольствие мысль, что это была именно она, то Анжелика не пыталась настаивать.

Осмелевший Анастаха подошел к Анжелике и положил мушкет на ее колени.

— Чего он хочет?

Чтобы вы выстрелили! Чтобы вы продемонстрировали свой талант, слух о котором дошел даже до них.

Анжелика колебалась. Конечно, она с радостью удовлетворила бы любопытство этих симпатичных людей, ей хотелось доставить им удовольствие и разыграть небольшой спектакль, тем самым оживив их сложную и однообразную жизнь. Все они казались

добросердечными и открытыми. Однако не было ли это желанием заманить ее в ловушку, приписав ловкость и умение колдовской силе.

«Будь что будет, — решила она. — Надо идти!

Глава 2

Она спросила, кому принадлежит оружие. Из толпы вышел молодой человек, одетый в кожаный жилет с бахромой, и вразвалку подошел к ней. Он был похож на всех этих Лобиньера, Модрея и компанию, с которыми она встречалась в форте Катарунка и в Вапассу.

С некоторым колебанием он снял свою шерстяную шапочку, которую тут же одел обратно. Он не был скальпирован, как старый Маколле, напротив, его голову украшала прекрасная шевелюра, которую охотник прятал за высокой канадской шапкой и которую никогда не снимал. Исключение составлял лишь приезд губернатора или короля, если он посетит эти места.

Только что он внес дополнение в этот обязательный список. Это нужно делать и перед знатной дамой, дружеский взгляд которой приводит в смущение, а улыбка заставляет задуматься, не слишком ли много она знает о тебе.

— Как ваше имя, месье? — спросила любезно Анжелика.

— Мартин дю Лугр, по прозвищу Меткий Глаз, к вашим услугам, мадам.

— Очень приятно! Господин дю Лугр, у вас очень хорошее голландское ружье.

Продолжая улыбаться, она добавила про себя: «И которое вы, должно быть, обменяли на ваши меха в какой-нибудь пограничной фактории Новой Англии или д'Оранжа». Мушкет был довольно громоздким. Анжелика выдержала паузу и продолжила:

— Конечно, это не французское оружие, которое находится на нашем вооружении, но в этих местах его не так легко раздобыть. Ну ладно! Давайте измерим

калибр. Впрочем, не все ли равно? Я оставляю за вами выбор оружия, тем более, что ружья принадлежат вам. Вы начнете первым, и так как вас называют Меткий Глаз, это должно означать, что вы — изрядный стрелок, и я не уверена, что после вашего выстрела смогу удивить своим искусством собравшихся. Единственное, чего я хочу — быть достойным соперником.

Говоря это, она подняла ружье и отдала ему. Охотник взял его.

Он ухмыльнулся, слегка наклонив голову. Стрелять самому не входило в его планы, но отступить было поздно. Присутствующие обменялись взглядами, и Анжелика поздравила себя с мудрым решением. Соперничая с этим знаменитым стрелком, она могла показать свое умение владеть оружием. Это совсем не будет похоже на демонстрацию своих сверхъестественных способностей.

Установили мишень. Расстояние было приемлемым для Анжелики. Она смогла с честью выйти из этого испытания.

Она смотрела по сторонам, в то время как ее соперник заряжал и готовил ружье.

Круг зрителей расступился, освободив место для поединка. Спокойствие и любезность Анжелики окончательно развеяли агрессивность толпы. Все внимание переключилось на поединок между двумя стрелками.

Следуя указанию старого Карийона, которое он сообщил повелительным движением своих длинных костлявых пальцев, Меткий Глаз сообщил, что вначале он постарается попасть в центр висящей шкуры, а затем собьет перо, закрепленное на ней.

Он выстрелил. Пуля, хотя и не попала в самый центр мишени, но для такого расстояния — это было прекрасное попадание. Затем, тщательно

прицелившись, Меткий Глаз поразил перо как и говорил.

Наступила очередь Анжелики. Она попросила молодого охотника помочь ей поднять мушкет. Она чувствовала на себе его любопытный взгляд, ему никогда не приходилось видеть богатую даму, которая в своих изящных руках держит такое тяжелое оружие. Умение и ловкость, с каким она чистила дуло ружья, засыпала его порохом, закрывала затвор, вызвали у него одобрение. Она попросила разрешить ей сделать несколько пробных выстрелов по цели, объясняя это тем, что давно не стреляла. Но он заметил, что она знает толк в обращении с оружием.

Вокруг стало так тихо, что можно было услышать жужжание мухи, и даже обычный для поселка шум утих. Затаив дыхание, все собравшиеся следили за спектаклем, который разворачивался у них перед глазами. Даже индейские сорванцы присмирели.

Легкая дрожь пробежала по толпе, когда она подняла оружие и опустила его на плечо, несмотря на вес. Все пристально следили за каждым ее движением, которое было уверенным, спокойным и вместе с тем быстрым. Не давая себе отчет, многие отметили с каким изяществом она наклонила голову к прикладу оружия, чтобы лучше прицелиться. Можно было подумать, что оружие стало ее союзником, которому она тихо говорила: «Поработаем вместе, мой дружок! Достигнем цели».

Виль д'Эвре ликовал:

— Она просто восхитительна, не правда ли? — шепнул он отцу Дафарелю, который оставался безучастным к происходящему.

После этого Анжелика опустила оружие и спросила Карийона, что ей делать: поразить цель мишени или сбить перо?

Он расхохотался, обнажив свой беззубый рот и жестом выразил одобрение: пусть это будет перо — метка охотника, ее труднее поразить. Тщательно изучив мишень и расстояние, Анжелика попросила — что бы вы думали? — чтобы цель отодвинули на один туаз назад. Двадцать человек сразу же бросились выполнять эту просьбу, в то время как другие горячо обсуждали ее. Это было настоящее мужество. Все изнывали от нетерпения, им говорили, что это необыкновенная женщина. Если она сумеет с такого расстояния поразить цель — значит она действительно обладает сверхъестественными способностями. Спекталь, свидетелем которого они стали, достиг своей кульминации.

Когда Анжелика поняла, что публика уже сгорает от нетерпения, она решилась. Предварительная тренировка помогла ей хорошо почувствовать это оружие.

Внезапно она стремительно вскинула его и выстрелила так быстро, что зрители даже не успели опомниться.

Сразу же подбежали к мишени и увидели, что на месте пера осталась лишь маленькая дырочка на краю шкуры. Из мушкета все еще вился дымок, когда Анжелика с помощью Меткого Глаза опустила его на землю. Любопытные рассматривали потом оружие, брали его в руки, поднимали, целились.

Анжелика поразила перо и теперь возвратила мушкет владельцу.

— Вот, — сказала она, обращаясь к жителям Тадуссака, — я выстрелила и, надеюсь, убедила вас, что все, что рассказал обо мне Анастаха — чистая правда.

И хотя я умею стрелять не хуже господина Лугра — я не колдунья, как об этом говорят.

Своей прямоотой и искренностью, заставшей людей расплох, Анжелика сразу же завоевала доверие

публики. Послышался чей-то смех и несколько мгновений спустя вес собрание уже было охвачено шумным волнением. К всеобщему удовольствию примешивалось чувство облегчения, которое после недавних событий требовало выхода. Жители поселка горячо обсуждали только что закончившийся поединок.

Анжелика заметила человека в жилете и в шерстяной куртке, по внешнему виду торговца, который отсчитывал пистолы молодому трапперу.

Значит она не ошиблась в своих предположениях: еще до ее приезда в Тадуссак о ней говорили, спорили, на ее счет заключали пари.

В этот момент послышался чей-то голос, говорящий по-французски:

— Мы уже идем!.. Держитесь!

И следом за ним раздался крик со стороны форта:

— Вперед! Смелее! — голоса принадлежали солдатам гарнизона.

Наспех одетые в свою голубую форму, с ружьями наперевес, они бежали к церкви, в то время как со стороны пристани спешно поднималась группа вооруженных матросов «Голдсборо» под предводительством Жана Ле Куенека.

Шлюпка, ощерившаяся дулами пушек и мушкетов, быстро приближалась к берегу. Из нее выскочили Эриксон с обнаженной саблей в руке.

Все собравшиеся возле церкви застыли в недоумении, глядя на это внезапное вторжение.

— Что происходит? — крикнула Анжелика, обращаясь к Жану, который с трудом пробравшись сквозь толпу и задыхаясь от быстрого бега, замер в нерешительности, видя ее мирно сидящей рядом со старым Карийоном.

— Что происходит? — эхом повторили канадцы, оправившись от изумления.

— Это вас надо спросить... — послышался громовой голос одного из солдат форта.

Обе «армии» недоуменно переглянулись и обратились за разъяснениями к собравшимся.

— Почему стреляли? Мы подумали, что вам угрожает опасность, мадам, — сказал Жан.

— Мы тоже услышали выстрелы, — подтвердил королевский сержант.

Наступила очередь Эриксона. Он объяснил, что господин де Пейрак, отправившийся на встречу с таинственным кораблем, приказал ему весь день быть настороже, тем более, что графиня была на суше. Может все обойдется, а может и нет. Услышав выстрелы, Эриксон немедленно отдал распоряжение спустить шлюпку...

Теперь он стоял, крепко зажав в массивном кулаке абордажную саблю и выискивая взглядом того, кто нуждался в его защите.

Пришлось все объяснить.

Никто не нуждался ни в ружьях, ни в пушках. Речь шла всего лишь о соревновании стрелков. Однако пронизательный взгляд крестьян отметил какой военной силой располагала графиня, если бы ей пришлось защищаться. Солдаты из форта понимали как жалко они выглядят, несмотря на свою храбрость.

Вновь прибывшие, о которых говорили как о пиратах с французского залива, были вооружены до зубов. Их оружие было новым, мощным и удобным.

И вместе с ними явилась ОНА, Дама с Серебряного озера, которой их пытались запугать те, кто никогда не видел ее, и которая приводила в восхищение любого, кто хоть раз встречался с ней.

С самого начала у них возникло сомнение, когда они впервые увидели ее, спокойно поднимающуюся по берегу рядом с детьми.

Какой ожидали они увидеть ее?

Им говорили, что она очень красива, но пугающей, страшной красотой, которая сражает наповал, ранит прямо в сердце. Поэтому первой их реакцией было удивление.

Глядя на нее, жители Тадуссака пытались найти на ее лице следы сверхъестественного.

Они были готовы перекреститься, лишь только она посмотрит на них, но события развернулись совсем не так, как они предполагали, и потом она совсем не поражала своей красотой, одетая в простую накидку с белым воротником и с косынкой на голове, скрывающей волосы. У нее был вид обыкновенной канадской женщины, похожей на ник.

Но неожиданно она улыбнулась, потом выстрелила и в конце концов сказала:

— Вы видите! Я не колдунья... Значит это была ОНА.

— Мама! Мне жарко, я хочу пить, — раздался голос Онорины, которой стало скучно, что больше не стреляют и не собираются воевать.

И, действительно, начинало припекать. Несмотря на близость зимы, солнце светило так ярко, как будто специально хотело обогреть эту северную страну.

Можно было подумать, что свет, вытесняя все мрачные, темные цвета, оставил лишь яркие оттенки. С наступлением ночи в морозном воздухе пахло зимой, а днем воздух нагревался как летом, радуя своим теплом людей, ожидающих холодов.

Какая-то женщина подошла к Анжелике и спросила:

— Не хотите ли пива?

— Благодарю вас, но я лучше выпила бы молока. Вот уже давно как мы не видели его.

— Идемте ко мне, — позвал их Видь д'Эвре. — Славная Катрин-Гертруд а принесет нам туда чего-нибудь попить.

— Эта женщина сказала, что у вас дом в Тадуссаке, это правда? — спросила она.

— Нет, просто склад, где я храню свои товары. Управляющий делами компании присматривает за ними в мое отсутствие. У него ключ. Это рядом с пристанью.

Магазин, о котором говорил Виль д'Эвре, оказался добротным деревянным зданием на каменном фундаменте. Возле него стоял один из тех длинных столов, на котором купцы раскладывают свои меха и грузы, чтобы взвешивать товар. Из больших камней был сложен очаг, в котором сложно было развести огонь.

Склад Виль д'Эвре был хорошо освещен. Там они встретили человека в шерстяной куртке, который проиграл пари трапперу. Он оказался управляющим, о котором говорил маркиз. Судя по тому как Виль д'Эвре подмигнул ему, он имел хорошую прибыль в сделках с маркизом, который в этот момент объяснял вполголоса Анжелике:

— Когда я возвращаюсь из Акадии, то предпочитаю оставлять часть товара здесь и позже тайно переправляю его в Квебек. Вы понимаете, в наше время этими ужасными пошлинами облагается все подряд. И все, что я с таким трудом привожу из Акадии, может растаять, как снег на солнце, стать жертвой этого ненасытного зверя — государственного бюджета.

— И господин Карлон знает об этом?

— Конечно, но это мелочи, на которые у него совсем нет времени. Господин управляющий Северной Компании, которого вы видите перед собой, оказывает мне содействие, а его непосредственный начальник Дюкрес, который считает себя королем Тадуссака, ни о чем не догадывается.

Какой красивый вид открывается отсюда, не правда ли? — продолжал говорить маркиз. — Но в Квебеке, в моем маленьком домике, где вы будете жить, он еще красивее... Я вижу паруса вдали. Это, без сомнения, флот де Пейрака, выполняющий маневр.

Склад маркиза был открыт сразу же по его приезде. Он рассчитывал принять здесь Анжелику. Как только они вошли, то сразу увидели кота, уютно и бесцеремонно устроившегося на столе.

— Он приехал сегодня утром на шлюпке вместе со мной, — сказал Виль д'Эвре. — Мы очень привязались друг к другу.

Вскоре развели огонь на плоских камнях очага.

Жители Тадуссака, следовавшие за ними во главе с детьми и индейскими собаками, столпились у входа в магазин. — Ну, ну, спокойнее, — прикрикнул маркиз, довольный популярностью Анжелики. — Вы завоевали их сердца, — добавил он, поворачиваясь к ней.

Женщина, предлагавшая пиво, вернулась, неся с собой глиняный кувшин, наполненный густым теплым молоком. С ней пришли ее дочери и невестки, держа в руках хлеб и яйца. Анжелика с детьми удобно устроилась на скамейке, возле огня. Кот настороженно смотрел на собак, которые его только что обнаружили.

— Этот кот мадам де Пейрак, — с пафосом воскликнул Виль д'Эвре, — смотрите, не причините ему вреда.

Собак сразу же выгнали за дверь. Женщины предложили смешать яйца с молоком для детей мадам де Пейрак, которые им очень понравились. Они восхищались пухлыми щеками Керубино, прекрасными волосами Онорины. Мужские взгляды все чаще останавливались на молоденьких девушках, составлявших окружение Анжелики. Прошел слух, что это — королевские девушки. Откуда прибыли они? Из Парижа? Из провинции? Кто привез их сюда? Собирались ли они найти себе мужей в Канаде?

— Увы! Если бы они знали, что мы бесприданницы, — вздохнула Генриетта, наклонившись к Жанне Мишо.

Несмотря на все, что они пережили, больше их огорчала потеря казны — приданного, которое дал им

король. А без этого, кто захочет взять их в жены здесь, в Канаде. Им придется теперь наниматься служанками, чтобы накопить денег и самим устроить свою судьбу, или вернуться во Францию.

Но сейчас не хотелось думать о грустном. Их угощали на славу: принесли пиво, сидра и других крепких напитков, одни из которых были прозрачнее бриллианта, а другие — темнее топаза.

— Обязательно попробуйте их, у нас превосходные напитки! — расхваливал вина управляющий. Экипаж «Голдсборо» приветствовал его слова с воодушевлением, которое с каждой выпитой кружкой, привезенной из самой Нормандии, становилось все заметнее. — Наш кюре знает толк в их приготовлении, как раз сейчас он занимается этим — вот почему вы его не видели.

Им принесли большую ковригу пшеничного хлеба, большие куски масла, варенье.

— Правда эти люди очень очаровательны? — умиленно спросил у Анжелики Виль д'Эвре. — Разве я вам этого не говорил?

Очаровательные — это не то слово, которое подходило к здешним канадцам. Природные стихии, суровая жизнь первопоселенцев, постоянная борьба с ирокезами, с холодной зимой вылепили новую породу людей, крепко сложенных, молчаливых, но в то же время добросердечных и гостеприимных.

Несмотря на французский флаг, развевающийся над фортом, здесь царила атмосфера, напоминающая вольную Акадию с ее политикой «открытых дверей». И хотя официально Тадуссаком управляли французские чиновники, все они предпочитали жить в Квебеке вместе со своими семьями, а не прозябать в этом поселке крестьян и рыбаков.

Их слегка презирали и не имели над ними большой власти. Настоящими его хозяевами были представители

торговых компаний, особенно занимающихся скупкой меха.

Анжелика вспомнила свои сомнения, недавний страх и удивилась с какой легкостью события разворачивались в их пользу.

— Теперь вы успокоились? Ну что я вам говорил? — делая ударение, сказал Виль д'Эвре. — Все хорошо! Верьте мне, в Квебеке произойдет то же самое. И знаете почему? Потому что французы — самые любопытные люди в мире. Они хотят ВИДЕТЬ ВАС! Ну скажите, как они смогут позволить лишиться себя такого удовольствия? Правда? Вот она! Их приводит в восторг одна лишь мысль о вашем приезде.

Его речь прервал пушечный выстрел.

Глава 3

На этот раз действительно стреляла пушка.

— Ничего страшного! Ничего страшного! — с криком выбежал маркиз из дома. Он раскрыл свою подзорную трубу и посмотрел вдаль.

— Это всего лишь граф де Пейрак, который хочет оказать помощь этому несчастному, следовавшему за нами.

— Тогда почему стреляла пушка?

Все собрались на открытой площадке перед складом и пристально всматривались в горизонт, затянутый легкой дымкой. Но ничего нельзя было разглядеть вдали и даже матросы с их тренированным зрением, не могли определить, что же в действительности происходит.

Лишь временами можно было различить белые пятна парусов, судя по положению которых, корабли совершали какой-то маневр.

Затем они увидели вспышку и до них донесся громовой раскат пушечного выстрела.

— Ситуация, кажется, осложнилась.

— Это стреляет незнакомец, вот что действительно трудно понять.

С напряженным вниманием всматриваясь в туманную даль, они пытались понять, что за события там разворачиваются.

Долгое время все оставались в неведении — только на море приходится так долго ждать развязки. Им приходилось довольствоваться тем, что они видели; белые пятнышки парусов в разрывах тумана, которые на миг появлялись, чтобы в следующее мгновение исчезнуть.

Наконец кто-то крикнул:

— Они идут сюда!

Действительно, теперь корабли были отчетливо видны, можно было даже пересчитать паруса на их мачтах. Они возвращались.

Затем все происходило очень быстро, прямо на глазах у собравшихся. Примерно к полудню, когда солнце уже стояло в зените, флот господина де Пейрака, кроме «Голдсборо», нарядно одетый во все белое, слегка покачиваясь, подошел к берегу и приготовился встать на рейд. Он сопровождал французское судно, которое казалось, вот-вот затонет — так сильно оно накренилось.

Маленькая «Рошель» под командованием Кантора, вела пленника на буксире.

Анжелика пыталась разглядеть на палубе одного из кораблей Жоффрея, но это ей не удалось. Несмотря на благополучный исход, она испытывала беспокойство, и люди, стоявшие рядом с ней, тоже притихли. Что это были за военные действия, с чей стороны, против кого?

Вскоре раздался звон якорных цепей, опускающихся в светлую воду реки Святого Лаврентия, От кораблей отделились лодки и шлюпки и быстро направились к берегу. А в это время индийские каноэ облепили со всех сторон французское судно, наперебой предлагая меха в обмен на спиртное.

Анжелика смотрела на это жалкое подобие судна, окруженное на несколько кабельтовых вокруг индейцами, и спрашивала себя, помог ли Жоффрей этому несчастному или взял его в плен?

Она вдруг вспомнила слова Адемара: «А если на его борту находится герцогиня?» Против своей воли она побледнела.

Канадцы, окружающие ее, постепенно оживлялись. Из их разговоров она поняла, что они ни во что не хотят вмешиваться.

Корабли флота, гордо стоящие на рейде Тадуссака, производили благоприятное впечатление на жителей. И наоборот, их подозрения вызывало это поврежденное судно, которое граф де Пейрак только что привел.

Вдруг послышался чей-то возглас:

— Да ведь это «Иоанн Креститель», посудина этого негодяя Рене Дугаса из Руана!

— Почему он так задержался? Теперь он не сможет вернуться.

— Как бы он действительно не затонул.

— Да, не повезло нам с этим кораблем, а вот господин Гуфарель из Квебека нагреет руки и еще разбогатеет.

— Интересно, Дугас все еще капитан этого судна? Тогда не удивительно, что стреляла пушка. Он скорее пойдет на дно со своей посудинной, чем позволит совать нос в его дела.

Все спустились к пристани, и Анжелика оказалась там в тот момент, когда Граф д'Урвилль высаживался с частью экипажа.

Он не выглядел обеспокоенным, хотя и был немного озабочен. Он издали поприветствовал Анжелику.

— Что происходит? — спросила она, подходя к нему.
— Почему стреляла пушка?

— У кого-то не выдержали нервы на этом несчастном корабле. Мы окружили его и хотели предложить помощь, когда он неожиданно дал бортовой залп, целясь ниже ватер-линии и который, к счастью, не достиг цели. Тогда мы стали действовать более жестоко, чем это предполагалось вначале.

Или они считали, что наше вмешательство носит враждебный характер, или капитан, несмотря на опасное положение судна, предпочитал затонуть и не быть захваченным? Когда мы его нашли на корабле, то ничего вразумительного не смогли добиться: он был или сильно пьян или болен. Пассажиры нижней палубы,

среди которых были и иммигранты, находились в плачевном состоянии. Третий из тех, кто сел на борт судна, умерли во время перехода через океан.

— Почему этот корабль так поздно попал сюда?

— Он был среди тех, кто последними покинули Европу. Если бы ему повезло, он должен был отвезти груз и вернуться. Но погода не благоприятствовала им: бури, штили, постоянные поломки. Это то немногое, что мы смогли узнать у недоверчивых пассажиров.

К ним подошел Виль д'Эвре.

— Говорят, что в трюмах этого корабля находятся бочки замечательного французского вина — бургундского и самого высокого качества.

— Вы хорошо осведомлены, господин маркиз, — сказал улыбаясь д'Урвилль.

— Я надеюсь, что господин де Пейрак захватил его?

— Конечно, нет. Правда, граф де Пейрак собирается осмотреть судно, прежде чем оно вновь отправится в Квебек. Но он не хочет дать пищу слухам, которые и без того говорят о нем, как о пирате.

— Он ошибается, — отрезал Виль д'Эвре. — Я бы на его месте не колебался. Бургундское вино и даже, кажется, из Бонской провинции! Это просто легкомыслие!

Он задумался.

Анжелика хотела вернуться на «Голдсборо» и обсудить с Жоффреем де Пейраком события сегодняшнего утра, которые, несмотря ни на что, прошли вполне успешно.

Она попрощалась с жителями Тадуссака, отдельно с Катрин-Гертрудой, имевшей, по-видимому, большое влияние в поселке, и обещала вернуться после обеда.

На борту «Голдсборо» ее муж подтвердил то, о чем рассказывал граф д'Урвилль. Несмотря на свое бедственное положение, руанский корабль, названный в честь святого Иоанна Крестителя, повел себя очень

враждебно, когда их флот предложил ему лечь в дрейф и представиться. Жоффрей считал, что появление в Тадуссаке этого судна может помешать их планам. Его уверенность окрепла после холодного приема, оказанного ему этим кораблем.

— Я запретил его экипажу под любым предлогом высаживаться на берег. Они могут испортить нам хорошие отношения с поселенцами, мне бы не хотелось терять то, чего с такими усилиями мы добились. Единственным исключением будет группа матросов, которая под надежной охраной отправится на берег за водой и несколько женщин с детьми в крайне тяжелом состоянии. Более того, я дал им распоряжение вооруженных рабочих и плотников, которые должны помочь как можно скорее отремонтировать корабль. В то же время они будут наблюдать за экипажем. Я предупредил капитана, что он находится под прицелом моих пушек.

— Почему он стрелял?

— Он сам не знает. Был сильно пьян, и вроде бы приказ вместо него отдал кто-то другой.

Анжелика догадалась, что он что-то не договаривает и посмотрела на Пейрака настойчиво-вопросительным взглядом. Он наклонил голову и казалось колебался.

— Пока это только слухи, — решил наконец он, — но говорят, что на борту этого корабля находится королевский посланник, направленный сюда с официальной секретной миссией, —

чиновник очень высокого ранга, королевский поверенный, близкий ко двору. И, может, именно он отдал приказ стрелять.

— Кто это? Как его имя? — живо спросила Анжелика. Анжелика была согласна с Пейраком, который считал, что этот человек мог везти распоряжения короля, которые касались

непосредственно их. Скорее всего его задачей было помешать им прибыть в Квебек раньше.

Но Жофfrey не позволил увлечь себя воображению.

— А может быть он не существует? И это всего лишь слухи и предположения. Когда я попытался получить список пассажиров, чтобы узнать, кто находился на борту, то его не оказалось. Ничего не известно, ни имен, ни фамилий. Люди враждебно встретили нас. Если посланец короля и существует, то они его не выдадут. Скорее всего, им хорошо заплатили.

— Он боится, что вы захватите его в качестве заложника, чтобы взять выкуп.

— Такое же впечатление сложилось и у меня.

— Надо полностью перевернуть этот корабль, осмотреть все каюты, заставить его признаться.

Жофfrey де Пейрак улыбнулся.

— Тише, тише! А то вы сейчас похожи на нашего шумного маркиза, который повсюду твердит о власти законов, а сам действует как флибустьер. Но в мои намерения не входит поступать таким образом в этой стране. Я хотел бы успокоить сомневающихся и убедить их в своей лояльности, стараясь избежать беззакония.

И если действительно на борту «Иоанна Крестителя» находится посланник Версаля, пусть он продолжает свое путешествие инкогнито. Он не может навредить нам, не выдав тем самым себя. А это дает нам полную свободу действий во время нашей стоянки в Тадуссаке.

— Как долго мы будем здесь?

Ответ графа де Пейрака был уклончивым; ей показалось, что он что-то скрывает.

После обеда она вновь сошла на берег вместе с детьми. Ее шлюпка причалила в тот самый момент, когда граф д'Урвилль выстраивал в шеренгу вооруженных матросов.

— Для кого предназначена эта охрана? — спросила Анжелика.

— С «Иоанна Крестителя» прибудет сейчас шлюпка с матросами — наряд за водой. Я получил приказ тщательно охранять их.

Вскоре причалила шлюпка, о которой говорили, с людьми на борту. Они были похожи на приговоренных к смерти преступников. Может они на самом деле были такими, а может тяготы плавания наложили на них свой мрачный отпечаток. Матросы были крайне истощены, одеты в лохмотья, с болезненным выражением на худых угрюмых лицах. Хрипло бранясь, они начали сгружать пустые баки и бочки, исподлобья бросая хмурые взгляды и ища повод для ссоры.

Люди с «Голдсборо» начали поторапливать их и они направились к источнику, который находился в двух шагах отсюда. Жители Тадуссака глядели на них с любопытством, но без особого радушия. Этот корабль пользовался здесь дурной славой: матросы бесчинствовали, пытались затевать драки и плохо платили. Отряд д'Урвилля проводил наряд до самого фонтана, чтобы избежать неприятных столкновений.

Вслед за матросами из лодки появилась женщина. Она была бедно одета во все черное и казалась хотя и в возрасте, но крепкой и энергичной, привыкшей в жизни надеяться только на себя. Не прибегая к мужской помощи, она ловко выпрыгнула из лодки прямо в воду, одной рукой придерживая подол юбки, а в другой держа ребенка.

Вместе с башмаками, висящими на шее, связанными шнурком, она выбралась на берег, уселась на песок и принялась обуваться.

Ребенка она положила рядом. Он совсем не шевелился. Эта сцена напомнила ей высадку покровительницы, держащей маленького Пьера на

руках, но это была лишь бесцветная и безымянная тень прошлого.

Кожа у незнакомки была серого землистого оттенка, глаза, обведенные красными кругами и воспаленные от морского соленого ветра, казались выцветшими. Пряди серых волос выбивались из-под черной шелковой косынки, наброшенной поверх чепца не первой свежести. Прежде чем встать, она привела в порядок волосы, что, наверное, соответствовало ее понятию о приличиях. Затем она легко поднялась и Анжелика увидела, что женщина не так стара, как показалось вначале.

Незнакомка вновь взяла ребенка на руки и начала подниматься по склону берега.

Д'Урвилль окликнул ее:

— Мадам! Кто вы и что здесь делаете? У меня приказ не пропускать пассажиров «Иоанна Крестителя» на берег без специального разрешения господина де Пейрака.

Женщина спокойно подняла свои бесцветные глаза и сказала:

— Господин де Пейрак, вы говорите? Это тот пират, который был у нас на корабле сегодня утром? В таком случае, могу вас заверить, что он дал разрешение высадиться на берег, чтобы я смогла позаботиться об этом умирающем ребенке. У нас на борту нет самого необходимого.

Этот неожиданно приятный и молодой голос совсем не сочетался с ее изнуренной фигурой.

Один из матросов «Голдсборо» подтвердил распоряжение графа и вручил графу д'Урвиллю бумагу, на которой почерком де Пейрака было что-то написано, внизу стояла его подпись. Прочитав ее, он одобрительно кивнул:

— Все в порядке. Вы можете идти, мадам, и отдохнуть. Женщина поблагодарила его. Это

вмешательство немного поколебало ее уверенность.

Она вздохнула и как будто преодолев какие-то внутренние сомнения, с трудом продолжала свой путь.

Толпа, собравшаяся на пристани, начала медленно расходиться. Одни не хотели сталкиваться с матросами «Иоанна Крестителя», другие, напротив, последовали за ними, надеясь узнать причину задержки и что за груз он везет в трюмах.

На берегу остались лишь Анжелика с детьми и несколько королевских девушек.

Ей было жаль эту женщину, которая в одиночестве высадилась на неизвестную землю после долгих месяцев трудного плавания, следы которого отразились на ее бледном, изможденном лице. Она вспомнила, в каком плачевном состоянии находились они сами, когда прибыли в Голдсборо и какими жалкими и худыми были их дети. И это несмотря на то, что Жоффрей заботился о них и снабжал всем необходимым во время путешествия.

Анжелика догнала женщину.

— Мадам, могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Женщина посмотрела на нее с удивлением и интересом. После некоторого колебания она согласилась.

— Если вам нетрудно, я буду очень признательна вам. Мой малыш нуждается в помощи, он умирает. Надо раздобыть для него где-нибудь молока или немного бульона. Вот уже несколько недель нас кормили подмоченными солеными сухарями и испорченным сидром.

— Следуйте за мной, — сказала Анжелика и повела ее к магазину Виль д'Эвре, который находился недалеко от пристани.

Маркиз заторопился навстречу, но заметив спутницу Анжелики, сдержал свой порыв и нахмурился. Затем постарался тихо и незаметно скрыться с глаз.

Незнакомка, казалось, не заметила его. Она вошла в дом и с видимым облегчением и удовольствием села возле огня.

— Ах! Какое счастье вновь вернуться домой.

— Вы разве из Тадуссака? — удивилась Анжелика.

— Нет! Из Города Марии — Монреалья... Но и это уже Канада. Как только моя нога ступила на эту благословенную землю, я чувствую себя воскресшей и не перестаяю молить Бога.

Анжелика сразу же поставила кувшин с молоком на горячие угли.

— Это ваш внук? — спросила она, показывая на ребенка, в то время как женщина разворачивала его влажное, с горьковато-соленым запахом, покрывало. В нем оказалось крошечное, прозрачное существо, охваченное сильным жаром.

Незнакомка покачала головой.

— Одна чета иммигрантов, которая умерла во время перс-хода от болезни, оставила после себя этого ребенка, который тоже находился в тяжелом состоянии и не был нужен никому. Я слышала как матросы, переговариваясь между собой, решили сбросить его за борт. Мне стало жаль его и я оставила младенца себе, несмотря на то, что все мои спутники были против. Все и без того были измождены, а многие из них находились при смерти.

Анжелика протянула миску, в которую налила немного молока, и женщина принялась кормить ребенка. После нескольких глотков ему стало лучше и он с жадностью принялся пить.

— Говорят, что вы пережили ужасное плавание, — сказала Анжелика.

— Трудно представить, насколько оно было тяжелым. Мы пережили все, кроме кораблекрушения. Корабль напоминал скорее полевой госпиталь. Едва мы покинули Руан, на борту началась чума, много людей

погибло. К счастью, на борту оказался господин Ришар, который помог их похоронить. Капитан — человек без стыда и совести.

Пока она говорила, Анжелика достала из своей сумки на поясе маленькую склянку с бальзамом, который заживлял раны и улучшал самочувствие. Она начала натирать им тельце, ножки, ручки малыша, затем взяла свой чистый шерстяной платок и помогла женщине укутать младенца.

— Теперь нужно подождать. Он немного поел, это хороший признак. Лекарство, которым я смазала его, согреет и укрепит силы. Большого пока мы не сможем для него сделать.

Она уложила ребенка возле очага на покрывало, которое взяла из магазина Виль д'Эвре, и попросила Дельфину и Генриетту сходить к Катрин-Гертруде за мясом для бульона.

Женщина следила за действиями Анжелики и, казалось, одобрительно отмечала про себя их уверенность и компетентность.

— А вы сами! — сказала ей улыбаясь Анжелика. — Вы не знаете, но у вас такой вид, что готов разжалобить даже каменное сердце.

— О, да! Обстановка, в которой проходило наше плавание, была кошмарной. К нашим неисчислимым бедам добавился еще и грубый, безжалостный характер капитана. Во время нашей стоянки в Руане господин Кампуа, старший матрос, будучи неплохим человеком, принес нам несколько бочонков воды для меня и сестер, которые тоже не пьют вина. Но когда корабль был уже далеко от берега, воду у нас забрали и мы вынуждены были пить матросское пойло. К этому добавилась и болезнь, вот почему я и мои сестры в таком плачевном состоянии.

Анжелика протянула ей кружку молока, куда накрошила немного хлеба.

— Выпейте скорее! Я уверена, что вы не ели горячего вот уже несколько недель.

— Ничего! Главное, что Бог привел нас сюда.

— Правда, трудным путем — это меньшее, что можно сказать об этом плавании, — добавила Анжелика.

— Это не имеет значения. Мы молили его только о том, чтобы он помог нам добраться до Канады, — ответила женщина, обнажив в улыбке свои кровоточащие десны.

«Еще немного, и эта женщина заболела бы цингой,» — подумала про себя Анжелика.

Возвращаясь в Тадуссак после обеда, она случайно захватила свой сундучок, где у нее лежали разные лекарства. Она поставила его на стол и начала искать нужные травы.

— Сейчас я вам приготовлю напиток, после которого вы почувствуете себя лучше.

— Как вы добры! — тихо прошептала женщина. — Но кто вы? Я вас совсем не знаю. Вы приехали в Канаду во время моего отсутствия. Меня здесь не было около двух лет.

— Выпейте! — требовательно сказала Анжелика. — У нас будет еще время представить друг другу.

Женщина с улыбкой послушалась. Она пила напиток с видимым удовольствием, хотя казалось, что какие-то мысли беспокоят ее. Взгляд незнакомки был устремлен на Анжелику, а бесцветные зрачки излучали какой-то мягкий таинственный цвет.

По мере того как она оживала и черты ее лица смягчались, становилось видно, что манеры этой женщины отличаются благородством и изяществом.

С теплотой и нежностью она посмотрела на Керубино и Онорину, затем задумавшись о чем-то, поставила недопитую чашку на колени и спросила:

— Это ваши дети?

— И да, и нет. Вот моя дочь Онорина, а это — Керубино, мальчик, которого мне доверили.

Веселая искорка промелькнула в глазах ее собеседницы, которая сощутив глаза, внимательно рассматривала мальчугана. Анжелике показалось, что она сравнивает его со знакомым ей лицом.

— Не правда ли, человек, которого мы только что видели, был господином Виль д'Эвре? — спросила она. — Мне показалось, что он сбежал, как только увидел меня.

Решительно, от нее ничего не могло ускользнуть. Она перевернула тему:

— Этот хорошенький сундучок с лекарствами на столе принадлежит вам?

— Да, там все необходимое, чтобы оказать помощь и облегчить страдания в случае надобности. Я всегда ношу его с собой.

Она сказала, что приготовит компрессы для язв, разъеденных соленой водой, которые видела у ребенка и его покровительницы.

— Вам пришлось столько страдать.

— Это ничего по сравнению с мучениями Господа нашего Иисуса Христа!

С дружеской непосредственностью она протянула чашку Анжелике и когда та попыталась взять ее, перехватила руку и спросила:

— А теперь, ваша очередь, мадам. Я была послушна и теперь вы должны ответить мне: КТО ВЫ?

Глава 5

Анжелике вдруг показалось, что от этого зависит ее судьба в Канаде. И здесь ей не смогли помочь ни армия, ни богатство. Она собрала все свое мужество.

— Я жена «пирата», — сказала она. — Человека, которого вы так называли.

— По-другому говоря, вы — графиня де Пейрак.

Анжелика утвердительно кивнула.

Взгляд, которым эта женщина смотрела на Анжелику, не изменился и только чувствовалось, что продолжая ее изучать, она вся напряглась и выпрямилась. Анжелика с удивлением обнаружила, что тоже рассматривает ее. Вначале она приняла ее за одну из бедных, несчастных иммигрантов, крестьянок и жен ремесленников, которые в поисках лучшей жизни приезжают в Новый Свет, затем, видя как хорошо она знает Канаду и чувствуя ее уверенность и авторитет, Анжелика решила, что она коренная жительница этой страны. Но и это было не так. Несмотря на ее скромный вид и плачевное состояние, эта женщина вдруг показалась ей необыкновенной личностью.

Изучая друг друга, они стояли так некоторое время, не обращая внимание на то, что происходит вокруг.

Взгляд незнакомки упал на приоткрытую крышку медицинского сундучка, в глубине которого она заметила изображение святых Хомы и Диаминна — покровителей аптекарей.

— Вы почитаете святых? — спросила она тоном, в котором проскальзывало удивление.

— А почему я не должна почитать их? Неужели вы заметили что-то такое, что позволило вам усомниться во мне? Кажется, вас уже настроили против меня. Я это

чувствую. И может, даже еще в Париже. Откуда вы прибыли? Кто вы?

Женщина не ответила.

Она встала, наклонилась над ребенком, и убедившись, что он крепко спит, подошла к столу и принялась помогать Анжелике щипать корпию для перевязок.

А в это мгновение в дом вошла высокая крестьянка Катрин-Гертруда, неся на руках младенца.

— О! Я не знала, что вы здесь, матушка...

И тут же замолчала, видя, что ей делают знаки.

— А может вы одна из поселенцев, которые участвовали в освоении Канады? — продолжала Анжелика, пытаясь угадать.

— Вы почти у цели, — ответила ей загадочная женщина. И она весело засмеялась, продолжая молчать, чем еще больше возбудила любопытство Анжелики.

Но в это время кто-то зашел в комнату и поздоровался с приезжей:

— Хвала Господу! Вот вы наконец и вернулись в Канаду, матушка Буржуаз, какое счастье!

— Так вы Маргарита Буржуаз!

И уже потом, когда к ней привели больных детей и матери Тадуссака прониклись доверием к ее умению врачевателя, Анжелика все еще удивлялась своей удаче и случаю, который с первых шагов пребывания в Канаде свел ее с одной из замечательных женщин Новой Франции. В Катарунке в прошлом году она впервые услышала о ней. Мрачные трапперы, вояки, огрубевшие в схватках, вспоминали с благоговением ту, которая пришла с первыми поселенцами господина де Мозоннев и участвовала в основании на маленьком острове Святого Лаврентия города Марии — Монреалья, названного в честь Божьей Матери. Она была среди пионеров Канады — бесстрашная женщина, несущая в своем сердце свет любви к Господу. Она воспитывала и

обучала детей и дикарей, работала в поле и создавала школы, ухаживала за ранеными после стычек с ирокезами.

Неужели это была та самая женщина, которая спасла жизнь Элуа Макколе, когда он был скальпирован индейцами?

— Я вижу вы тоже слышали обо мне, — заметила мадемуазель Буржуаз.

— Если верить слухам, то вы — ангел, — сказала Анжелика.

Мадемуазель Буржуаз с живостью возразила:

— Эти слухи ложны как в моем, так и в вашем случае. Прислушиваясь к ним, вы только потеряете зря время. Да и в будущем не стоит придавать им большого значения.

Выражение ее лица смягчилось и она неожиданно погладила Анжелику по щеке.

— Я вижу только то, что у меня перед глазами, — добавила она, — вы очень впечатлительны, дитя мое.

Некоторое время спустя они уже вдвоем стояли, окруженные жителями Тадуссака, отвечали на вопросы, давали советы и подбирали нужные лекарства. Они были удивлены, видя как много людей в поселке страдают самыми разнообразными болезнями.

Опыт Маргариты Буржуаз и Анжелики, богатства найденной аптечки давали возможность жителям этой глухой деревни воспользоваться случаем, который неизвестно когда еще представится.

Открытая симпатия, с которой относилась к ней эта легендарная женщина, наполняла радостью Анжелику, и то, что всеми любимая монахиня оказалась рядом с ней, когда она только начинала свой путь в Канаде, казалось ей подарком судьбы. У нее возникло чувство, что она всегда жила вот так, бок о бок с канадцами, в которых еще вчера сомневалась. Люди относились к ней так, как будто знали ее очень давно. Они заметили, что

ей быстро удалось успокоить детей и очень скоро каждый испытал на себе целительное воздействие ее рук, которые умело и ловко делали перевязки, и кроме того, стоило ей лишь прикоснуться к больному месту, как сразу же наступало облегчение.

Они договорились о том, что встретятся на следующий день и будут вырывать зубы и вскрывать нарывы.

Онорина и Керубино вдруг стали шалить.

Глава 6

Это случилось в тот момент, когда Анжелика перерывала свой сундучок в поисках мешочка со сбором трав от кашля. Это матушка Буржуаз заметила, что Онорина тайком стащила мешочек и теперь пытается спрятать его в штанишках Керубино. Она попыталась убедить девочку вернуть то, что взяла без спроса.

— Но это для мистера Виллоуби, — возразила малышка. — Кто такой этот мистер Виллоуби? — поинтересовалась Маргарита Буржуаз с терпеливым спокойствием воспитательницы.

— Медведь, мой друг медведь. Он очень любит бруснику.

— Я в этом не сомневаюсь. Но не лучше ли собрать для него свежих ягод, чем давать сухие? Я знаю в Тадуссаке местечко, где мы их сможем найти. Я там частенько собирала бруснику.

— У вас тоже есть медведь? — поинтересовалась Онорина, в то время как матушка Буржуаз забирала лекарство, которое только что выманила.

— Нет, дорогая мои, и я очень об этом жалею, потому что уверена: медведь может быть настоящим товарищем. Я знала одного на борту «Иоанна Крестителя» и могла заметить, что это был очень сдержанный и воспитанный господин.

Онорина рассмеялась.

Когда шум немного утих, все услышали возле двери чей-то оживленный шепот и кто-то невидимый собравшимся крикнул раздраженно:

— В конце концов, неужели никто ее не боится? А если она опасна? Это просто невероятно...

Управляющий извиняющимся тоном пытался что-то объяснить.

— Ну и что?.. Так она здесь? И, кажется, вы даже доверили ей своих детей? Вы не хотите соблюдать элементарную осторожность.

Заинтересованная Анжелика попыталась угадать, кто же это говорит о ней, подошла к двери, держа за руку Керубино, перепачканного вареньем.

— Вы ищете меня, мессир? — поинтересовалась она, обращаясь к человеку в жилете и сюртуке, голову которого украшала шляпа с перьями — королевский чиновник, без сомнения. Его сопровождала жена, бесцветная женщина, внешним видом похожая на горожанку, и неопределенного возраста господин, напоминающий судью.

Незнакомец мрачно посмотрел на Анжелику.

— Откуда вы взялись? Я уверен, что с «Иоанна Крестителя». Он в «прекрасном» состоянии, этот корабль. Не завидую я этим господам из Руанской Компании. Где он шатался? Почему явился так поздно? И в довершение ко всему его захватили пираты... прямо в порту Тадуссака. Но так не должно было случиться, нас ведь заранее предупреждали.

Одной рукой он резко отстранил в сторону управляющего, а другой — свою жену, которая хотела последовать за ним.

— Оставайтесь снаружи, моя дорогая, никогда не знаешь... — и глубоко вздохнув, он шагнул в дом.

— Где она?

Его внешний вид говорил о том, что он приготовился встретиться со всеми темными силами ада. «Все же, — говорила себе Анжелика, — это не его вина». Ничего не было смешного в том, что, поддавшись слухам, он готов был сразиться с дьяволом. И напряженное ожидание будущего поединка не так-то легко выдержать, она сама была тому свидетелем. И Анжелика вспомнила прибытие в Голдсборо Амбруазины, которая была похожа на умирающую птичку. Этот достойный человек

был прав, испытывая перед нею страх. Ведь та же самая Амбруазина в своем желтом платье с красным корсажем и голубой накидке, с таким, на первый взгляд, невинным взглядом, вывернула ее наизнанку. Не так-то просто избежать ловушек, расставленных демонами. И разве при первой встрече с жителями она сама не казалась им подозрительной? Сейчас она мысленно поздравляла себя с тем, что была так скромно одета тогда.

Крестьяне равнодушно восприняли приход рассерженного господина, который немного успокоился, увидев Маргариту Буржуаз.

— И вы тоже здесь, матушка Буржуаз... — (Он немного расслабился.) — Добро пожаловать! Что здесь происходит? Кто-нибудь мне скажет наконец? Его блуждающий взгляд заметил сундучок с лекарствами, женщин с голыми детьми на руках.

— ...Но это же безумие!.. Чепуха какая-то!

Он пытался найти среди женщин незнакомку с печатью Люцифера на лице.

— Где она? Что, улетела вместе с дымом? Матушка Буржуаз, я прошу вас, вы — разумная женщина. Покажите ее мне!

— Но кого? — ничего не понимая, спросила мадам Буржуаз.

— Ту, которую называют графиней де Пейрак, мне сказали, что она здесь, по крайней мере была мгновение назад.

— Действительно, я здесь, — повторила Анжелика, направляясь к нему.

На этот раз он тщательно рассмотрел ее, но затем вновь разразился проклятиями.

— Хватит!.. Вы смеетесь надо мной.

— Ну почему?

— Вы все смеетесь надо мной. Это нестерпимо!

Что происходит? Люди потеряли голову! Меня перестали Уважать, мной пренебрегают, не слушают моих советов, предупреждений.

Встав в театральную позу, он решительно крикнул:

— ...Я прошу показать мне графиню де Пейрак!

— Хорошо! Смотрите на нее, — закричала в ответ Анжелика. — Это я!

— Я — графиня де Пейрак, вы уж не обессудьте. Посмотрите на меня еще раз и будьте так любезны сказать, что вам нужно.

Пока она говорила, ее собеседник несколько раз изменился в лице. Никогда еще присутствующие не видели человека в таком замешательстве. На его лице можно было прочесть удивление, сомнение, изумление, страх.

В конце концов остались лишь сомнение и растерянность.

Анжелика продолжала спрашивать его, придавая голосу надменность:

— К тому же, кто вы? Вы требуете графиню де Пейрак во что бы то ни стало, а сами даже не представились!

Человек в отчаянии набросился на управляющего:

— Идиот! Ты не смог меня предупредить, вместо того, чтобы выставлять на посмешище?

— Не кричите на моего служащего, — закричал появившийся вдруг Виль д'Эвре. — С какой стати вы ругаете его?

— Ага! И вы тут, господин губернатор Акадии! Я не удивлюсь, если это окажется вашей дурацкой затеей.

— Дурацкой затеей? А ну повторите, — с угрозой в голосе проговорил Виль д'Эвре.

Внезапно на пороге Анжелика заметила Жоффрея де Пейрака.

Он был в маске.

Жоффрей де Пейрак появился неслышно и незаметно в момент, когда его никто не ждал, и это было его преимущество. Он обладал искусством появления и добивался того, что лишь его вид приводил людей в оцепенение. Застыв в бессловесном изумлении, люди задавали себе вопрос, уж не из земли ли он появился. Как замороженные смотрели они на его изысканный костюм, детали которого бросались в глаза и притягивали к себе взгляды. Этого мгновения всегда хватало хозяину «Голдсборо», чтобы оценить ситуацию и взять ее в свои руки.

В этот раз такой деталью были маска, поражающая воображение окружающих, и несравненной красоты алмаз. Подвешенный на широкой ленте из белого шелка, он ярко сверкал на камзоле из темно-синей тафты, который украшала серебряная вышивка тонкой работы. Такой же величины алмаз украшал эфес его шпаги. Его одежда, отличавшаяся изысканной скромностью, напоминала английскую моду, с которой жители Тадуссака, не раз захватываемого англичанами, были хорошо знакомы.

Его нельзя было спутать с французскими сеньорами, украшенными перьями и кружевами, в туфлях с пряжками, в расшитых жилетах. Действительно, по внешнему виду он напоминал иностранца, корсара, не признающего никаких принципов, никаких законов и который сказочно разбогатев, пиратствуя в Карибах, достиг сегодня Северной Америки.

Он принес с собою в эту далекую, суровую Канаду, лишенную богатств, которые привлекли конкистадоров в Эльдorado, — отблеск славы тех ярких и загадочных личностей, которых французские матросы и жители Акадии, называли флибустьерами. Они смогли всю ночь напролет говорить, описывая их подвиги. При этом они преувеличивали количество их оружия, их богатство и их преступления. Жители Тадуссака даже не

представляли, что когда-нибудь им доведется встретиться с одним из тех, о котором так много рассказывали.

Граф де Пейрак появился на пороге неожиданно, без свиты, оставшейся снаружи, в самый разгар споров, которые сопровождались шумом и криками. Он вошел в помещение, галантно пропуская перед собой бледную, бесцветную жену королевского чиновника, которую тот оставил на пороге. Сияющая улыбка на ее лице говорила о том, что она услышала только что столько комплиментов, сколько вряд ли слышала за всю свою предыдущую жизнь. Это было видно и по тому взгляду испуганной овечки, которым она смотрела на Жоффрея и который затем перевела на мужа, сцепившегося с Виль д'Эвре. Они продолжали обмениваться «любезностями».

— Если бы вы не были так упрямы и не поселились бы с другой стороны Сагены, вы бы смогли увидеть еще сегодня утром так называемых пиратов, с которыми я приехал. Там бы вас представили мадам де Пейрак, — сказал Виль д'Эвре.

— Вы знаете, что воздух на ферме От-Клошер больше подходит для здоровья моей жены.

— Тогда вы должны пенять только на себя, что всюду опаздываете и что все вокруг происходит без вашего ведома.

Маркиз повернулся к Анжелике:

— Дорогая, позвольте мне представить вам господина Дюкрес де Ламотта.

И продолжил, глядя на Жоффрея:

— А вот и ее муж, граф де Пейрак, флот которого расположился перед Тадуссаком.

Заметив свою жену рядом с темным силуэтом кондотьера в маске, господин де Ламотт испытал второе потрясение за сегодняшний вечер. Его взгляд остановился на вновь прибывшем, который неожиданно

появился с видом завоевателя и с вооруженной охраной. Кирасы и шлемы испанцев, его личной гвардии, дополнили впечатление.

Но окончательно он пришел в ужас, когда увидел свою жену рядом с Жоффреем де Пейраком, говорившем ей в это время;

— Пойдемте в дом, мадам. Все уже собрались. Входите и присаживайтесь с нами, будьте так любезны.

Господин де Ламотт сразу же представил себе эту несчастную с хрупким здоровьем, заложницей или прикрытием этого жесткого варвара, вроде Моргана или Олоне, знаменитых пиратов южных морей. Он закричал:

— Месье, я прошу вас, не причиняйте ей зла. Я сдаюсь, вот моя шпага...

Пейрак пренебрежительно посмотрел на протянутое ему оружие.

— Месье, у вас ложные представления обо мне. Мне нечего делать с вашей шпагой. Вложите ее обратно в ножны и пусть она остается там подольше. Это мое самое большое желание. Знайте, что я друг Тадуссаку и направляюсь в Квебек по личному приглашению господина де Франтенака, вашего губернатора. Со мной сейчас господин Кардон, который является гостем на борту «Голдсборо» и который подтвердит правоту моих слов.

— Господин интендант... — пробормотал Дюрес, снимая шляпу перед Карлоном, который в свою очередь вошел в помещение. Тот был в ярости, но не потому что его представили как союзника графа де Пейрака. Эта история с неотправленными грузами так вывела его из себя.

— Я видел, что доски, мачты, бочки с пшеницей и медом, тюленьим жиром и угрями находятся еще в порту. 'Как прикажете это понимать? Вы хорошо знаете, что все это предназначено для отправки во Францию.

— Но корабли не хотели грузить их.

— Скажите лучше, что вы были не знаю где в те дни, когда они подходили, — язвительно сказал Карлон.

— Вас тоже там не было, господин интендант, — защищался Дюкрес, — вы мне обещали присутствовать при отправлении грузов в октябре.

— Я знаю... Меня задержали в Академии дела. И когда мне наконец удалось попасть сюда, что же я вижу? Все товары собраны в одном месте и готовятся провести зиму под снегом.

— Не огорчайтесь так, господин интендант. Еще не все корабли ушли в Европу.

— Безумие! Им придется пробиваться сквозь льды.

— «Марибель» задержалась. Прошли слухи, что пиратский флот направляется сюда, а это королевский корабль, вооруженный тридцатью пушками.

Интендант упал на скамейку с видом, говорящим о том, что все это комариные укусы по сравнению с ответственностью, которую он несет за неотправленные грузы.

— Глупости! — повторил он. — Этот корабль будет напрасной жертвой. Граф де Пейрак следует в Квебек с пятью кораблями, на которых гораздо больше, чем тридцать пушек.

— Я думал, что вы разделяете его намерения, — испуганно прошептал чиновник.

— А что мне остается делать?

— Итак, соглашайтесь, друг мой, — весело крикнул Жоффрей де Пейрак. — Я уже сказал вам, что готов купить у вас весь груз. Он пригодится для моих людей и экипажей флота. Я надеюсь от всего сердца на гостеприимство Новой Франции.

— И это не помешало вам сегодня утром захватить торговый французский корабль?

— «Иоанн Креститель»? Давайте поговорим о нем, — вмешался в беседу Виль д'Эвре. — Вы не хуже меня

знаете Рене Дугаса, отъявленного негодяя и мошенника, который вместе с Бонифацием Гуфарелем уведет у вас из-под носа половину своих товаров. Благодарите господина де Пейрака, который дал вам возможность сделать сейчас ревизию на его борту. Я уверен, что вы не откажетесь от удовольствия все тщательно осмотреть и пересчитать, прежде чем все эти богатства — французские духи, ценные ликеры, — будут продаваться из-под полы благодаря стараниям старого плута Бонифация и его жены Жанины Гуфарель. Господин интендант, вы ведь ответственный за сбор пошлины в этом году.

Глядя на Пейрака и указывая на него пальцем, он продолжал говорить, понизив голос:

— Кажется на борту «Иоанна Крестителя» находятся несколько бочек вина из провинции Бона и Дижона. Это лучшие красные вина, как вам известно. Господин де Пейрак, вы сами жалуетесь, что у вас нет хорошего вина, чтобы угощать своих гостей. Так воспользуйтесь случаем!

— Вы хотите оказать ему содействие? Как будто не достаточно того, что он взял под арест экипаж и пассажиров корабля, а среди них, я слышал, находится высокопоставленная особа, о которой все молчат и которая послана с ответственным поручением самим королем. И если он пожалуется...

— Кому? — возбужденно откликнулся Виль д'Эвре. Кроме нас здесь никого нет. Что он может нам сейчас сделать? Мы сами «высокопоставленные» особы, и этому господину из Версаля нечего совать нос в чужие дела. Нам и так придется терпеть его всю зиму в Квебеке и если господин де Пейрак может лишить нас этого удовольствия, что ж, мы будем только рады.

Пока мужчины разговаривали, Анжелика представилась мадам Дюкрес и пригласила ее сесть рядом с ними. Увидев мадемуазель Буржуаз, мадам де

Ламот успокоилась. Они начали обмениваться новостями. Сидя рядом с Катрин-Гертрудой, Анжелика забеспокоилась, что надо угостить собравшихся. Но Жан Куеннек сделал ей знак и она увидела их повара — метрдотеля, который уже суетился возле очага со своими помощниками. Они принесли с собой бочонки с вином, фляги с ромом и сладости. Анжелика была приятно удивлена. Какое счастье жить с таким человеком как Жоффрей, идти вслед за ним, таким уверенным и сильным. Люди не пугали его, он смело шел им навстречу, чуткий и внимательный, если они были его друзьями, и беспощадный, если они оказывались его врагами.

А может, он был таким, потому что родом из провинции Лангедок, от которой получил в дар талант и интуицию. Рядом с ним ей не была страшна никакая опасность. Жоффрей улыбнулся Анжелике сквозь маску и подошел к ней.

— Я вижу, вы уже покорили сердца канадцев.

— Это всего лишь Тадуссак. А Тадуссак — это не Квебек.

— Все еще впереди.

— И потом, мне просто повезло, что я встретила знаменитую монахиню — Маргариту Буржуаз из Монреалья.

— Я верю, что удача и впредь не покинет нас.

Количество выпитого и тепло, идущее от очага и людей, разделившихся на группы, создали раскованную долгую атмосферу, где каждый, отбросив подозрительность, видел в другом лишь приятного собеседника, с которым интересно и весело. Это было своего рода уединение в толпе, которое, позволяя людям быть вместе, давало возможность вести беседы с глазу на глаз.

Охваченные легким возбуждением после только что пережитой опасности, люди весело переговаривались,

уверенные в том, что все будет хорошо, особенно если всем вместе постараться.

Жоффрей де Пейрак стоял рядом с Анжеликой и видел только ее, она существовала только для него.

Она протянула руку к бутылкам на столе и спросила:

— Что вы хотите выпить, монсеньор Рескатор? Ничего, единственное мое желание — видеть вас.

Ей вспомнилось сейчас, как сегодня утром он неожиданно подарил ей часы, на которых были изображены королевские лилии.

— Почему эти часы? — спросила она.

— А почему нет?..

Она стремительно повернулась к нему, пытаясь уловить сквозь прорези маски его взгляд и вдруг нежным движением руки погладила шрам на его лице.

— Ты! — только и смогла произнести она. — Ты!..

Она хотела сказать: ты самый загадочный и непредсказуемый человек, только ты умеешь так тонко чувствовать и понимать меня. Твое обаяние завораживает меня. Как я могу противиться своей воле? И все же, несмотря на твою таинственность я открываю и узнаю тебя. Мое сердце, мои тайны — все принадлежит тебе... Это правда. Рядом с тобой, я всего лишь беспомощная женщина.

Не обращая внимания на шум вокруг, Жоффрей наклонился, взял ее лицо в свои руки и нежно, как ребенка, поцеловал вначале в лоб, а затем в губы. И все время, пока длился поцелуй, она ощущала тепло его маски на своей щеке.

А в это время чьи-то глаза внимательно наблюдали за ними: это были Маргарита Буржуаз и отец иезуит. Некоторые крестьяне покачали головой, а несколько молоденьких девушек украдкой вздохнули.

Было решено — сегодня вечером будет устроен большой праздник в порту.

И все словно забыли, где находятся...

Глава 8

Этот вечер был отмечен еще одним событием, после которого слава Анжелики возросла, а имя стало окутано легендой. Ее поведение, вполне понятное для тех, кто хорошо знал ее, другим казалось необъяснимым, хотя канадцы отличались развитой интуицией.

Этот случай помог Анжелике окончательно завоевать доверие жителей Тадуссака.

Праздник с песнями и танцами был в самом разгаре, когда внезапная мысль пронзила сознание Анжелики, Озабоченная ею, она покинула собравшихся, выпив за процветание Новой Франции и жителей Тадуссака.

Веселье шло своим чередом. Большие жаровни, расставленные в нескольких местах, излучали свет и тепло. Это позволило всем, кто пришел на праздник, не толпясь, спокойно поесть, выпить и потанцевать. Огромный бык на вертеле поджаривался на площадке возле церкви. Пейрак угощал присутствующих вином и сладостями.

Кроме того, жителям Тадуссака он раздал медальоны с изображением святых. Привезенные из самой Франции, они были личным подарком графа населению поселка и придавали его приезду в Канаду почти религиозный характер, поэтому все, даже господин Дюкрес, с удовольствием веселились, не испытывая при этом угрызений совести. Появился местный кюре, держа в руках спирт, который он делал из бузины, и согласился благословить медальоны, привезенные сеньором из Голдсборо.

Ему вручили бутылку святой воды взамен тех, в которых был ценный нектар. Теперь каждый мог попробовать его и поздравить священника с умением, которое он, несомненно, получил от Бога.

Здесь были все экипажи флота, солдаты из форта, торговцы, крестьяне, трапперы и, конечно же, индейцы вместе со своими вождями, украшенными перьями и раскраской.

Единственные, кого не было на празднике, это пассажиры и экипаж «Иоанна Крестителя».

Строгость по отношению к ним в какой-то мере объяснялась теми двумя пушечными выстрелами, произведенными по их флоту.

Озабоченная Анжелика бросилась на поиски Маргариты Буржуаз, которая воспользовалась великодушием графа и теперь находилась на суше, заботясь о больном ребенке.

Анжелика видела, как вначале праздника она подошла к Жоффрею и некоторое время спустя корзины провизии под охраной были отправлены на «Иоанн Креститель». Они предназначались для спутников монахини и наиболее нуждающихся пассажиров. После этого Маргарита Буржуаз вновь присоединилась к собравшимся на праздник, переходя от одной группы людей к другой. И везде ее принимали с радостью и любовью. Затем она ушла. Дочь старого Карийона Катрин-Гертруда предложила ей свое гостеприимство.

Вскоре Анжелика нашла их ферму, построенную из крупных камней. Возле основного здания находился хлев, еще больших размеров, чем сам дом. Когда она подошла, был как раз час вечерней молитвы. Анжелика проскользнула внутрь и незамеченная встала позади всех, чтобы услышать окончание богослужения.

Сегодня в честь матушки Буржуаз решили добавить еще и житие святых.

Анжелика сгорала от нетерпения, ее неотступно преследовала одна мысль, которая появилась внезапно во время праздника и беспокоила ее. Она была в это время со своим мужем и аплодировала танцам молодежи. Вдруг в ней возникло ощущение, что она

должна действовать или БУДЕТ ПОЗДНО. И не теряя времени, она отдала свой кубок сидящему рядом человеку и скрылась в толпе.

— Вы видели мадемуазель Буржуаз? — спрашивала она у всех. — Вы знаете, где она сейчас?

Наконец она нашла ее. Теперь каждая минута ожидания жгла ее, как раскаленные угли. Наконец молитва закончилась и Анжелика подошла к той, которую искала.

— Мадемуазель Буржуаз, можно вас на одно слово?

Семья Катрин-Гертруды — сыновья, невестки, дети, внуки, братья, сестры, дяди, тети, слуги, служанки — пришли в восторг, обнаружив Анжелику у себя дома, но у нее не было времени на приветствия. Она отвела монахиню в сторону.

— Извините меня, ведь я знаю, что вам нужно поскорее отдохнуть.

— Я не буду спорить с вами. Хотя служба богу я привыкла к аскетизму и обычно довольствуюсь малым, но признаюсь вам, что мысль провести ночь в настоящей кровати в Канаде радует меня, наполняя теплом мое сердце.

И она покачала головой:

— Бедный «Иоанн Креститель»! Я очень люблю святого, который крестит водой Господа в пустыне, но признаюсь, что теперь я долгое время буду связывать это имя с ужасным кораблем. Трудности плавания — ничто по сравнению со злобой и жестокостью, царившими там. Чем чернее была душа у капитана и его своры, тем сильнее противостояло им божественное название корабля.

— Я уже заметила это у пиратов в Карибском море, где корабли с названием «Святая Дева Мария» встречаются на каждом шагу. Но послушайте, меня обеспокоило то, что вы сказали сегодня утром. Тогда я

не придавала этому значения, а сейчас это вдруг вспомнилось и сильно взволновало меня.

— Да! Я слушаю вас.

— Только не смейтесь, прошу вас.

— Я слушаю вас, — повторила монахиня, — скажите, о чем идет речь?

— Это незначительная деталь и все же она беспокоит меня из-за дурной славы, которая ходит об этом корабле. Я слышала, как вы говорили с Онориной и ответили ей, что на борту «Иоанна Крестителя» тоже был медведь.

— Да, точно.

— Медведь! Но ведь это не может быть простым совпадением. Он ведь был приручен, не так ли? А ведь ручные медведи не бегают просто так по улицам. Не шла ли речь о нашем медведе? О мистере Виллоуби, к которому мы так привязаны?

— Этот вопрос и я задавала себе, — честно призналась Маргарита Буржуаз. — Я не знаю, ваш ли этот медведь, о котором говорила Онорина и который находился на борту «Иоанна Крестителя».

— А при каких обстоятельствах он появился у вас на борту?

— В заливе Святого Лаврентия капитан захватил лодку вместе с теми, кто там находился. Среди них был и медведь.

— А был ли там маленький негритенок?

— Действительно, был. — Да, это они, мистер Виллоуби и Тимоти, — наши друзья.

— Прошу вас, расскажите, что с ними случилось.

— Для капитана эта лодка была хорошей добычей. Он мог продать пленников или взять за них хороший выкуп, тем более, что среди них находился англичанин.

— Элиас Кемптон.

— Они очень плохо обращались с этими бедными людьми, особенно с англичанином. И хотя он еретик, я

не могла из христианского милосердия не выступить в его защиту, ведь оно запрещает понапрасну мучить человеческое существо. И вы знаете, эти ужасные матросы послушали меня. Я знаю этот тип мужчин — людей моря. Их убедило то, что гораздо лучше привести этих людей как военный трофей в Квебек, чем убивать их. Когда они подняли на борт вашего медведя, то решили снять с него шкуру, а мясо — закоптить.

— Какой ужас! Бедный мистер Виллоуби! И что же произошло дальше?

— Я попыталась их убедить, что это бесполезное убийство, тем более, что к медведю было не так просто подойти. Затем хозяин успокоил бедное животное и заставил показать его несколько трюков. Они развеселили компанию и медведя оставили в покое, отведя ему место на верхней палубе.

— Если вы спасли мистера Виллоуби, то мы с дочерью Онориной будем всю жизнь благодарны вам. Но как случилось что наши люди не заметили его? Ведь если судить по вашему рассказу, то он до сих пор должен находиться на борту «Иоанна Крестителя».

— Без всякого сомнения. Правда, вчера я не видела его на палубе. Должно быть, из-за близости Тадуссака капитан предпочел скрыть его от посторонних взглядов.

— Может, его убили! О, боже мой, мадемуазель Буржуаз! Теперь я понимаю, что меня так встревожило. Нельзя терять ни минуты.

Она бросилась к двери, Маргарита Буржуаз догнала ее.

— Слушайте! Я припоминаю сейчас очень толстого пассажира с лодки — его надо было видеть; хотя это и не причина так сильно бить его, как это делали матросы. Тем более, что он говорил о своей тяжелой ране.

— Дырявый Живот! Это он!

— Может быть! Он намекнул, что они находятся под защитой графа де Пейрака, что близки к его семье и что граф отомстит им за все их страдания. Боюсь, что именно мести и испугался Дугас, видя, что захватил его корабль. Он решил спрятать пленных в укромный уголок и заткнуть им рты.

— Да, это вероятно. О, несчастные!

— Я думаю еще, — продолжала монахиня, — что капитан попытается уничтожить их, опасаясь мести со стороны графа. Этот человек способен на все и я была ни раз свидетелем тому.

— О Боже мой! — повторила Анжелика, — лишь бы мы не пришли слишком поздно.

И посылая в адрес капитана самые страшные угрозы, она бросилась бежать. В Тидмагоуче Анжелика не сделала того, что должна была. Она проводила лодку Аристида Бомаршана, даже не поинтересовавшись, куда они плывут, даже не поблагодарив за помощь. А ведь те были людьми, кому они покровительствовали.

Анжелика тихонько коснулась рукава камзола Жоффрея. Повернувшись к ней, он удивился, видя как тяжело она дышит, будто после быстрого бега, как и было на самом деле.

Она быстро рассказала ему обо всем, что только что узнала.

— Вы разрешите людям с «Иоанна Крестителя» сойти на берег и провести ночь? — поинтересовалась она.

— Нет, никто не может покинуть корабля, я не вижу ни причин, ни необходимости.

Тогда они воспользуются этим, чтобы... Жоффрей де Пейрак уже составил план и подозвал к себе д'Урвилля, танцевавшего с девушками.

— Оставайтесь вместо меня и следите за праздником, — сказал он ему вполголоса. — Займитесь

фейерверком, нужно, чтобы никто не заметил нашего отсутствия. Я собираюсь отправиться с Барссемпуи и его людьми на «Иоанн Креститель».

Вместе с Анжеликой, в сопровождении своей испанской гвардии, он спустился на пристань, где стоял на посту Барссемпуи с группой вооруженных матросов. Граф де Пейрак отобрал четверых, которые должны были отвезти их на корабль — его силуэт был едва различим в темноте сырой прохладной ночи.

Когда шлюпка отчалила от берега, небо рассветилось первыми вспышками фейерверков, которые сопровождались восхищенными криками зрителей.

— На корабле будут тоже отвлечены этим зрелищем, — тихо сказал Жоффрей де Пейрак. — Они все будут смотреть в сторону фейерверка. В это время мы подплывем незаметно и застанем их врасплох.

«То, что мы делаем, — бесполезно», — говорила себе Анжелика, сидя рядом с Жоффреем и крепко сжимая его руку. Но тем хуже, она хотела сама убедиться во всем. И он понимал ее. Какое утешение иметь своим мужем такого всемогущего человека, который, помогая ей, может воспользоваться своими кораблями, пушками, людьми. И никогда ее просьба не вызовет у него усмешку.

Затушив огни, они обогнули корабль, чтобы приблизиться к противоположному борту от берега.

Матросов вахты нигде не было видно, наверное, они вместе со всеми смотрели на праздничный фейерверк. В то время, как один из матросов шлюпки встал, держа в руке багор, чтобы смягчить им удар о борт корабля, откуда-то сверху послышался пронзительный женский крик, неожиданный в этой ночной тишине, которая нарушалась лишь треском фейерверка.

— Ко мне! На помощь! На меня напали!

— Это голос Жюльенны, — воскликнула Анжелика, поднимаясь так резко, что чуть не упала в воду.

Ее предчувствия подтвердились. В эту самую минуту друзья находились в опасности.

— На помощь! На помощь, — продолжал звать голос. — Если есть христиане на борту, помогите мне. На меня напали.

Послышался шум на палубе.

Жоффрей зажег сигнальный фонарь и со стороны, где корабль дал крен, на борт полетели абордажные крючья, зацепившиеся за перила.

Экипаж шлюпки в несколько секунд оказался на палубе. Первым на нее вспрыгнул Жоффрей де Пейрак. Анжелике пришлось ждать, когда ей сбросят веревочную лестницу. Забравшись, при свете фонарей она увидела сцену, от которой у нее прошел мороз по коже. Жоффрей с пистолетом в руке целился в ошарашенных матросов, из рук которых вырывалась женщина в разорванном платье. Это была Жюльенна. Чуть дальше на палубе лежала чья-то связанная фигура с кляпом во рту. На шее был привязан огромный камень.

— Ничего себе! — воскликнул один из матросов «Голдсборо», разглядывая этот здоровенный булыжник.

Освободившись от веревок, бедный Аристид Бомаршан как замороженный продолжал смотреть на камень, испытывая ужас перед его размерами и представляя себе как он увлекает его в пучину Святого Лаврентия.

Значит правда то, что его собирались топить, как собаку.

— Это капитан отдал приказ, — оправдывались матросы, сопровождая слова страшными ругательствами.

Их разоружили и связали. Жюльенна бросилась к Пейраку и уткнувшись в грудь, где висел огромный брильянт, громко разрыдалась.

— Я знала, что вы придете спасти нас. Я говорила Аристиду об этом: они обязательно придут.

— Вы видите как они обращались с нами, честными людьми? — сказал Аристид. — Разве у них нет ни стыда, ни совести?

— А англичанин? — забеспокоилась Анжелика, — неужели они уже бросили его в воду?

— Нет, он еще на камбузе вместе со своим медведем и козами. Эти разбойники заковали его.

Проходя через орудийную батарею, где собрались пассажиры, они заметили выражение страха на их лицах. Привлеченные шумом на палубе и ночным фейерверком, они не спали. Преодолев тяготы долгого четырехмесячного плавания, пережив штили, штормы, эпидемии, они, наконец, достигли Канады, где попали в руки пиратов.

Они видели бледные лица смирившихся со своей участью женщин, бесстрастные фигуры священников, мужчин с согнутыми, как под тяжестью» плечами. Отблески огней фейерверка временами освещали эту тягостную картину, которая вызывала в памяти описание Дантового Ада, собравшего всех проклятых земли. Среди них были и дети, страшно худые и изможденные, они восхищались разноцветными огнями, появляющимися на небе.

Когда они спустились вниз, навстречу им пахло зловонным дыханием гниющего чрева. Кемптона нашли лежащим на полу, на подстилке из гниющей соломы, и закованным в цепи.

— А! Мадам, каким ветром вас сюда занесло, — кричал разносчик из Коннектикута, поднимая руки в цепях к небу.

— Мне действительно было очень тяжело. Особенно мне жаль ваши туфли, которые я закончил. Они были чудесны, правда, я не знал куда их доставить. А теперь вот, у меня украли все мои товары.

— Эти бандиты все отобрали у нас, — захныкал Аристид. — Его груз, мой ром, настоящий ямайский ром.

— А где мистер Виллоуби? — спросила Анжелика, посылая за матросом, у которого были ключи от цепей.

— Там! — сказал Кемптон, указывая на кучу соломы рядом с ним.

— Что с ним? Он не движется. Он что, мертв?

— Нет, он спит.

— Но почему, он болен?

— Нет, он просто спит. Что вы хотите — природа. С этим медведем можно делать что угодно, но нельзя помешать ему заснуть, когда приближается зима... Если бы корабль не захватил нас, я бы отвел его в лес, в его излюбленные места. Затем мы с Аристом собирались зайти на Новую Землю. Меня там ждут несколько клиентов. Потом мы бы отправились в Новую Шотландию. А весной я вернулся бы за Виллоуби и мы бы вместе спустились в Нью-Йорк. Вы знаете, я люблю попутешествовать. Но судьба распорядилась по другому. Нас захватили и теперь уже пленниками мы направляемся в Новую Францию. Вот они, превратности судьбы.

Пока они обменивались по-английски новостями, пришел матрос с ключами и, нелюбезно посматривая на гостей, открыл замки на цепях.

Англичанин встал, потянулся и принялся растирать свои затекшие запястья и щиколотки. Затем тщательно почистив свою пуританскую шляпу конусообразной формы, надел ее на голову.

— Что же нам делать теперь? — спросила Анжелика, бросая взгляды, выражающие сомнение, на кучу соломы, где покоилась огромная туша заснувшего медведя. — Как его переправить? И может быть, это опасно и вредно — будить его во время зимней спячки?

— Действительно, его нельзя беспокоить, — сказал озабоченно Кемптон. — Медведь, который просыпается

зимой, не может больше заснуть и становится раздраженным и опасным.

— Тогда хотя бы вы должны сойти на берег, чтобы хоть немного восстановить силы.

— Нет, нет! — живо откликнулся англичанин. — Я должен остаться и охранять моего друга. Эти французские бандиты способны прийти сюда и перерезать ему глотку во сне, чтобы сделать из него окорок. Я спас его с большим трудом, да и то благодаря вмешательству доброй женщины, которая хотя и монашенка, папистка, но встала на мою защиту и смогла убедить матросов.

— Мы пришлем еду.

— Да, и еще оружие. Тогда я буду спокоен за мистера Виллоуби. Я смогу его защитить, если его захотят убить во время сна.

— А где Тимоти? — спросила Анжелика, которая не смогла успокоиться, не собрав всех.

И они снова вернулись к оружейной батарее в поисках мальчика.

В проходе Жоффрей де Пейрак обменялся несколькими словами с монахами и заверил их, что вскоре их корабль сможет продолжить путь в Квебек и, без сомнения, он доберется до цели раньше их флота. Жоффрей несколько раз повторил это, пытаясь убедить их в своих мирных намерениях.

— «Иоанн Креститель», — сказал он, — нуждается в ремонте, а его капитан — в хорошем уроке.

Все согласились с ним, особенно отец-иезуит, который готов был уже сорваться, изменив своей обычной невозмутимости.

— Я был шесть раз в Канаде. Все знают, что даже самое благоприятное путешествие утомляет тело и душу. Но ни в одном плавании у меня не появилось столько седых волос, как в этом...

Трудности долгого перехода, казалось, лишили его обычной сдержанности, которая отличала монахов его ордена. Это был сильный человек, с открытым и живым взглядом. Часть пассажиров, так же как и он, были слегка возбуждены и разговорчивы, с лихорадочным блеском в глазах на изможденном лице, другие — равнодушные ко всему окружающему, истощенные и распухшие от голода, в плачевном состоянии.

Они нашли негритенка в каюте капитана, когда он чистил сапоги, такие же высокие, как и он сам. Дугас был из тех мореплавателей, наполовину торговцев, наполовину корсаров, который, завидев в океане чужой корабль, поднимал флаг своего торгового дома, что означало: «Я родом из Сен-Мало и вы пожалеете, что имеете дело со мной».

Сейчас он был в таком же плачевном состоянии, как его экипаж и пассажиры. При появлении гостей капитан бросил на них умирающий взгляд. Он был так слаб, что пытаясь встать с дивана, на котором развалился, тут же снова упал на него. Они догадались о причине его тяжелого состояния, обнаружив рядом флягу из черного стекла с длинным горлышком, из которого разлило спиртом.

— Ром! — сказал, приняв хавшись Барссемпуи. — Но какой! Самый ужасный из тех, которые я знаю, а за мою карьеру флибустьера я перепробовал все виды этого напитка, какие бывают на свете.

Теперь Анжелика уже не сомневалась.

— Это должно быть тафия Аристида, — сказала она. Видимо, капитан решил воспользоваться добычей, обнаруженной на захваченной барке, за что сурово поплатился.

Медведь, который его чуть не разорвал, ядовитый напиток отравивший его, эта женщина, из-за которой экипаж перестал повиноваться ему, — все складывалось одно к одному и оборачивалось против

него. И вот теперь еще какой-то пират в Тадуссаке требует отчета за то, что он хотел утопить весь этот сброд.

Они оставили его проспаться и забрали Тимоти, который весь продрог и вызывал жалость. Анжелика завернула его в свой плащ. Еще раз сказав Кемптону, что пришлют еду и позаботятся о негритенке, они покинули корабль, увозя с собой спасенных пленников.

Фейерверк, который все еще рассыпался в небе разноцветными искрами, казался им победным салютом.

— Это справедливо, — сказал Аристид, находясь под впечатлением недавних событий, — ведь у меня был уже камень на шее.

Да, да — камень на шее. Сколько тайн и секретов хранили эти суровые, лишь недавно обжитые берега. Весла, шумно разрезая черную гладь ночной реки, приближали их к жизни и свету.

— Если бы не Жюльенна, мы бы погибли. Эта девушка — настоящее сокровище, она спасла нас.

— Как это?

— Очень просто. Она такая хорошенькая, что эти мерзавцы решили развлечься с ней... Они освободили веревки и вытащили кляп изо рта. Вы видели и слышали, что же произошло затем. Она умеет за себя постоять, вы подросли вовремя. Я всегда говорил, что Бог не оставит нас.

— Я верила, что вы придете, мадам, — говорила Жюльенна, целуя руки Анжелике. — Я все время молилась Святой Богородице и просила у нее, чтобы вы появились вовремя.

Бедные люди не знали, что их жизнь всего лишь недавно висела на волоске.

Когда спасенные добрались до берега, их сразу же подвели к жаровне, где они могли согреться и немного поесть. Им принесли жаркое из козленка, сыра и

хорошего вина. Все присутствующие смотрели на них с любопытством. Люди немного охмелели от крепкого напитка из бузины, приготовленного местным кюре. Эта история, постепенно обрастающая деталями, переходила из уст в уста, немалое место в ней занимала Святая Богородица, которую Жюльенна вспоминала через каждое слово.

Так как она много говорила о медведе, интендант Карлон заинтересовался:

— Это медведь, который убил отца де Вернона?

— Я вам уже говорила, что он не был убит медведем, — возразил Виль д'Эвре.

— Тогда кем же?

— Какая сейчас разница? Я расскажу вам об этом в другой раз. Но знайте, с медведем он только боролся.

— Боролся? С медведем?

— Да! Я был там и присутствовал, когда все это происходило. Это было грандиозное зрелище. Он выиграл.

— Но кто?

— Иезуит.

— Что?

— Но все сделали вид, что это медведь, чтобы тот не слитком расстраивался. Это очень чувствительный медведь. Ах, мистер Виллоуби!

— Все, что вы рассказываете — вздор.

— Нет, я был свидетелем. Это было в Голдсборо. Чудесный уголок!

— Особенно если учесть, что отец де Верной мертв и...

— В другой раз, — резко перебил его Виль д'Эвре. Лучше оцените эту превосходную дичь, правда она немного жирновата. В Голдсборо мясо нежнее на вкус. Как жаль, что здесь нет хорошего вина. А на этой дырявой посудине находятся превосходные бургундские вина, которые еще до прибытия в Квебек

могут быть испорчены водой. Если они и избегут этой участи, то эти мошенники Дугас и Бонифаций наживутся на них, продавая из подполья. Я нахожу, что господин де Пейрак излишне щепетилен, не делая попытку обладать ими, вы не находите?

Глава 9

Эта история с медведем облетела на следующий день всю деревню. Сейчас легко можно было объяснить поведение Анжелики: смутная тревога от случайно брошенной фразы выросла в уверенность, что друзья в опасности в двух шагах. И все же обычно люди не столь проницательны.

Рассказывали, что мадам де Пейрак почувствовала опасность и бросилась на помощь в тот момент, когда несчастные уже готовились к смерти. И перейдя на шепот, люди говорили о «голосе свыше». Они слышали, что год назад в форте Верхнего Кеннебека она встала из-за стола и сказала, что слышит стук в дверь, хотя там никого не было. Благодаря этому были спасены видные дворяне: барон д'Арребус, граф Ломени-Шамбор, кавалер де Ля Саль, Отец Массера — умирающие в снегу неподалеку от Вапассу.

Значит она действительно обладала силой, которую ей приписывали.

Но, невзирая на это, слава Анжелики возросла после этого приключения.

К уважению и восхищению ею приписывалось чувство симпатии, а то, что матушка Буржуаз оказалась замешенной в этих событиях, придавало ему божественный оттенок.

Весь следующий день после этой истории в поселке царил оживление.

Было решено остаться еще на несколько дней или неделю в Тадуссакке. Тем более, что погода стояла чудесная. В небе можно было видеть стаи диких уток, а это означало, что зима запоздает.

Анжелику радовала эта задержка. После того, как она затратила много сил на установление дружеских

отношений с канадцами, ей нужно было отдохнуть и укрепить свои позиции. И потом, ей было интересно с этими людьми, нравилась атмосфера, царившая здесь, не такая официальная и светская, как в Квебеке. Оставаясь подольше здесь, она надеялась завязать более тесные и дружеские отношения с мадемуазель Буржуаз.

После того, как ей удалось спасти своих друзей, на душе у Анжелики было легко и спокойно. Она знала, что причиной задержки действительно был королевский корабль «Марибель», ожидавший прибытия их флота.

В любом случае этот корабль вынужден будет в скором времени отправиться назад, в Европу, и тогда ему не избежать встречи с пушками Жоффрея.

Да и здесь, в Тадуссаке, Жоффрей де Пейрак был хозяином положения. Достаточно было бросить взгляд на рейд, где стоял накренившийся «Иоанн Креститель», на котором, возможно, находился королевский посланник, чтобы понять это. Судно охранялось яхтами «Рошель» и «Мон-Дезер», в то время как корабли Барссемпуи и Ванно закрывали вход и выход из бухты в Святой Лаврентий.

И все же Анжелика спросила у Жоффрея:

— Разве решение задержать королевский корабль не свидетельствует, что господин де Фронтенак в меньшей степени наш союзник, чем это можно ожидать?

— Я думаю, что, скорее, он был вынужден сделать это, считаясь с фанатиками из его окружения, такими, например, как Кастель-Моржа, который всецело предан отцу д'Оржевалю и занимает пост военного губернатора. Но у нас еще есть время, за которое могут разрешиться многие спорные вопросы.

Они находились вдвоем в шлюпке, направлявшейся к берегу. Их внимание было привлечено Аристидом Бомаршаном и Жюльенной, которые стояли на

пристани, и, казалось, приветствовали их. Барссемпуи приютил их на корабле, в то время как маленький Тимоти был поручен заботам доброй Иоланды.

Без сомнения, эта немного странная пара, которую составляли Аристид и Жюльенна, преданно ожидала приезда своих благодетелей. Толпа зевак, стоявших неподалеку, с любопытством наблюдала за ними.

— Мы потратили столько усилий, тщательно подбирая наш экипаж и сопровождение, — смеясь сказала Анжелика, — и тут же судьба нас сталкивает с этой парой и английским пуританином из Коннектикута и его спящим медведем. Увы, они относятся к людям, к которым Новая Франция относится враждебно.

Посмотрите на них.

Приближаясь к берегу, они лучше могли рассмотреть нежный вид дикого пирата Аристида по прозвищу «Дырявый живот», которое он получил из-за тяжелой раны, и вызывающе-соблазнительную Жюльенну, которая была такой даже теперь, находясь рядом с мужем и ожидая шлюпку.

Заметив графа и графиню де Пейрак, они приветственно замахали руками. Анжелика ответила им.

Взгляд Жоффрея де Пейрака задержался на ней, сидящей рядом. Он видел ее неполный профиль, ее щеку, порозовевшую от утренней свежести, ее улыбку, которую она не могла удержать при виде этой парочки.

— Вы любите их... — сказал он, — несчастных, обездоленных, отверженных. Как вам удастся привлечь их к себе, успокаивать? Вы похожи на укротительницу, которая одним лишь своим присутствием может укротить дикое животное.

— Я их понимаю, — сказала она.

Она хотела сказать: «Когда-то я была одной из них», но сдержалась. Пока это была запретная область для него — Двор Чудес. Тогда бы он смог понять, почему она

умела быть близкой таким людям: Жюльенне, которая напомнила ей ля Поляк, подругу из низков Парижа, Аристиду, похожему на тех бандитов, которых она встречала, способных на самые тяжкие преступления и в то же время умеющих быть добрыми и великодушными.

— Это — «ваши» — сказал Пейрак, — но признайтесь, моя дорогая, что они еще более подозрительны, чем «мои».

— Да, но такие живописные.

И почувствовав себя сообщниками, они засмеялись. В это время лодка причалила к берегу и спасенные с «Иоанна Крестителя» бросились к ним навстречу. Аристид и Жюльенна радовались, как дети. Теперь, когда они вновь встретили сеньора из Голдсборо и мадам Анжелику, будущее уже не заботило их. И даже если их покровители направляются в Квебек, тем лучше! Они тоже поедут вместе с ними.

— Здесь просто чудесно, — сказала Жюльенна с удовлетворением, осматриваясь вокруг. — Это мне напоминает место, где я родилась, на берегу Шеврез.

Жоффрей оставил их, чтобы присоединиться к интенданту Карлону, который ждал их чуть выше, возле брошенных товаров.

Анжелика решила представить Аристида и Жюльенну мадемуазель Буржуаз, которая тоже была причастна к их спасению. Они были уже знакомы с ней немного. Находясь на «Иоанне Крестителе», она пыталась защитить их.

Но сложившееся обстоятельство способствовало более тесному знакомству.

Анжелика начала подниматься на берег, ее как обычно сопровождали королевские девушки, дети, два испанских солдата, несколько мужчин, помогающих девушкам нести корзины с бельем, деревянные тазы,

ведра, коробки с мылом, — сегодня была затеяна большая стирка. За ними, резвясь, бежал кот.

На нижнем ярусе деревни они встретили Катрин-Гертруду Гапвэн, возвращающуюся домой после утренней дойки с коромыслом на плече, к которому были подвешены круглые деревянные ведра. Увидев Анжелику, она сказала:

— Приходите выпить кружечку молока, я знаю, что вы его любите.

— Действительно, оно очень вкусное.

В Квебеке можно было найти молоко, масло, яйца — все те продукты, которых им так не хватало в Вапассу. Это составляло еще одно богатство Канады и было почти роскошью, потому что каждая семья ежедневно могла использовать их.

Провожая компанию к складу Виль д'Эвре, Катрин-Гертруда рассказывала, что ее муж два года назад умер от укуса ирокеза. Когда он возвращался с нагорья, нагруженный мехами, этот безбожник прыгнул на него со скалы, как дикий зверь, и вцепился в затылок, вонзив в него свои ужасные белые зубы.

Канадец с большим трудом освободился от него и убил. Но рана была заражена и находилась слишком близко от мозга. Через некоторое время он умер. Укус ирокеза — словно укус бешеной собаки, который отравляет кровь.

Пока Катрин рассказывала, они поднялись к магазину Виль д'Эвре.

Теперь Катрин была хозяйкой фермы.

Так как она обычно занималась всеми делами в отсутствие своего мужа — охотника, то его исчезновение не очень изменило ее жизнь. Теперь сыновья и зятя снабжали ее дичью и мехами, а также сосед, который ухаживал за ней и хотел жениться. Вдове не так трудно было выйти замуж во второй раз, но она предпочитала подождать. У нее и так было

много забот: дети, внуки, двоюродные братья и сестры. А что такое муж? Еще один ребенок.

Было раннее утро. Наконец они добрались до магазина Виль д'Эвре, который с сердечным радушием предложил им свое гостеприимство. Там она встретила и Маргариту Буржуаз, которая лушила горох в компании трех девушек с бледными лицами. В них без труда угадывались пассажирки «Иоанна Крестителя», товарки монахини, которые благодаря ей получили возможность сойти на берег.

— Господин де Пейрак дал разрешение, — поспешила сказать Маргарита Буржуаз Анжелике, — он сегодня утром был на «Иоанне Крестителе» и заверил каждого, что ремонтные работы продолжаются и что, если экипаж будет в состоянии, мы сможем вскоре продолжать наше путешествие. Затем он попросил моих сестер взять их одежду и привел их сюда, чтобы они могли немного отдохнуть и освежиться. Он это сделал потому, что пассажиры сохраняют спокойствие и терпение.

Анжелика рассказала Аристиду и Жюльенне обо всем, что предшествовало их поездке на корабль и что благодаря точности рассказа матушки Буржуаз они смогли вовремя спасти пленников капитана Дугаса.

— Вас можно поздравить, месье, с такими могущественными и хорошими друзьями, — сказала монахиня, обращаясь к Аристиду, — я никогда не забуду, с какой стремительностью бросилась мадам де Пейрак на вашу защиту, какое волнение овладело ею. Вы должно быть очень порядочный человек, если способны внушать такую симпатию, — закончила она, пристально вглядываясь в гноящиеся глаза Аристида Бомаршана — лицо, которое несмотря на недавние изменения в его жизни, происшедшие после встречи с людьми из Голдсборо, все еще сохраняло следы его преступного прошлого.

Анжелика сказала:

— Вы заблуждаетесь, моя дорогая матушка, это ужасный бандит. Во время нашей первой встречи он чуть не перерезал мне горло, как вы видите, со временем мы нашли общий язык.

— Я был ранен, она мне вновь зашила живот, — сказал Аристид и начал расшнуровывать штаны. — Вы хотите посмотреть на эту работу, моя сестра?

Мадемуазель Буржуаз согласилась. Шрам привел ее в восхищение.

— Это просто необыкновенно! Очень хорошо! Господин Бомаршан, я еще раз повторяю, что вам очень повезло встретить такого искусного врачевателя, как раз в тот момент, когда вы получили такую страшную рану. Кто вам нанес ее? Дикий зверь?

Аристид, казалось, был удивлен. Он забыл. Анжелика уловила его взгляд и ей показалось, что эти воспоминания были для него расплывчатыми и туманными.

— Война! — тоном фаталиста сказал он.

— Я вижу, что вас это изменило. Мне кажется, Аристид, что за все благодеяния, оказанные вам, вы должны благодарить Бога. Но, мой маленький мальчик, сердце подсказывает мне, что вы не очень-то часто и молитесь.

— Да, это правда, но Жюльенна делает это за двоих.

— Просто я привыкла к этому, находясь рядом с герцогиней, — объяснила Жюльенна, — и сейчас просто не могу иначе. Хотя, мне кажется, я столько прочитала молитв с герцогиней, что хватило бы на всю жизнь.

Между тем маркиз Виль д'Эвре взял Анжелику за локоть.

— Все складывается как нельзя лучше, — восхищенно заявил он, — помните, я страдал, что у меня, как у вас, нет негра-пажа. Этот маленький негритенок упал как будто с неба. В темно-красной

атласной одежде он будет просто очарователен. Он будет носить мои сумку, карты, бонбоньерку. Я буду иметь бешеный успех в Квебеке.

— Но он принадлежит разносчику Элиасу Кемптону!
— вскричала Анжелика.

— Что? Этому англичанину? Еретику? Что такое? — возразил Виль д'Эвре. — Но это не проблема. Как только мы прибудем в Квебек, я постараюсь упрятать его в тюрьму или продам какой-нибудь набожной семье из Города Марии, которая отнесется к нему со снисхождением и сделает из него католика?

— Католиком? Элиаса Кемптона? — повторила Анжелика. — Да вы сошли с ума! Он — настоящий сын Коннектикута, который будучи ребенком, вместе со своей семьей последовал за преподобным Томасом Хукером через Аппалачи и участвовал в основании Мадфорда. И не думайте об этом!

— Но я думаю... Я работаю для нашего Создателя и хотел бы я знать, что мне может помешать. У меня будет негритенок.

У него был очень решительный вид и Анжелика знала, когда ему хотелось очень сильно заполучить что-нибудь, как, например, негритенка Тимоти, он готов был пойти на все.

— Нет, я вам не дам сделать это и знайте, что если вы все же добьетесь своего, я больше до конца жизни не разговариваю с вами. Долго же вам придется ждать меня у вашей фаянсовой печки и предвкушать совместные зимние вечера.

Маркиз видел, что дело приняло скверный оборот. Расстроенный, он больше не настаивал и вышел наружу.

Маргарита Буржуаз с интересом наблюдала за их размолвкой.

— Вот видите, — сказала она Анжелике, — все-таки вы не так сильно преданы нашему господину Иисусу

Христу и своей церкви, вас возмущает мысль, что кто-то попытается спасти заблудшую душу и обратит его в истинную веру, как, например, этого пленного англичанина, будь он из Коннектикута или откуда-то еще. Почему вы так заботитесь о сохранении веры этих проклятых еретиков? Мне не понять этого, даже несмотря на то, что вы испытываете привязанность к этому человеку. Неужели жизнь вечная не имеет для вас никакой ценности?

Не говоря ни слова, Анжелика села и принялась чистить горох. Затем с некоторой осторожностью ответила:

— Конечно, вечная жизнь имеет свою ценность, но разве наш долг не состоит еще и в том, чтобы вести достойное существование здесь, на земле, в согласии с людьми, которые нас окружают?

— Нельзя сказать, что мы без снисхождения относимся к заблудшим. Значит это правда, что о вас рассказывают? Что вы были союзником англичан и защищали еретиков?

Что Анжелика могла ответить на эти объяснения? Как она могла заставить ее с другой стороны посмотреть на эту реальность, которую французская монахиня воспринимала только как мятеж против короля и Бога.

Она вспомнила Абигаиль с маленькой Элизабет на руках, стоящую на пустынном берегу в Голдсборо. Анжелика вдруг испытала сильное желание рассказать об этом, очень дорогом ей человеке мадемуазель Буржуаз, о маленькой Элизабет, с хорошеньким и умным, как на картинке, личиком и спросить ее: «Неужели они не имеют права на жизнь?»

Она сдержалась, довольствовавшись несколькими осторожными фразами.

— Не преувеличиваете ли вы воинственные намерения протестантских колоний в Новой Англии? На

берегах Акадии у нас была возможность столкнуться с ними близко. В основном это достойные люди, которые хотят лишь возделывать свои поля в мире.

Маргарита Буржуаз отнеслась с недоверием к ее словам.

— До нас доходят не такие слухи. Наоборот, отец д'Оржеваль написал об ужасных репрессиях этих обманщиков против племени абенаков и как они побуждали ирокезов напасть на нас.

— Это он сам затеял войну! — вскрикнула Анжелика. Внутри у нее все вскипело, когда она вспомнила то, что видела в Браншивик-Фолс.

— ...Как можно было так извратить факты? Поверьте, вас неправильно информировали. Я видела все своими глазами, — закончила она, с трудом сдерживаясь.

Анжелика наклонила голову, пытаясь успокоиться.

— Я очень огорчена, — вновь сказала она. — Я знала, что иезуит обладает большой властью в Квебеке, но я не думала, что вы его сторонница. Не вы ли мне говорили, что Монреаль — это не Квебек?

— Все, что касается отца д'Оржеваля — да! Знайте, что отец д'Оржеваль — настоящий духовный отец Новой Франции.

— Но он фанатик! Если бы вы знали, какие козни он затевал против нас.

Маргарита Буржуаз возразила:

— Что бы он ни делал — все это во имя блага. Он заботится о своих духовных детях.

Она была настойчива.

Анжелика сделала новое усилие, чтобы сдержаться.

— Вы хотите сказать, что он вас защищает от врагов, какими мы являемся? Но прошу вас, почему же он решил, что мы — ваши враги?

— Разве вы не угрожали Новой Франции тем, что разместились на землях, принадлежащих королевству?

Анжелика хотела крикнуть, что всем давно известно о договоре Брэда, подписанного господином де Тресси, по которому эти земли отходили английскому Массачусетсу, но поняла, что это бесполезно.

Как и всегда, во время острых болезненных споров, касающихся территорий, не могло быть ничего хуже, чем находиться в лагере противника.

Мадемуазель Буржуаз была умная и великодушная женщина, которая знала, что говорит. Четырнадцать лет опасной жизни, постоянных угроз убедили ее в правоте своей борьбы.

— Англичан здесь около двухсот тысяч, мадам, — продолжала настаивать она, — столько же ирокезов находится у них в подчинении. А нас, канадцев, едва наберется шесть тысяч. Если мы не будем упорно сопротивляться, они захватят и уничтожат нас: истребят бедных индейцев, которых мы с таким трудом крестили, а другие, которых не успели, навсегда потеряют возможность приобщиться к истинной вере, которую наша миссия проповедует в Квебеке. Разве мы можем быть так небрежны и рисковать?

Она говорила тихо, но властно, продолжая лущить горох.

Анжелика не была так же уверена и спокойна. Никогда ей еще не было так тяжело осознавать, что слова, факты и их толкование могут настолько отдалить ее от людей, похожих на нее, от мира, в котором она родилась, от тех, в ком она искала защиту и любовь.

Она встала и взволнованно прошла по комнате. В тот самый миг, когда все стало казаться таким простым и легким, ситуация обострилась. Споры и выступления в защиту прав тех или других не привели бы ни к чему: то ли они не знали о договорах, где эти права были ратифицированы, толп они не считали их законными, так как не давали никаких преимуществ Франции и церкви.

Самое главное — это достичь согласия, которое объединяет сердца, установить отношения, в которых царит понимание, уважение, человечность. Это поможет преодолеть опасности, угрозы и страх, которые рождают непонимание.

Анжелика вновь подняла голову и улыбнулась женщине, сидящей возле очага, которая наблюдала за ней с интересом и без всякой злобы. Живость, искренность, исходившие от этой личности, вызывали симпатию и доверие.

— Мадам Буржуаз, давайте оставим все эти разговоры, жизнь расставит все на свои места и я уверена, что она укрепит дружеские чувства, которые я сразу же к вам испытала. Мы сможем со временем лучше узнать друг друга и открыть не только то, что нас разъединяет, но и то, что объединяет нас.

Монахиня одобрительно кивнула. Она казалась не рассерженной, а скорее задумчивой, погруженной в свои мысли.

— Вам надо обязательно встретиться с отцом д'Оржевалем, — решительно и энергично сказала она вдруг. — Чем больше я размышляю и узнаю вас, тем больше я убеждена, что это противостояние происходит от какого-то недоразумения, и когда вы объяснитесь, то все выяснится. Вы созданы, чтобы понимать друг друга.

— Я в этом сомневаюсь, — коротко бросила Анжелика, лицо которой помрачнело.

Она вновь села:

— Я даже признаюсь вам, матушка, что страшно боюсь оказаться перед ним.

— Не из-за того, что вы боитесь его пронизательного взгляда, который может обнаружить темные пятна на вашей совести?

Анжелика не ответила. Она проворно вылущивала зерна, легкими и плавными движениями руки касалась блестящих стручков, словно лаская, узнавала их, — не с

таким ли наслаждением ела она суп из фасоли ирокезов, присланной из долины, где правит три бога: тыква, маис и фасоль, спасшие их от голода? По ее позе — слегка склоненной набок голове, плечах, отведенных назад как у королевы, невзирая на ту черную работу, которую она выполняла, — можно было судить о чувственной натуре. Это было очевидно даже для окружающих женщин. Матушка Буржуаз привыкла с первого взгляда правильно судить о людях, а Анжелика со вчерашнего дня поставила перед ней тысячу вопросов.

— Вы сейчас находитесь в состоянии душевной неуверенности, — вдруг твердо сказала монахиня.

Анжелика обезоруживающе улыбнулась.

— Может быть, но разве это не случается временами со всеми? И даже с вами, я уверена.

Какая-то догадка мелькнула у нее в голове, в это трудно было поверить, но это объясняло многое.

Ее взгляд наблюдал за руками монахини и ей казалось удивительным, что никогда мужские губы не целовали со страстью такие женственные и нежные руки, это милое, уже стареющее лицо, которое, вероятно, было очень привлекательным в двадцать лет. Внезапно она увидела себя в объятиях Жоффрея, когда каждая его ласка, каждое прикосновение доводили ее до страстного испуга. От этого видения у нее бешено застучало сердце и порозовели щеки.

Женщины, сидящие перед нею, которых она должна была завоевать, были непохожими на нее больше, чем ирокез Утакке, абенак Пискарет. В ней все было чужое: чужая порода, чужая натура; сама того не зная, одним лишь своим появлением она сталкивала таких два разных мира. Демон в их глазах должен был казаться менее страшен. Их приучили делить все окружающее на ЗЛО и ДОБРО, принимать или защищаться. А Анжелика привлекала их и в то же время пугала. Им трудно было

постичь ее и она понимала, что внесла смятение в их души.

Она отложила свою работу и наклонилась к мадемуазель Буржуаз:

— Признайтесь честно, вы считаете меня опасной?

— Вы опасны, потому что слишком любите жизнь, — ответила монахиня.

Можно было подумать, что она продолжает мысли Анжелики.

— Отдаваясь целиком этой жизни, вы не думаете о своей бессмертной душе, — категорично сказала она. — И ваше очарование заставляет думать слабых духом, что, может быть, вы правы.

Анжелика почувствовала, как сильно забилося вдруг ее сердце, будто слова монахини готовили ее поражение.

— Вы считаете, что я колдунья, обольстительница?

— Нет, но одно очевидно. Вы наделены властью обольщать. Она сказала это без осуждения и даже с оттенком понимания в голосе, как будто этот дар растрогал ее.

Анжелику вновь охватило беспокойство. Она встала и прошлась по комнате, затем сжала пальцы так, что они побелели. Но ее растерянность длилась лишь мгновение, спокойствие вернулось так же быстро, как и возникшая минуту назад тревога. Ей показалось, что она видит, как губы монахини шепчут обвинения: «Вы слишком любите жить, наслаждаться счастьем и общением с людьми, радоваться их творениям». Да, именно в этом она черпала свои душевные силы.

И ей показалось, что страстная набожность этих дев, готовых на любое самопожертвование во имя Господа, сближает их. Значит, она может найти с ними точки соприкосновения. И разве сама Анжелика де Сансе де Монтелу не воспитывалась в монастыре Урсулинок в Пуату? Несмотря на отсутствие связи с

миром, от которого она была удалена, Анжелика хранила воспоминания, ощущения, обрывки светской жизни.

Уже в это время она сопротивлялась, спорила, восставала. С высоты стены, которую закрывала буйная растительность монастырского сада, она увидела одного из первых своих возлюбленных — пажа из Рейна. Анжелика рассмеялась. Эти воспоминания неожиданно завели ее совсем не туда. Но обстановка сразу же разрядилась и все почувствовали облегчение. Свидетели спора чувствовали напряжение, которое скрывалось за внешне любезными фразами:

— Так вас не рассердила моя искренность? — спросила Маргарита Буржуаз.

— Как я могу? Знайте, дорогая моя Маргарита, что ваши слова никогда не ранят меня. Вы спасли медведя Виллоуби и, теперь я на всю жизнь полюбила вас.

Глава 10

— Они здесь живут, словно принцы, — вспыхливо говорил Карлон. — Им дали право охоты и рыбной ловли и они уже чувствуют себя сеньорами! Но где их желание обрабатывать землю? Как осваивать новые земли с этими канадцами? Они постоянно в бегах. Только одно существует для них: торговля. Были даже созданы законы, чтобы приучить их к оседлой жизни. Парни, достигшие восемнадцати лет, должны жениться, в противном случае он или его отец должен заплатить штраф. И невест уже хватает — их привезли в большом количестве в Канаду. Но эти сеньоры, видите ли, убегают в леса. Они предпочитают «бегать со спичкой»^[8] к маленьким индианкам.

Обращаясь к Пейраку и размахивая при этом руками, Карлон искоса следил за погрузкой на борт «Голдсборо» и других судов флота товаров, брошенных кораблями из Европы, несмотря на его настоятельные требования перед отъездом в Акадию в начале лета.

Граф де Пейрак купил у него часть обреченных на долгую зимовку грузов. Среди них были доски, балки, корабельные мачты, сухая и копченая рыба, бочки с соленой семгой и угрями, тюлений и котиковый жир, бочки с мукой, пивом, мешки с сухим горохом и фасолью, которые начали заменять популярные в Европе бобы.

— Издавались запреты, отбирались разрешения на охоту и рыбную ловлю, испили даже до отлучения от церкви, стремились помешать им продавать водку индейцам, но не тут-то было. Плевали они на законы. У них ведь есть лес, и при малейшем давлении на них налогами, запретами — они хоп! И в лес! Я уже сыт по

горло этими канадцами. В случае чего, у них всегда есть куда убежать.

И сказав это, Жан Карлон начал спускаться к порту.

— Я решил оставить несколько бочек с жиром морского волка, мачты и строевой лес для «Марибель», — сказал интендант. — Никто не сможет сказать, что этот корабль отправится с камнями в своем трюме вместо грузов, в то время как эти товары останутся у меня на руках. Какой невероятный беспорядок! Как здесь все перепуталось! Никто никогда не сможет понять в каких условиях приходится работать.

Пейрак не прерывал излияний Карлона. Этот человек был ему симпатичен. Он ценил ясность его суждений, его предприимчивость и умение, с каким интендант разбирался в вопросах экономики и торговли. У англичан, например» ценивших инициативность, организаторские способности, интуицию в делах коммерции, он бы уже давно руководил колонией. Но здесь царили другие законы.

Несчастные изо всех сил пытались остановить тяжелую поступь истории, сохранив старые устои, пристрастие к религии, завоевание во имя славы, а не интереса. И, кроме того, поселенцев непреодолимо влекло в леса, ведь канадцы были наследниками тех крестьян, которые в Старом Свете не имели права поймать зайца или словить угря в лесах и реках сеньора, не рискуя при этом быть повешенным.

И хотя Кольбер, министр короля, понимал, что процветание колонии зависит от развития промышленности и торговли, он был бессилён изменить французский характер и сознание.

Действительно, оседло в Тадуссакке жило мало мужчин. Кроме солдат, нескольких фермеров, которых болезнь жены или эпидемии в стаде заставляли оставаться дома после сбора урожая, кроме чиновников и торгашей, мастеровых: кузнецов, чеканщиков,

тележников, которых часто заменяли подмастерья и дети, — все, что составляло мужское население от шестнадцати и до сорока, как будто рассеивалось в лесах, лишь только заканчивался сезон урожая.

И сейчас над поселком были слышны негромкие звуки ударов. — Это слабые женские руки молотили цепями зерно, ссыпанное в амбары. Дома, окруженные кучами соломы, защищавшими их от обледенения, казалось ожидали наступления зимы, хотя уже и теперь утром появлялся налет изморози, и замерзшая земля звенела под ногами.

— Женщины не могут всем этим заниматься, — вновь заговорил Карлон. — Впрочем, у них тоже в крови «меховая» лихорадка. Посмотрите, кто там бежит, — показал он в направлении Магены, — они только что узнали о появлении индейской флотилии, спустившейся сверху. Вы поймете, почему все мои усилия напрасны и почему обычно в конце зимы у них начинается голод. Они все продают, все меняют — и потом сами же страдают из-за этого. С берега бухты, в сторону реки, поднималась шумная, радостная толпа людей, нагруженная водкой, хлебом и разной утварью.

Жоффрей де Пейрак смотрел на поселок, на его приземистые домишки, на красивую церковь со своей знаменитой сокровищницей, на оживление базара, расположившегося прямо на обрывистых берегах Саргены, где торговали индейцы, спустившиеся с озера Сен-Жан и залива Хадсона. Все здесь были охвачены желанием немедленно разбогатеть. Богатство сулило им невиданные удовольствия или, по крайней мере, достаток, уверенность в завтрашнем дне и безопасность. Это были большие жизнелюбы. Это помогало им преодолеть трудности и придавало непреодолимое очарование.

Видя его улыбку, Карлон вздохнул с горечью:

— Я догадываюсь, о чем вы думаете. Мне это тоже пришло в голову: их не изменить, не правда ли? Я терплю убытки. А вы, вы воспользуетесь этим, чтобы прибрать к рукам Новую Францию.

Глава 11

Анжелика представила королевских девушек мадемуазель Буржуаз в надежде, что она проявит интерес к их судьбе.

— Эти девушки, которые благодаря старанию господина Кольбера были посланы для поселения в Канаде. Они потерпели кораблекрушение и пережили много несчастий. Вы бы не смогли что-нибудь сделать для них?

Она вкратце рассказала как случай привел их на побережье Мена, как потерявший управление корабль разбился о рифы и как с тех пор жители Голдсборо взяли на себя заботу об оставшихся в живых. Этим путешествием решили воспользоваться, чтобы отправить девушек в Квебек — первоначальную цель их плавания.

Мадемуазель горестно покачала головой.

— Понимаете, это очень сложно, — сказала она. Судя по тому, что вы говорили, их покровительница исчезла во время кораблекрушения и значит теперь у них нет никакой поддержки. Что они будут делать в Квебеке? Кто позаботится о них?

— А их будущие мужья?

— Чтобы выйти замуж, нужно иметь приданое. А они, как вы мне говорили, потеряли королевскую казну.

Она сказала это жестоко и категорично, хотя все знали ее как милосердного и великодушного человека.

Она объяснила, с какими сложностями столкнется и без того скудный бюджет колонии, или ему придется взять на себя расходы, чтобы обеспечить приданое этим девушкам, о котором должна была позаботиться Франция. Более того, приехав в Квебек поздно осенью, они не могут рассчитывать на то, чтобы возвратиться

назад в Европу за счет казначейства, какой-нибудь торговой компании или церкви.

— У нас было такое хорошее приданое — слышался дрожащий голос Генриетты, у которой появились слезы на глазах.

— По сто ливров ренты на каждую, пожалованные нашей благодетельницей, и, кроме того, из одежды у нас были: три шейных платка, ткань из тафты, зимнее пальто, два платья...

Мадемуазель Буржуаз прервала ее:

— Понятно, но ваша казна глубоко под водой, что же делать? Кто может взять на себя заботы о вашем существовании?

— Не могут ли они наняться на работу в какую-нибудь религиозную общину? — спросила Анжелика.

— Принять на работу, — конечно, но кто их будет кормить? Только члены общины могут рассчитывать на припасы, заготовленные на зиму. И это справедливо, ведь если зима будет суровая, то их может оказаться недостаточно. До весны из Франции нельзя ждать никакой помощи. Вот если бы у них были письма какого-нибудь покровителя, в которых губернатору или интенданту предписывалось выделить для них из резервных запасов несколько мешков муки и гороха, что будет в дальнейшем компенсировано за счет дополнительных закупок господина Кольбера и поможет сбалансировать бюджет, — тогда другое дело. Но это должна быть высокопоставленная особа, которая внушала бы доверие нашему правительству, которое никогда не пойдет на то, чтобы транжирить резерв Новой Франции.

— А вы сами, моя матушка? В Городе Марии не найдется ли у вас места для кого-нибудь из них? Вы ведь жаловались, что вам не хватает пополнения.

— Это правда! Но увы! Я нахожусь в таком же денежном затруднении.

Она объяснила, насколько скудны их запасы и как трудно заниматься благотворительностью.

Слушая ее, Анжелика понимала, как много значили сильная поддержка, нежная опора и покровительство, которое давало возможность посвятившим себя Богу не только молиться и отпускать грехи, но еще и заниматься обращением в истинную веру индейцев Нового Света.

Кроме того, чтобы выжить, церковь торговала божьей милостью и чудесами. Пышная набожность могла сочетаться здесь с гнусной мерзостью, которая за звонкую монету покупала себе прощение.

Анжелика привыкшая жить с таким знатным сеньором, как Жоффрей де Пейрак, который в жизни надеялся только на себя, оставаясь сильным и независимым, забыла о том времени, когда она как большинство людей зависела от чужой воли и глупости. И эта зависимость была повсюду и особенно чувствовалась в колонии, где были большие расходы на войну и продовольствие.

Она вспомнила, что те же слова говорил ей и Жоффрей об отце Квентине, — лишенный поддержки, он был очень рад получить место священника на «Голдсборо». Жоффрей, с его знанием людей и экономической ситуации, очень скоро понял, что для Канады, будь то религиозная или семейная община, существовало неписанное правило: не иметь лишних ртов.

Жизнь была тяжелой как в тюрьме. Людям приходилось защищаться и повиноваться неписанным законам своей общины, и с особой строгостью следить за тем, чтобы неразумное милосердие не подставило общину под угрозу голодной смерти.

— Мы бы могли помочь вам, — предложила Анжелика.

— Верьте мне, это не деньги дьявола.

— Я верю вам, но дело не в этом.

— Вы боитесь, что вас неправильно поймут, если узнают что этот дар вы получили от Независимого сеньора с Восточного нагорья, у которого такая сомнительная слава.

— Но я не знаю, как подготовилась моя община к зиме. У меня лишь для этих трех девушек достаточно места и... терпения, чтобы помогать им следовать по выбранному пути, — добавила она с юмором, — Взять на себя заботу об этих девушках — это значит взвалить на себя непосильную ношу.

Ее доводы были весьма разумны и Анжелике пришлось с ними согласиться.

— Вы сами, — продолжала мадемуазель Буржуаз, — я предупреждаю, что вам придется взять большие расходы по содержанию этих девушек, которые в сущности, никто для вас. Это благородный поступок, но поверьте, очень маловероятно, что вам удастся вернуть назад свои деньги.

— Это не первое вложение капитала, которое мы сделали в Новой Франции, — сказала, улыбаясь, Анжелика.

— И все же этот вопрос сильно занимает меня. Разве вы не говорили, что их покровительница снарядила корабль за свой счет и при поддержке двора? Может быть у нее были деловые связи с Квебеком?

— Я не знаю.

— Мы подумаем еще об этом, — сказала мадемуазель Буржуаз, вставая из-за стола. — Пойдемте стирать.

У берега Сагней плавали прибитые к берегу приливом водоросли, плескались птицы и шумели люди. Оживленно и бойко шла торговля шкурами: индейцы бросали в жадные руки поселенцев меха всех оттенков и цветов, которыми была богата природа: осени, ночи, снега, сумерек. Тут были бобры всех расцветок, выдры,

соболи, куницы, ласки, которые только что полиняли, готовясь к зиме, что во много раз увеличивало красоту и ценность шкуры.

Индейцы, трапперы торопились попасть в Тадуссак в надежде, что не все еще корабли ушли в Европу и что им удастся, обойдя закон, выгодно продать свой товар. Один из только что прибывших трапперов стал подниматься на берег. Его лицо оставалось в тени, но улыбка показалась знакомой женщинам: он сделал еще несколько шагов и Маргарита Буржуаз одновременно с Анжеликой узнали его.

— Элуа! — закричала одна.

— Маколле! — дополнила ее другая.

— Хо! Хо! Как приятно, когда тебя приветствуют такие симпатичные дамы.

Это действительно был старый Маколле, весь пропахший лесными запахами и высушенный, словно яблоко на солнце. В своей меховой шапке с блестящим оттенком кожи, он был похож на индейца. Его смеющиеся, выцветшие от времени, глаза искрились на солнце как родниковая вода. Прямой, худощавый, стремительный, в сшитой на индейский манер одежде из кожи он не казался измотанным, несмотря на свой длинный путь, в который он отправился еще весной из верхнего Кеннебека, надеясь осенью попасть в Тадуссак.

Онорина с радостными криками бросилась ему навстречу.

Жители Тадуссака, как будто предупрежденные своими чувствительными антеннами, устремились к ним и окружили со всех сторон. Анжелика рассказала всем собравшимся как Элуа Маколле зимовал с ними в форте, в Верхнем Кеннебеке, и как его изобретательный и жизнерадостный характер пригодился им.

— Надо было видеть эту зимовку, — нравоучительно говорил Маколле. — Слушайте, добрые люди, мы

пережили оспе и остались живы. Это настоящее чудо!

Анжелика опасалась, что рассказы о чудесах смогут причинить лишь вред, и попыталась восстановить истину, говоря, что эта была не безжалостно убивающая черная оспа, а корь или крапивная лихорадка. Но люди предпочитали думать по-другому.

— А Новый год, который мы там отметили! Это было еще лучше, чем у господина губернатора в замке Сент-Луи. Золото! Золото было на столах.

— Какой ты красивый, Маколле, в своем цветном жилете и парике, — восхищенно сказала Онорина.

— Ваша невестка была бы довольна, видя вас таким, — одобрительно заметила мадемуазель Буржуаз.

— Что ты привез, парень? — спросил старый Карийон, — покажи, что ты привез с нагорья.

— Медведя, отец мой, серого цвета, громадного хищника, которого я убил вчера, на берегу озера Сен-Поль, вот этим самым ножом. Он внизу, на берегу, мои друзья индейцы уже разделывают его. Вы можете взять котел и приготовить его жирные почки как в старые добрые времена.

— Только Карийон называет меня парнем, — объяснил он, поворачиваясь к Анжелике. — Черт побери. Я был гораздо ниже ростом, чем сегодня, когда он впервые взял меня с собой в долину ирокезов, а у него уже тогда была борода. Но и тогда, когда я стал самостоятельным охотником, его отношение ко мне не изменилось. Я на всю жизнь остался для него парнем, хотя между нами уже и не видно большой разницы. Подумать только, мне едва исполнилось шестьдесят. Единственное, что различает нас, это то, что я уже скальпирован, и то, что у меня нет больше передних зубов — ирокезы вырвали их у меня, чтобы сделать амулет. Но я не так стар. Спросите у дам и мадемуазель.

Люди бросились вниз к реке Сагеной, чтобы полюбоваться его добычей и товарами.

Оттуда раздавались голоса:

— Вы видели, что принес старый Маколле? Какие меха! И как хорошо вооружен этот шалопай. Не удивительно, что у него самые лучшие шкуры.

— Даже епископ был бы доволен мною, — с гордостью сказал Маколле. — Я даже не продавал водку индейцам. За этим они обращались к другим. Зато я снабжал их английской материей и другими хорошими вещами.

Перед уходом в Тадуссак Маколле запасся товарами в магазине Жоффрея де Пейрака в Кеннебеке.

— Он до сих пор ухаживает только за дикарками? — спросила Маргарита Буржуаз у Анжелики.

— Я вижу, что вы его хорошо знаете. Наши ловеласы, замерзая от холода и обессилев от голода, утверждали, что наш Маколле в хороших отношениях с индейцами из соседнего лагеря.

— Бандит! — с лукавым снисхождением воскликнула матушка Буржуаз. — Жаль, что твой сын не похож на тебя... Сидони мучается. Они не очень хорошая пара...

— Не напоминайте мне о них! — громко сказал Маколле. — Это приводит меня в ярость.

— И все-таки, тебе не мешает проведать своих детей. Готова поспорить, что со дня моего отъезда, а это около двух лет, ты не появлялся там.

— Конечно, что вы хотите, моя невестка — такая ужасная злюка.

— Не надо так говорить, она ожесточилась, потому что страдала.

— Но от чего, я спрашиваю? Это поколение девушек такое жадное. Они хотят всех удобств. Когда-то ирокезы не оставляли нам времени на склоки. Мы жили на прицеле их ружей. Уходя днем в поле, мы не знали —

вернемся ли живыми домой. Вы же помните все это, матушка Буржуаз. И моя невестка, как все: спокойствие, ферма, поле, стадо, — и она еще жалуется.

— Она любит...

— Это не очень заметно, вы бы видели, как она обращается со своим мужем.

— Это не то, что я хотела сказать, — озабоченно ответила матушка Буржуаз и тяжело вздохнула.

Глава 12

Утром маркиз Виль д'Эвре подошел к Анжелике и с таинственным видом отвел ее в сторону. Она подумала, что он хочет поговорить с ней о мехах или о бочонках бургундского вина, о которых он не переставал мечтать, но он вдруг спросил:

— Что произошло с графом де Варанже?

От этих слов у Анжелики бешено забилося сердце.

К счастью для нее, с момента их прибытия в Тадуссак мрачное событие, которым ознаменовалось начало их плавания в Канаде, почти совсем стерлось у нее из памяти, и ей понадобилось время, чтобы вспомнить о ночной драме. Поэтому на ее лице выразилось непритворное удивление.

— Что вы хотите сказать? Варанже?

Виль д'Эвре ощупывал ее пронизательным взглядом. Она вновь взяла себя в руки и сделала непонимающий вид.

— Да, вы спрашивали недавно о нем. Почему вы им так интересовались?

Анжелика нахмурила брови, как будто пытаясь вспомнить:

— Кажется, я вам говорила, что слышала, как о нем упоминал кто-то.

— Кто?

— Герцогиня или Фальер. И я решила разузнать о нем побольше. Надо заранее знать, с кем придется иметь дело в Квебеке.

— У вас с ним не будет никаких дел.

— Почему?

— Потому что он исчез.

— Ах!

— Совсем недавно он был здесь, — наклонясь к ней, прошептал маркиз, — спустился сюда по реке со своим слугой. По его словам он искал торговцев водкой и лодки басков, которые иногда браконьерничают в этих местах. Но он так далеко заплывал, так лавировал, что все задавались вопросом, что же на самом деле он искал, кого ждал? Может быть, вы сможете пролить свет на эту загадку.

— Я? Вы бредите.

Он пристально посмотрел на нее теплым и в то же время пронизательным взглядом инквизитора, в котором светилось любопытство.

Но она выдержала его и ее равнодушие отогнало все подозрения маркиза.

Он отвел от нее глаза, посмотрел вокруг, продолжая шептать:

— И с какой целью он мог приехать сюда?

— Вы, без сомнения, узнаете это, когда мы прибудем в Квебек.

— Разве я встречу его там? — упрямо спросил маркиз, глядя на нее так пронзительно, что она чуть не потеряла самообладания.

— Почему нет?

— Потому что он испарился, и, вам уже сказали, вместе со своим слугой.

— Возможно, он вернулся на лодке назад, в Квебек.

— Нет, потому что его лодку нашли, но она была пуста.

И он указал пальцем в сторону другого берега Святого Лаврентия.

— Там, внизу... в бухте Утиные Крики. Но там не осталось никаких следов.

Анжелика уклончиво покачала плечами.

— В любом случае меня это мало волнует. Вы говорили о том, что он был одним из наших врагов. Значит, я не встречу его в Квебеке. А теперь, дорогой

маркиз, скажите, чем вы заняты сегодня утром? Я хочу отправиться к священнику навестить его.

— Вы хотите выпытать секрет его напитка?

— Я бы хотела помочь Аристиду улучшить качество его рома. У кюре есть запас листьев дикой вишни и ее плодов, сорванных перед самым созреванием. Известно, что это придает татии приятный привкус и снижает вероятность отравления вредными веществами. Мы сделаем несколько попыток. Как видите, мы уже привыкли к Тадуссаку и все же мысль об отъезде витает в воздухе. Чего мы ждем? Что «Марибель» покажется со своими тридцатью пушками на борту? Или что королевский посланник предстанет перед нами?

— Этот королевский посланник — трус.

— Или его вообще не существует. Итак, маркиз, не хотите ли вы составить мне компанию и проводить к кюре, или... ?

Валь д'Эвре колебался. Он заметил Жоффрея де Пейрака, возвращающегося на «Голдсборо», и решил отправиться вместе с ним. У него появилась одна идея и он решил, что момент для ее осуществления наступил. Он извинился перед Анжеликой и бегом бросился к шлюпке.

Забравшись в нее, он сразу же заговорил с графом:

— Дорогой друг, вот уже несколько дней меня волнует один вопрос. Я уверен, что послание мадемуазель д'Урданн находится на «Иоанне Крестителе».

Глава 13

Жоффрей де Пейрак со стороны смотрел на Тадуссак. Отсюда деревня выглядела как картина, панорама которой развернулась во всей своей красе, чтобы ею лучше можно было любоваться. Она тянулась от мыса реки Сатеней до леса, спускавшегося к самому берегу бухты, ее домики и хижины, словно игрушки, были расположены в определенном порядке, с левой стороны виднелся форт с королевскими линиями на флаге, а в центре — возвышалась красивая церквушка. Внизу, недалеко от берега бухты, находились магазины, а у самой кромки поля, поднимающегося к лесу, стояла ферма, построенная из серого камня.

Это туда направлялась Анжелика. Он увидел ее, идущую быстрым шагом в сопровождении мадемуазель Буржуаз и Жюльенны. За ними шел Куасси-Ба, который не сразу появился на берегу после прибытия в Тадуссак, так как боялись что он своим видом может испугать население, однако после того как его представил старый Маколле, его товарищ по зимовке в Вапассу, негр стал пользоваться большой популярностью у жителей.

За ними, на некотором расстоянии, следовали королевские девушки вместе с молодыми монахинями, мадемуазель Буржуаз.

В этот день в деревне можно было видеть и Кантора со своей росмахой. Жители с некоторым замешательством встретили это игривое животное, которое резвилось сейчас как кошка: подпрыгивала вверх, скатывалась кубарем с горы и нападала, заигрывая, на детей, чтобы потом с испуганным видом мчаться от них прочь. Веселые крики, взрывы смеха — все эти звуки разносились эхом над поселком и звенели

в воздухе. Позади всей компании плелся Аристид, беседея с Элуа Маколле.

— Дело вот в чем, — продолжал Виль д'Эвре, — мадемуазель д'Урданн, моя соседка в Квебеке, в верхнем городе, она будет также и вашей, потому что я уступлю вам свой дом. Это очаровательная женщина, вдова довольно известного офицера, который пришел сюда десять лет назад с отрядом Кариньян — Сальера. Он был убит ирокезами во время кампании, которую возглавил маркиз Трэйси. Она такая как я. Ей нравится Квебек. А может, она просто боится долгого плавания через океан. У нас много таких, они предпочитают быть скальпированными, умереть от голода, но только не оказаться на корабле в открытом океане. И это понятно. Вы меня слушаете, дорогой граф?

— С огромным вниманием.

— Нет, вы смотрите на нее. Ага, вот она исчезла за поворотом и я могу продолжать. Я говорил вам, что мадемуазель д'Урданн живет в Канаде. Она сейчас очень слаба и почти не покидает своей постели, зато много ест. Ее основной адресат — вдова польского короля Казимира V. Нет, речь идет не о Луизе-Марии де Гонзаго, его первой жене. Она, как вы знаете, умерла десять лет назад, после чего безутешный король отрекся от престола и укрылся в обители Сен-Жермен-де-Пре, аббатом которой он являлся. Женщина, о которой я говорю, подруга мадемуазель д'Урданн и его вторая жена. Он смог жениться на ней, несмотря на церковные запреты. Он ласково называл ее Эрбьер-Травка, потому что когда-то в молодости она продавала травы в Гренобле. И, действительно, они сыграли большую роль в ее жизни. Она смогла женить на себе одного за другим богатых стариков, от вдовства к вдовству идя к своей заветной цели — двору, и последний ее муж, польский король, который тоже в свою очередь оставил ее вдовой, привел ее к вершине.

Эта история показывает, что она не так уж глупа и что поэтому мадемуазель д'Урданн, тоже достаточно умная женщина и зная ее по двору, предпочитает поддерживать письменную связь с ней.

Они пишут друг другу каждую неделю, иногда каждый день. Зимой письма складываются в шкатулку, которую они выбирают с тщательностью, чтобы потом обменять или хранить у себя как воспоминание. С первым кораблем, отправляющимся в Америку, мадам де Поляк послала первую посылку. Вторая должна была прийти в конце лета с последним кораблем. Вы себе представить не можете, сколько тратит эта женщина, посылая нарочитых во все порты, Торговую палату и даже в Адмиралтейство, чтобы только узнать, когда отправляется следующий корабль в Канаду.

В этом году некоторые запоздали, а другие решились, положившись на ветер и судьбу, надеясь вернуться до зимы, как, например, «Иоанн Креститель». Короче говоря, она доверила ему свою вторую шкатулку, в которой были ответы на письма, присланные в течение лета и где говорится о всех этих женских развлечениях и фантазиях. Вот почему я вам говорил о точной дате, которая была назначена для отправления судна из порта. И я готов спорить, что шкатулка, предназначенная мадемуазель д'Урданн, находится на его борту. Это не впервые, когда Дугас выполняет такого рода поручения.

Это меня очень заботит, потому что наш капитан — отпетый негодяй и так как шкатулка очень красива, инкрустирована золотом и украшена геммами, он захочет присвоить ее себе, выбросив перед этим все письма.

Все знают, что он любит бросать все в море. И потом, Клео будет так счастлива, если я верну ей дорогие сердцу письма.

Это тем более приятно, что злодей требует у нее всегда денег за свои услуги. Если эта история вас развеселила и если вы не видите ничего предосудительного...

Шлюпка пришвартовалась к «Голдсборо». Жоффрей де Пейрак поднялся по трапу и обернулся, иронично поглядывая на маркиза.

— Если я вас хорошо понял, вы хотите чтобы я приказал спустить шлюпку, на которой вы смогли бы добраться до «Иоанна Крестителя» и попробовали поискать вашу шкатулку.

— Абсолютно верно! А эти сильные парни, которые нас взяли, можно будет, позвать их на помощь, в случае необходимости?

— Конечно!

Пейрак, стоя на трапе, отдал приказания матросам, после чего мощными ударами весел они направили шлюпку к «Иоанну Крестителю». Он улыбнулся, видя как лодка увозит маркиза, на румянном лице которого сияла улыбка предвкушаемого удовольствия.

— Договорились! Я могу действовать по своему усмотрению.

— Да, дорогой маркиз. Но только без крови.

Пейрак вновь посмотрел на берег, затем взял свою подозрную трубу. Все было спокойно и он быстро закончил обзор кораблей. Сейчас он мечтал о НЕЙ, как мечтают о прохладе после жаркого солнца, как мечтают об убежище, где царит любовь. С ней он переживал радость открывателя, который все глубже проникает в тайны человеческой души, всегда загадочной и непостижимой.

— Надо все-таки, чтобы мы лучше и глубже узнали друг друга, любовь моя.

Время торопится, жизнь утекает, и среди этой суеты я обрел тебя, мое сокровище, ты появилась, и теперь

твое лицо, твоя улыбка повсюду со мной, как сон, в котором смешались наслаждение и опьяняющая боль.

С улыбкой смотрел он на серый дом на холме, с радостью предвкушая как увидит сейчас ее легкую походку, подчеркивающую грацию и жизнелюбие Анжелики.

— Даже издали она сводит меня с ума. И я не сомневаюсь, что она выманит секрет этого местного винодела. Улучшить тафию Аристида. Что же, ты не знаешь сомнений, моя дорогая!

И он засмеялся сам себе:

— Не спеши, все возможно... Ты одна, мой свет, ты одна принадлежишь мне.

Прошло время. Виль д'Эвре уже должен бы закончить свои дела. Вскоре граф де Пейрак услышал голос маркиза. Шлюпка с «Голдсборо» возвращалась.

— Я нашел ее, — кричал маркиз, размахивая руками, в которых граф заметил сундучок. — Вот видите, я хорошо знаю людей. Клео будет счастлива.

Пейрак наклонился и заметил четыре бочонка в глубине шлюпки. Этого он не ожидал.

— Что это такое? — спросил он, указывая на них.

— Это? Но, мой друг, разве вы не дали мне «карт бланш», не разрешили действовать по своему усмотрению? И когда я случайно наткнулся на эти бочонки бургундского, разве смог я оставить в руках проходимцев такой нектар? Это из Бонна, где, как вы знаете, его продают с аукциона для богадельнь. Оно лучшее в провинции, если не во всей Франции, — сказал Виль д'Эвре.

И выждав паузу, продолжил:

— Во всяком случае, вас обвиняют в стольких грехах, мой дорогой граф, что одним больше, одним меньше — роли все равно не играет. А мы зато сможем насладиться этим прелестным вином. Так что мне с ним делать?

— Хорошо, маркиз, втащите бочки на мой борт и откройте одну, чтобы мы сегодня смогли угостить наших друзей, а остальные отвезите на свой корабль — это же ваш трофей.

— Граф, вы самый верный и необыкновенный из всех друзей, которых я только знал. Я вам тысячу раз благодарен. Кстати, я нашел Дугаса в жалком состоянии. Не знаю причины, но это лишь тень бывшего капитана. Говорят, он отравился. Я надеюсь, что вы проявите снисхождение к этому несчастному.

Среди пассажиров корабля я заметил довольно красивого дворянина. Если он и есть посланник короля, то не разумнее ли ослабить узду? Разрешить ему и его свите сойти на берег до того, как «Иоанн Креститель» вновь отправится в плавание и достигнет Квебека. Тогда мы сможем предвосхитить события. Завтра — воскресенье...

**ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.
КОРОЛЕВСКИЙ ПОСЛАННИК**

Глава 1

Анжелика увидела, как ее муж, граф де Пейрак, с необычной для него поспешностью пересек палубу, в два прыжка преодолел первую лестницу, ведущую к кормовой каюте и пробежал по полуюту к левому борту, на ходу достав подзорную трубу и глядя в нее на «Иоанна Крестителя», Граф д'Урвилль, капитан Ванно, Видь д'Эвре и еще несколько человек бежали вслед за ним.

— Что происходит? — спросила их Анжелика.

— Онорина на борту.

— На каком борту?

— «Иоанна Крестителя».

Анжелика вслед за ними подбежала к перилам, где уже стоял граф де Пейрак, окруженный людьми. Он опустил подзорную трубу и сказал:

— Да, это так, она на борту. Посмотрите.

Сквозь линзы она различила часть корабля: стертые перила, палубу в беспорядке, который говорил о плохом содержании судна и составлял резкий контраст с фигурами, украшенными шляпами с плюмажем и явно принадлежащими к эскорту королевского посланника, рядом с ними она увидела, да, теперь у нее не осталось сомнений:

— Это она!.. Это она! Я узнаю ее зеленую шапочку, которую надела сегодня утром для участия в шествии.

От изумления у нее опустились руки.

— Онорина... на борту «Иоанна Крестителя»? Но что она делает там?

— Ее похитили, — сказал кто-то.

Сегодня было воскресенье.

И рано утром вес экипажи кораблей Пейрака отправились на мессу вместе с пассажирами «Иоанна

Крестителя», которым для такого случая было разрешено сойти на берег.

Королевского посланника нигде не было видно, но он мог оказаться среди пассажиров, закутанных в плащи с высокими воротниками, защищавшими их от холода и в шляпах с перьями, надвинутыми на самые глаза. Хотя их, казалось, не интересовали жители поселка, они все равно не могли отказаться от участия в мессе после возложенного на них покаяния.

Вскоре их потеряли из виду. Вместе с индейцами, жителями поселка и охотниками, спустившимися с нагорья, они составляли огромную толпу, хлынувшую потоком к маленькой церквушке, колокол которой победно звенел в прозрачной свежести раннего утра.

После полудня состоялось шествие, в котором принимала участие и Онорина, похожая в своей зеленой шапочке на новобранца.

Затем Анжелика доверила детей тем, кто обычно присматривал за ними. Сегодня в поселке было очень весело — все были охвачены желанием меняться, тем более, что в честь праздника Непорочной Девы Жоффрей де Пейрак раздал населению несколько связок вирдинийского табака и несколько буассо «стекляшек». Так называли мелкий жемчужный бисер, которым индейцы так любили обшивать свои праздничные одежды.

Анжелика вернулась на «Голдсборо», чтобы сменить туалет и немного передохнуть. Во всем ощущалось движение: лодки, шлюпки, каноэ сновали туда и обратно, перевозя людей с кораблей на берег.

Когда она уже собиралась вернуться в поселок, на палубе послышалось какое-то движение и затем раздался крик Виль д'Эвре: — Онорина на борту...

Онорина на борту «Иоанна Крестителя»! Похищенная негодями из его экипажа.

Граф де Пейрак вновь, на этот раз тщательно, посмотрел в подзорную трубу.

— Я вижу Иоланду, — сказал он, — она только что появилась.

Великаншу из Академии было видно даже невооруженным взглядом, рядом с ней бледнело пятно вылинявшего голубого мундира Адемара. Керубино, вероятно, тоже находился где-то рядом, хотя маленький рост не позволял его красной шапочке выглядывать из-за перил.

— Мой сын попал в руки бандитов, — трагично кричал Виль д'Эвре. — Мы пропали! Зачем граф вы ограбили их, забрав бочки с Бургундским? Теперь они жестоко отомстят.

Интендант Карлон, который только что присоединился к ним, прервал его:

— Мой друг, насколько я слышал, это вы были инициатором кражи, несмотря на мои настоятельные... рекомендации...

— Конечно, но не надо было позволять им сходить на берег.

— Но маркиз! Насколько я слышал, это вы советовали графу ослабить узду, предполагая, что на борту этого корабля находится королевский посланник.

— Господин де Пейрак не должен был меня слушать.

— Сейчас не до споров, — прервал их граф, — зло свершилось и нужно принимать меры. Господин Карлон, как интендант Новой Франции вы можете быть мне полезны.

— Я полностью в вашем распоряжении, — подтвердил королевский чиновник.

Было видно, что он действительно взволнован. Мысли о двойственности его положения вытеснили страх за детей и это растрогало Анжелику. Любая помощь облегчала страдания матери.

— Нельзя было разрешать им высаживаться на берег — стонал Виль д'Эвре. — Они воспользовались этим, чтобы захватить заложников. И каких заложников! Наши несчастные малыши! Теперь они попросят немыслимый выкуп. Я знаю Дугаса. Он способен на все, лишь бы... Боже мой, где же он? Их не видно больше.

Анжелика выхватила подзорную трубу у маркиза и навела на резкость, в то время как кто-то, по просьбе Жоффрея де Пейрака, побежал за другими трубами. Она убедилась, что группа, которую они только что видели, исчезла. Палуба «Иоанна Крестителя», была пуста.

— Они бросили их в воду! — вскричал Виль д'Эвре.

И начал стягивать с себя сюртук, в одних штанах, собираясь прыгнуть в воду. Его остановили.

— Успокойтесь, — сказал граф. — Сейчас мы спустим шлюпку и отправимся туда. Так мы доберемся быстрее, чем вплавь. Я прошу вас, маркиз, возьмите себя в руки.

Он живо сложил подзорную трубу, в сопровождении остальных спустился на центральную палубу и направился к большой корабельной шлюпке, которую матросы начали спускать с талей. К счастью, она осталась на судне, в то время как другие находились на берегу и были задействованы в празднике.

Анжелика поблагодарила небо за то, что Жоффрей всегда следил, чтобы связь корабля с землей не была потеряна. В этом он был настойчив и последователен, тем более, что сегодня всеобщее ликование и чувство эйфории уступили место обычной подозрительности и настороженности. Даже на «Голдсборо» ослабла обычная суровая дисциплина.

Было очевидно, что люди с «Иоанна Крестителя» воспользовались этим, чтобы осуществить свое подлое нападение. Это Жоффрей, о чем Анжелика узнала

позднее, заметил кое-что подозрительное на борту плененного судна.

Виль д'Эвре, разговаривая сам с собой, начал спускаться в шлюпку.

— Я их сошлю на галеры, я их расстреляю. Напасть на моего сына! Теперь они все отберут у меня. Тем лучше. Я заплачу, но пусть они постерегутся. Придет время и они заплатят мне за все.

Анжелика старалась держать себя в руках. «Иоанн Креститель» был окружен сильным и хорошо вооруженным флотом. Конечно, они бы смогли быстро покончить с ним. Но пока на борту этого пользующегося дурной славой корабля находились дети, они не могли тронуть даже дощечки на нем.

Как это могло случиться? К какой уловке они прибегли, чтобы захватить двух детей, надежно охраняемых недоверчивыми Иоландой и Адемаром? Использовали силу? С Иоландой это казалось невозможным, тем более когда речь шла об экипаже, изможденном от голода. Не все ли равно? У них еще будет время узнать это, когда пленники будут в целости и сохранности.

Анжелика увидела, что Пейрак приказал своей испанской гвардии, вооруженной мушкетами, спуститься в шлюпку. Все матросы, сопровождавшие его, были экипированы как для абордажа.

Он повернулся к ней.

— Я отправлюсь первым.

— Но мне хотелось бы сопровождать вас.

— Наберитесь терпения. Не будет никакой пользы, если при плохом повороте событий мы оба окажемся во власти бандитов. Вы пойдете сразу же вслед за мной. Я послал приказ на берег немедленно вернуться двум шлюпкам на «Голдсборо». Вы отправитесь на одной из них вместе с д'Урвиллем и его людьми. Вооружитесь пистолетами. Виль д'Эвре поедет на второй. Сейчас на

суше объявлена тревога. Все пассажиры и экипаж «Иоанна Крестителя», находящиеся в поселке, окружены и лишены возможности вернуться на корабль.

— Может быть, они предвидели это? Может быть, все уже давно на корабле и готовятся к отплытию? — спросил Виль д'Эвре, вновь вырывая подзорную трубу у графа д'Урвилля.

— Кажется, они затевают что-то... там на баке... Смотрите.

— Эта дырявая посуда не сможет ускользнуть у вас из-под носа... Маркиз, прошу вас, не поддавайтесь отчаянию раньше времени, давайте согласуем наши действия.

Голос Жоффрея де Пейрака был спокоен.

«Таким он бывает тогда, когда действительно грозит опасность», — подумала про себя Анжелика, вспоминая каким он был во время осады Катарунка.

Наверное она была очень бледна.

Успокаивающим жестом Жоффрей положил руку на ее запястье и крепко сжал, отчего Анжелика почувствовала себя увереннее.

— Потерпите, дорогая! — повторил он. — Вы последуете за мной и мы сделаем все, чтобы этим негодьям недолго оставалось торжествовать. Но нельзя дать им почувствовать, что мы уязвимы.

Она слабо улыбнулась.

— Я понимаю вас. Я готова.

— Мужайтесь! — еще раз сказал он. — Я нуждаюсь в вас и в вашей хладнокровии. Неужели, когда речь идет о спасении вашей дочери, вы будете менее рассудительны, чем в тот вечер, когда спасли мне жизнь?

— Нет! — прошептала она. — Но она... такая маленькая.

Она увидела, как потемнело лицо Жоффрея и поняла, что он тоже сильно беспокоится за судьбу малышки. Он резко повернулся и нахмутив брови, начал спускаться в шлюпку.

— Подождите, — вдруг крикнул он в сторону. — Внимание! Кажется там что-то происходит.

И сразу же все взгляды и подзорные трубы устремились в направлении «Иоанна Крестителя». От него отделилась лодка и пройдя перед носовой частью судна, взяла курс на берег.

Теперь в ней можно было различить цветные пятна детских шапочек, белый чепец Иоланды и голубую форму Адемара. Лодка причалила к берегу и они потеряли пассажиров из виду, так как было довольно далеко, однако некоторое время спустя все заметили, как от берега отчалила корабельная шлюпка и направилась на «Голдсборо»:

— Они возвращают нам их тела, — простонал Виль д'Эвре.

— Нет, я их вижу лучше и, кажется, они здоровы и невредимы, — заметила Анжелика, внимательно следившая за приближающейся шлюпкой.

Тиски, которые сжимали ее сердце, потихоньку начали ослабевать.

Все это казалось очень страшным. Насколько можно было судить с такого расстояния, пассажиры шлюпки не были похожи на пленников, которые только что избежали большой опасности. Скорее, они выглядели как люди, возвращающиеся домой после приятно, проведенного дня.

Можно было видеть даже как Онорина и Керубино забавлялись тем, что погружали руки в воду, рискуя упасть. Они очень любили это развлечение, хотя формально оно им было запрещено. Иоланда и Адемар как ни в чем не бывало разговаривали с экипажем.

— Эти негодяи получают у меня пятнадцать ударов кнутом, — взорвался находящийся на пределе Виль д'Эвре. — Они так медленно гребут, как будто это прогулка по озеру. Неужели они не понимают, что мы тут все умираем от беспокойства?

Но он все-таки поднялся на палубу. Теперь, когда дети были уже в безопасности, чувство тревоги за их жизнь уступило место настоящему гневу.

Онорина и Керубино поднялись на палубу, где их тут же лихорадочно подхватили на руки, и глядя на лица взрослых, дети поняли, что их ждут неприятности.

Онорина спокойно отнеслась к этому и такова была власть этой маленькой личности, что именно к ней за разъяснением случившегося обратились собравшиеся, словно не замечая Иоланду и Адемара, которые поднялись на палубу и поняв, что совершили оплошность, переглядывались теперь с беспокойным видом.

— Где вы были, мадемуазель? — обращаясь к Онорине, спросил Жоффрей де Пейрак.

Малышка снисходительно посмотрела на него. Вопрос ей показался бесполезным, ведь Жоффрей де Пейрак прекрасно видел, что они были на «Иоанне Крестителе» и сам наблюдал за их приездом в подзорную трубу. Но Онорина уже хорошо изучила взрослых, которые любят говорить об очевидных вещах и кроме того никто на корабле, даже она, не имел права оказывать сопротивление бесспорному хозяину, сеньору де Пейраку, поэтому она довольствовалась тем, что непринужденным жестом указала на стоящий за ее спиной «Иоанн Креститель».

— На «Иоанне Крестителе», — повторил Пейрак. — Можете ли вы объяснить мне, мадемуазель, какая причина заставила вас подняться на борт этого корабля, да еще без нашего позволения?

— Потому что меня пригласили на завтрак.

— Правда? И кто же?

— Один из моих друзей, — надменно ответила Онорина.

Во время этого заявления у нее было такое забавное обиженно-укоризненное выражение лица, совсем неуместное в данной ситуации, что граф не мог сдержаться.

Улыбаясь, он подхватил девочку на руки и крепко прижал ее к себе.

— Мое маленькое сокровище, — глухо проговорил он, — какая неосторожность! Вам следовало подумать, прежде чем принять это предложение, ведь мы — враги этому кораблю и он мог отомстить мне, подвергая вас опасности. Вы заставили смертельно волноваться вашу матушку и меня.

Онорина посмотрела на него с удивлением:

— Так это правда? — обрадовано закричала она. — Ты боялся за меня?

— Конечно, мадемуазель. И я прошу вас впредь никогда не поступать так необдуманно. Знайте, что если случится несчастье, мое сердце будет разбито.

Никакие другие слова не могли бы доставить Онорине большего удовольствия, чем эти. Она посмотрела в глаза Жоффрею де Пейраку, чтобы убедиться в искренности его слов, затем обхватила его своими пухленькими ручками, прижала свою кругленькую щечку к его щеке, отмеченной шрамами, и произнесла несколько раз с горячностью.

— Простите меня, отец, простите...

Керубино, видя, что Онорину обнимают, решил, что все неприятности уже позади и бросился к Анжелике, которой ничего не оставалось, как подхватить на руки бедного малыша и поцеловать его в знак прощения.

— Извинитесь перед вашим отцом, — сказала она ему, передавая Керубино Виль д'Эвре, который плакал как ребенок от недавно пережитого страха и умиления.

Только сегодня он до конца понял, насколько дорог был ему этот мальчуган.

Керубино решил, что будет лучше, если он обнимет всех, кто стоит на палубе. Хотя малыш и не совсем понимал, что происходит, все же это ему нравилось больше, чем крики и ссоры.

— Господин Виль д'Эвре хотел броситься в воду, чтобы вплавь добраться до вас, — обратилась Анжелика к Онорине.

— Правда?! — обрадовалась девочка, приходя в еще больший восторг.

Она выскользнула из рук Пейрака и подбежала к Виль д'Эвре, чтобы обнять его. Затем она бросилась к другим людям, стоявшим на палубе. Только сейчас она поняла, как они привязались к ней, какое место в их жизни она занимала. Многие из них флибустьеры и джентльмены удачи, признавались ей, что сегодня они испытали самый большой страх в их жизни.

Анжелика повернулась к Пейраку.

— С ней все так ласковы. Поймет ли она, насколько была неосторожна?

И тут же засмеялась, видя выражение его лица.

— Вы любите ее сильнее, чем меня.

— Она так нежна и женственна, — сказал он, наклоняя голову. — Она радует мое сердце и греет душу.

Он взял руку Анжелики и горячо поцеловал ее:

— В лице этой малышки рил и мне огромное сокровище, за которое я вам бесконечно благодарен... А теперь вам нужно немного отдохнуть, сердце мое.

— Да, вы правы, — прошептала она.

Анжелика почувствовала, что силы вновь возвращаются к ней.

— И все-таки я хотела бы задать вопрос этим ротозеям, — сказала она. Придав своему лицу строгое выражение, она направилась к Иоланде и Адемару.

— Вы что, совсем забыли о поручении? Или же изрядно выпили на ярмарке мехов, так что потеряв рассудок и всякую осторожность, решили отправиться на «Иоанн Креститель»? Неужели вы не знаете, что его капитан — негодяй, и что меньше, чем три дня назад он чуть было не утопил Жюльенну и Аристида? И вот сегодня вы принимаете приглашение позавтракать там.

— Да, мадам, вы абсолютно правы, — рыдала, уткнувшись в фартук Иоланда. — Побейте меня, я сто раз заслуживала это.

— Да, мадам, ударьте меня, — усердствовал Адемар, показывая пальцем на свою щеку. — Я глупец, мы сделали это, совершенно не подумав. Но у этого дворянина был такой честный вид.

— Какого дворянина?

— Не ругайте мою дорогую Иоланду, — вступилась Онорина за своих любимцев. — Это я захотела.

— Разве это оправдание? — возразила Анжелика, приходя в крайнее возбуждение. — Если двое таких верзил как вы позволяют пятилетним сорванцам совершать подобные глупости, то мы можем ждать в дальнейшем еще худших последствий. Где Нильс Эббиел? — забеспокоилась она, заметив отсутствие маленького шведа, обычно верно сопровождавшего малышей. — Его оставили на борту «Иоанна Крестителя»?

— Нет! — сообщила Онорина. — Он не захотел пойти с нами, он — дурак.

— Нет, он умный мальчик! Знайте, мадемуазель, я хотела бы, чтобы вы были так же осторожны, как и он. Я даже уверена, что он пытался отговорить вас от этого странного предложения, но вы не послушались его советов. За это мы будем ему благодарны, а вас — накажут.

Онорина опустила голову. Она и не надеялась на благополучный исход, в целом все и так прошло не так

уж плохо. Онорина знала, что Анжелику разоружить будет труднее, чем Жоффрея де Пейрака. Она вздохнула и принялась что-то искать в карманах своей юбки, в то время как Анжелика продолжала говорить с Иоландой и Адемаром.

— Объясните все. Я хочу знать, что же в действительности произошло и как вас смогли так легко одурачить.

Иоланда, в порыве отчаяния вставшая на колени, и Адемар, из солидарности сделавший то же самое, принялись путанно объяснять, что увлекшись покупкой норковых и бобровых шкур, — Иоланда отдала за них серьги Марселины, которые та получила в наследство от бабки, живущей в провинции Нивернэ и которые были даны девушке, чтобы она почистила их в Квебеке, Адемар же обменял на мех порох из своего снаряжения, — они не сразу заметили исчезновение Онорины, но обнаружив, что ее нет поблизости, сразу же бросились на поиски. Вскоре они нашли ее разговаривающую с приятного вида господином, — одним из пассажиров «Иоанна Крестителя».

— Нужно было остерегаться, — упрекнула их Анжелика, — сегодня в Тадуссаке много проходимцев.

— Мой друг — не проходимец, — возразила Онорина.

— Ты еще слишком мала, чтобы судить об этом.

— Это правда, у этого господина был вид честного человека. — Выступила в ее защиту Иоланда.

— Может и так, по крайней мере это объясняет то, что вы здесь и невредимы. — Но кто это? — Пассажир, который хотел развлечься? И почему именно наши дети... Что ты хочешь, Онорина? Что это?

Онорине наконец удалось найти то, что она так долго искала в карманах своей юбки, безучастная к окружающему ее разговору. С отсутствующим видом она решительно протянула своей пухленькой ручкой пакет, запечатанный красным воском.

— Что это? — повторила Анжелика.

— Это для тебя, — равнодушно объяснила девочка.

Анжелика схватила конверт, сделанный из плотной дорогой бумаги. Восковые печати в центре и по углам были украшены гербом, изображение и девиз которого были почти не видны. С конверта свисала шелковая ленточка. Письмо имело внушительный вид.

Анжелика посмотрела на конверт с обратной стороны, но и там не было указано ничьего имени. Тогда она бросила на Онорину, державшуюся с достоинством, подозрительный взгляд.

— Где ты его взяла? Кто тебе его дал?

— Мой друг, очень славный господин.

— Он дал тебе этот конверт?

— Да.

— Для кого? Для меня?

— Да, мамочка, — повторила, вздохнув, Онорина и добавила мгновение спустя:

— Он видел тебя утром, во время шествия.

Анжелика решила наконец сорвать ленту с этого таинственного послания и сломать печати. Воск был тонким и хрупким, как будто его в спешке наложили на конверт.

Она развернула письмо, написанное крупным, элегантным, но очень торопливым и поэтому неразборчивым почерком — повсюду виднелись пятна, чернильные брызги, и царапины, оставленные плохо отточенным гусиным пером. Анжелика начала читать вслух.

«О, самая прекрасная из всех женщин...»

Она остановилась.

— Вот многообещающее начало, — заинтересовано сказал Виль д'Эвре, подходя ближе.

— И несколько неучтивое, — заметил Карлон, — В нем чувствуется неуважение.

— Вам все кажется неучтивым, — возразил Виль д'Эвре. Наклонившись над плечом Анжелики, он пытался разглядеть остальное. Ему пришлось потрудиться, потому что послание было написано очень неразборчиво.

Но у него было хорошее зрение и он прочитал вслух:

— «Воспоминания о ваших прекрасных губах, об их упоительных поцелуях, о вашем божественном теле и о его прелестях все еще преследуют меня, хотя с тех пор прошло немало времени. Ваши изумрудные глаза, цвет и красоту которых невозможно забыть, все еще светят мне в ночи...»

Виль д'Эвре облизнулся.

— Теперь не осталось никаких сомнений, моя дорогая. Послание адресовано вам.

Все остальные сдержали улыбки и обменялись понимающим взглядом.

Красота мадам де Пейрак, казалось, была создана для того, чтобы вызывать страсть и быть причиной драм и конфликтов.

Они уже начали привыкать к этому и даже испытывали некоторую гордость. Опыт подсказал им, что там, где она появлялась, события могли повернуться каким угодно образом. Это было непредсказуемо как в театре.

Анжелика, смутившись, подняла глаза к Жоффрею.

— Я ничего не понимаю. Это ошибка. Послание, вероятно, адресовано кому-нибудь другому.

— «Изумрудные глаза», — повторил маркиз, — и вы считаете что этот цвет так часто встречается?

Она пожала плечами.

— Этот дворянин видел меня во время шествия, ему не трудно было сочинить все эти комплименты уже позднее. Он, без сомнения, безумец.

— Мне кажется, это один из ваших бывших почитателей, — прервал их Пейрак, который

хладнокровно воспринял происшедшее. — Увидев вас на мессе, он узнал свою прежнюю любовь. Нужно привыкнуть к мысли, что мы в Канаде, где нас могут ожидать всякие неожиданности.

Он ответ Анжелику в сторону и взяв письмо, внимательно осмотрел печать и ленточку.

— Я не удивился бы узнав, что речь идет о таинственном королевском посланнике. Bravo, мадам, вам удалось вытащить его из норы.

Анжелика еще раз внимательно посмотрела на подпись, которая была еще менее разборчива, чем все остальное, и испорчена чернильным пятном, закрывавшим даже имя. С трудом лишь можно было различить заглавную букву «Н».

Анжелика безуспешно пыталась определить, кто же это мог быть.

— Я абсолютно не понимаю, о ком идет речь.

— На самом деле? И у вас нет даже предположения?

— Нет никакого! Я повторяю, этот дворянин спутал меня с кем-то другим.

— Нет! Виль д'Эвре прав, доказательством служат ваши изумрудные глаза. Держу пари, что при дворе они были знамениты и им не было равных.

Анжелика вновь напрягла память и, закружившись в водовороте прошлого, увидела блистательных, галантных сеньоров, их улыбки, их прикосновения, которые приходилось останавливать ударом веера, их ласкающие взгляды, которые она старалась не замечать.

— А эти незабываемые поцелуи? — настаивал Пейрак. Огонек иронии, светившийся в его глазах, казалось, говорил о том, что происшедшее лишь забавляет его.

— Но я не знаю, кто это мог быть.

— Неужели у вас такой большой выбор? — засмеялся он.

— А то, что он осыпает комплиментами ваше божественное тело? — с легкой настойчивостью продолжал он.

— Он лжет.

И раздосадованная, она вновь принялась за чтение. Кто бы ни был этот таинственный воздыхатель, но писал он ужасно неразборчиво. Возможно волнение, которое он испытывал, объясняло его ужасный почерк и эти восторженные выражения.

«Моя радость была безгранична, с тех пор, как я узнал вас и надеюсь, что во имя нашего прошлого вы не отнесетесь ко мне жестоко. Если вам удастся ускользнуть от вашего хозяина, знайте, что я жду вас сегодня вечером возле склада, который находится в стороне от поселка, на холме, недалеко от индейской деревни. Не заставляйте меня мучиться в ожидании. Приходите, чтобы я наконец мог поверить в этот чудесный сон, в котором неожиданно вновь обрел вас. Целую ваши руки».

— Он назначил вам свидание, — заметил граф, — ну что же, вам придется пойти!

— Нет, а если это ловушка?

— Мы перехитрим его. Прежде всего, вы будете вооружены. Мы тоже будем рядом, готовые по первому вашему сигналу прийти на помощь.

Он подозвал к себе знаками Иоланду и Адемара, которые неуверенно приблизились к нему.

— Вы слышали, как называли этого сеньора? Как он выглядел?

— Это красивый мужчина, — сказала Иоланда, — знатный и важный сеньор. Но он не называл нам своего имени и мы не знаем как к нему обращаться. Он был очень вежлив с нами и пригласил нас к себе на корабль.

Анжелика попыталась узнать кое-что у Онорины. Но девочка была сердита на нее и сделала вид, что не слышит. Она достала свой сундучок с сокровищами,

который только что заметила в углу, уселась прямо на палубе и, прислонясь к перегородке, принялась перебирать свои драгоценности, как будто важнее этого для нее не было ничего на свете. Время от времени она протягивала какую-нибудь вещь Анжелике, как будто говоря: — «Видишь, мама, как это красиво?»

— Она не обращает на меня внимания, — сказала Анжелика. — Она рассердилась за то, что я выругала ее вместо того, чтобы приласкать. И теперь прикидывается глупым ребенком, желая чтобы ее оставили в покое. Теперь от нее долго нельзя будет ничего добиться.

— Это не имеет значения! Все равно только вы сможете пролить свет на историю с письмом, встретившись с этим господином. Чем больше я думаю, тем больше уверен, что дворянин, отправивший это пылкое послание и есть королевский посланник, который меньше всего желает быть узанным. Важно то, кого вы узнаете в этом человеке.

Анжелика еще раз посмотрела на письмо, дорогая бумага которого хрустела у нее в руках.

«Ваши поцелуи...»

Какие поцелуи? Кому из королевских приближенных могли они принадлежать?

Но она вспомнила только поцелуй короля в густой темноте деревьев. И Филиппа, ее второго мужа. Но он был мертв. Тогда кто это мог быть? Неужели она могла забыть о ласках, которые дарила мужчине?

Она бросила взгляд на дикий суровый край, окружавший ее, и ей показалось невероятным, что сюда до этих берегов, над которыми вились дымки индейских костров и где были разбросаны бедные домики поселенцев, до этих пустынных гор и бескрайних лесов, над которыми голубело бездонное небо, — донеслось эхо ее блистательного премилого, необыкновенной и бездумной жизни, которую она вела в Версале.

— Посмотри, мама, — закричала вдруг Онорина, показывая ей маленькое золотое колечко, — посмотри как оно красиво!

Анжелика вышла из деревни и направилась к постройке, о которой было сказано в послании. Это было деревянное здание, расположенное на берегу реки, немного в стороне от индейского поселения. Видь д'Эвре говорил, что этот склад принадлежит высокопоставленному чиновнику из Монреалья.

Карл он утверждал, что он находится в ведении иезуитов. Как бы то ни было, но место встречи было выбрано удачно. Оно было удалено от Тадуссака, в котором в это время был самый разгар ярмарки, на которой продавались и обменивались меха.

Анжелике удалось незамеченной выскользнуть из деревни. Приближался вечер. Поселок обволакивало туманом от реки, который смешивался с дымком каминов и костров, горевших в лагере гуронов. Кроме того, повсюду были установлены очаги, на которых готовили жаркое из лося, самой крупной и вкусной дичи в этом районе, пекли клубни картофеля или варили похлебку из маиса, чтобы накормить индейцев, спустившихся с нагорья.

Анжелика миновала последние огни и углубилась в темноту. Здесь ночь была уже полноправной хозяйкой, граница между лесом, рекой и небом была почти не видна, все обволокло густой пеленой тумана. Анжелика, закутанная в темный плащ, с головой, покрытой капюшоном, сливалась с мраком, окружавшим ее. Что ж, тем лучше, если ее бывший возлюбленный будет разочарован, увидев ее в грубой, простой одежде. Идя быстро шагом, она невольно погрузилась в воспоминания. Из памяти всплывали имена, лица, принадлежащие знатым сеньорам из окружения короля: Бриенн, Кавуас, Сен-Энай. Может быть, один из них и был влюблен в нее тайно. Все возможно. Версаль

оставляет слишком мало времени для любовных излияний.

Дорога была короткой. Приближаясь к зданию, Анжелика совсем не испытывала тревоги — она была вооружена, и, кроме того, в случае необходимости к ней сразу же придут на помощь, хотя теперь эти меры предосторожности казались ей не такими уж обязательными. Чувство, которое она испытывала, походило скорее на любопытство, кроме того, ей очень хотелось встретиться с человеком, который знал ее такой, какой она была при дворе короля Франции: женщиной, совершенно не похожей на ту, какой стала теперь. Уже не впервые во время этого путешествия у нее возникало желание оживить в себе мадам дю Плесси-Бельер: блистательную женщину, царившую на балах в Версале, которую любил Филипп о которой мечтал сам король. Этот чудесный образ был уничтожен страшной ночью в замке дю Плесси, растворился во мраке, сгорел в пламени кровавой резни.

И все-таки это было не так уж давно. Всего шесть лет отделяли ее от того дня, когда король написал ей: «Моя незабываемая, не будьте так жестоки...»

В этот вечер Анжелику пугало не столько встреча с этим неизвестным свидетелем ее прошлого, сколько свои воспоминания, ставшие ей чужими теперь.

По мере того, как она продвигалась вперед, чувство реальности все больше покидало ее. И Анжелика шла не столько на свидание с незнакомцем, сколько на встречу со своим прошлым, с которым хотела восстановить связь.

Темный силуэт дома был теперь совсем рядом и она вынуждена была остановиться.

От острых лесных запахов у Анжелики перехватило дыхание, и она положила руку на грудь, как будто хотела заглушить громкие удары сердца.

Затем, собрав все свое мужество, она устремилась вперед и завернула за угол здания. Там она сразу же заметила фигуру мужчины, слабо освещенную рассеянным светом луны.

Первой мыслью, пронзившей мозг, была: «Это Филипп», хотя она знала, что это невозможно, Филипп мертв, его голову оторвало ядром. И все-таки в фигуре этого дворянина, стоявшего в двух шагах от нее, было что-то такое, что неуловимо напоминало ее второго мужа: маркиза дю Плесси-Бельер. Она не могла понять, что именно: его манера носить плащ или выставлять вперед ногу. Свет от зажженных на пристани огней осветил незнакомца. Она увидела даже блеск вышивки на его одежде. На нем был плащ с высоким воротником, завязанным золотым шнуром, концы которого были закинута за спину. Пряжки на туфлях, сделанных из тонкой кожи, тоже блестели. Вежливым жестом он поднес руку к своей шляпе, украшенной перьями, и учтиво поклонился, как это было принято при дворе. Когда он выпрямился, она увидела его милое и приятное лицо, черты которого ей показались незнакомыми. Он не носил парика — у него были прекрасные русые волосы. Красивый мужчина в самом расцвете лет! Он улыбнулся.

— Наконец-то, вы пришли! — воскликнул он голосом, дрожащим от волнения. — Анжелика, страсть моя! Вы, как эльф, явились ко мне, ваша очаровательная походка все так же воздушна и легка.

— Месье, откуда вы знаете меня?

— Что? Неужели вы не помните меня?

— Нет, честно признаюсь вам.

— Ах! Всегда так жестока! Какой удар... Вы все такая же, — повторил он удрученно, — всегда равнодушная к моим страданиям, и это пронзает мне сердце. Хорошо! Посмотрите на меня внимательно, посмотрите же.

И он приблизился к ней, пытаясь найти лучше освещенное место.

Это был не очень высокий, светского вида господин с мягкими изысканными манерами и меланхоличным взглядом.

Он опять покачал головой:

— ...Какое разочарование! Вот значит какой след оставил я в вашей жизни. Конечно, я не мог на многое надеяться. И все же! Вы видите, что значит страсть. Она была так глубока, что все эти годы я хранил надежду и мне даже почти удалось убедить себя, что вы поняли и разделили свою любовь. Эта мысль облегчала мои страдания, которые были вызваны вашим отсутствием.

Я хранил в памяти слова, с которыми вы обращались ко мне, выражения вашего незабываемого лица, я пытался разгадать тайну ваших редких улыбок и почти поверил, что несмотря на ваше молчание, вы не совсем равнодушны ко мне, и, кто знает, может даже немного любили меня и не говорили об это из страха или целомудрия. И вот теперь вы жестоко разрушили мои иллюзии. Это правда: вы никогда не любили меня.

— Я искренне сожалею, месье.

— Нет! Нет! Не вините себя. Увы! Нельзя заставить силой полюбить.

Он вздохнул.

— Значит, мое имя ни о чем не сказало вам?

— Но я не знаю его.

— Как! А письмо, которое я послал вам?

— Я не смогла различить вашу подпись! — Вскричала Анжелика. — Мессир, не сердитесь ради бога, но пишите вы ужасно.

— Ах! Значит только это. Вы снова возвращаете мне надежду. — И, повеселев, он взял ее руку и поднес к губам.

— Простите мое волнение. Одно лишь ваше слово может воскресить или убить меня. Я очень счастлив. Вы здесь, живая и невредимая. Мне кажется, что я сплю.

И он вновь пылко поцеловал ей руку. Теперь он была почти уверена, что знает его, и даже очень хорошо, но никак не могла вспомнить имя.

— Где я могла встречать вас? — спросила она его. Может при дворе? В окружении короля?

При этих словах он издал звук, похожий на икоту, что заставило отступить его на шаг назад.

— При дворе? — повторил он, широко открыв глаза. — Я мог вас встретить при дворе? Вас?

И внезапно ее озарило. Она уже видела его, слышала его голос... Но где же, где это было?

Он заметил, что она близка к тому, чтобы вспомнить. Его лицо просветлело.

— Да? Да? — торопил он ее.

И, протянув к ней руки, он внимательно следил за ее взглядом. Ч — Помогите мне, — умоляла она. — Где это было? Когда это было? Давно? Мне кажется, что не очень. — Два года!

— Два года?! Но значит мы встречались не в Версале... Два года назад? Значит это было в Ля Рошели.

— Месье де Бардань! — вскричала она, узнав наконец в этом человеке лейтенанта королевской гвардии, который в то время был губернатором Ля Рошели и в обязанность которого входило заниматься обращением гугенотов в истинную веру.

— Уф! Это вам удалось не без труда, — вздохнул он облегченно.

Ля Рошель! Это меняло все. Речь шла не о придворном тех времен, когда она блистала при дворе. Наоборот. И это обрадовало ее.

— Месье де Бардань! — повторила обрадовано Анжелика, — о, я так рада вновь видеть вас. Я

сохранила о вас самые теплые и нежные воспоминания.

— Теперь мне так не кажется!

— В этом есть и ваша вина, — упрекнула она его. — Вы встретили меня с таким важным и серьезным видом, между тем, я вспоминала о вас, только не прогневайтесь монсеньер, как о жизнерадостном, всегда улыбающемся человеке.

— Боль, которую я ощутил, потеряв вас, изменила меня.

— Простите, я не подумала. А разве вы не носили тогда маленькие усики?

— Я их сбрил. Теперь это не модно.

Она смотрела на него с возрастающим интересом. Нет, он совсем не изменился. Ля Рошель! На нее нахлынули воспоминания: вот господин де Бардань останавливает свою карету и провожает ее, несмотря на то, что она одета в бедную одежду служанки, а вот он в маске и плаще темного цвета ждет ее на дороге, когда она возвращается после стирки с огромной корзиной белья.

— Так вот почему Онорина сказала мне, что вы ее друг.

— Да, она узнала меня сразу же, прелестное дитя. Когда я увидел ее на берегу, среди этих канадских сорванцов, то чуть было не лишился чувств от радости и изумления. Я подошел к ней, не веря своим глазам. И она сразу же бросилась ко мне, как будто мы расстались только вчера.

— Теперь я понимаю, почему она размахивала перед моим носом золотым колечком, маленькая плутовка. Это ведь вы ей подарили его когда-то.

— Да, действительно! Вы ведь не хотели его принять, помните?

— Это была слишком красивая и дорогая вещь для служанки.

— Вы никогда и ничего не хотели принимать, дорогая моя, — вздохнул он и посмотрел на нее с трогательной нежностью.

И неожиданно они взялись за руки, ища в глазах друг друга отражение прошлого.

— Я счастлива, искренне счастлива вновь видеть вас, — сказала она. — Так улыбнитесь, дорогой господин де Бардань, чтобы я смогла узнать вас.

— Да, моя прекрасная служанка.

Они улыбнулись, и внезапно губы господина де Барданя встретились с губами Анжелики. Это был скорее дружеский поцелуй, и Анжелика с радостью ответила на него. Он напомнил ей о мгновениях, которые когда-то дарили ей столько удовольствия.

В течение этих двух лет она совсем забыла господина де Барданя. Но встреча с ним вновь оживила старые отношения, в которых он был галантным и любезным кавалером и которые были приятны Анжелике, несмотря на трагическую атмосферу в Ля Рошели, жители которой были подвергнуты гонениям из-за религиозных убеждений. Бардань в то время был губернатором, самым могущественным человеком в городе, а она, несчастная женщина, находилась в самом низу общественной лестницы, и, кроме того, за ее голову была назначена награда. Она привлекла его внимание, и он безумно влюбился в нее. Ему трудно было понять, почему эта бедная служанка равнодушна к признаниям королевского губернатора. Все кончилось тем, что, несмотря на свое высокое положение, он бросил к ее ногам свое имя, титул, свою карьеру, таким сильным было чувство, которое она внушила ему. Он утверждал, что один лишь вид ее вызывал в нем столько волнения, сколько он никогда ни с кем не испытывал. И конечно, отказ Анжелики лишь усилил эту страсть.

Теперь все начиналось вновь.

— Ах! — вздохнул он, держа ее за руку и глядя в лицо. — Так значит это вы! Я вновь узнаю ваши милые черты, рисунок ваших губ, о которых столько мечтал. И если у меня и остались хоть какие-то сомнения, то они тотчас пропали, как только я погрузился в сладостное волнение, которое лишь вы способны возбудить в моем сердце и из-за которого я становлюсь беспомощным и слабым. Но вы нисколько не изменились.

— Вы тоже не изменились, господин де Бардань. По крайней мере, мне так кажется.

— Но в чем секрет вашего обворожительного очарования? — спросил он. — При одном лишь звуке вашего голоса я зажигаюсь и чувствую непреодолимую зависимость. Должен ли я жаловаться? Не знаю. Такая любовь — божий дар. Без нее моя жизнь была бы пуста, хотя мне и пришлось дорого заплатить. Идите сюда и сядьте рядом со мной, дитя мое. Здесь есть скамейка под навесом.

Они сели и сразу же погрузились в густую темноту, скрывавшую их от любопытных взглядов.

Ночь своей бесшумной и незаметной поступью тихонько подкрадывалась к ним. Николая де Бардань ласково обнял Анжелику за плечи. От него пахло порохом и тонким запахом сирени. Это вызывало у нее восхищение. Стоило вспомнить, в каких ужасных условиях проходило его плавание на «Иоанне Крестителе», чтобы оценить его галантность и изысканность. Он принадлежал к тем светским львам, которые при любых обстоятельствах и любых условиях, особенно перед дамами, сохраняют безукоризненный вид и считают это чуть ли не священной обязанностью.

— А ведь я должен был вас ненавидеть, — вновь заговорил он, как бы продолжая свою мысль. — Ведь вы насмеялись надо мной, скверное, маленькое создание, бесстыдно солгав мне, вы сделали из меня посмешище. Но что я мог? Из-за вас я потерял голову и сегодня

готов простить вам все. Вы рядом со мной, моя рука обнимает вас, такую хрупкую и вместе с тем такую сильную. Неужели это возможно? Но все-таки теперь моя очередь говорить, — сказал он, приходя в крайнее возбуждение. — Я не боюсь признаний, и я заставлю заплатить вас.

— Тихо! — прервала она его. — Не кричите так сильно... Она с беспокойством посмотрела вокруг себя и, как будто осознав, где находится, сказала:

— Мне надо идти.

— Что? Уже? Нет! Это невозможно... Слышите, я больше никогда не отпущу вас. Скажите, вы еще с вашим хозяином?

— Моим хозяином? — удивилась Анжелика, это слово поразило ее, еще когда читала письмо.

— Да, с этим торговцем Берном, упрямым и своевольным, который охранял вас в своем доме, не давая мне приблизиться к вам. Это за ним вы последовали в Канаду?

— В Канаду? — воскликнула она. — С гугенотом? Кого вы ищите здесь? Может быть, вы совсем потеряли рассудок, господин королевский лейтенант. Или вы ответственный по делам реформации? Мы в Новой Франции, мессир. Это ультракатолическая страна, где полиция так же сильна, как и в Ля Рошели. Здесь не приют для гугенотов, бежавших от королевских драгун.

— Это правда! Кажется, я совсем потерял голову. По вашей вине я начинаю говорить глупости. И все из-за того, что не могу думать ни о чем, кроме вас. И все-таки вы должны быть наказаны за все то зло, которое мне причинили. Можно ли найти большего притворщика, чем вы, моя лицемерка, который с видом ангела мог лгать вам прямо в глаза? Да. Этот хозяин Берн! Поговорим о нем. Признайтесь, что это вы помогли бежать известному гугеноту, хотя и уверяли меня, что приставлены к нему дамами из Братства Святого

Причастия, чтобы попытаться обратить его и его семью и искупить свои грехи... И я, я поверил вам, стал доверять, перестал заниматься этим подозрительным еретиком, хотя мог найти много причин, чтобы бросить его в тюрьму за предательство веры и своего суверена. Из снисхождения к вам я пренебрег обязанностями, которые были возложены на меня как на лейтенанта короля и губернатора Ля Рошеля; кроме того, я нарушил обещание, данное мной ведомству по делам религий, что в течение двух лет Ля Рошель станет католическим городом. Вы мне очень помогли. О-ля-ля! Какая прекрасная работа!

Дрожа от негодования, он взял ее за подбородок и заставил посмотреть ему прямо в глаза.

— Только посмейте сказать мне, что это не правда и что вы не лгали мне, как это делают ярмарочные зазывалы, обещая вырвать без боли зуб, что вы не провели меня как мальчишку, что вы не воспользовались мной как прикрытием для того, чтобы позволить этим несчастным безбожникам скрыться.

Он весь дрожал от гнева и прошлого унижения. Анжелика, зная, насколько он прав, предпочла хранить молчание.

Вскоре он успокоился. Все еще напряженный, он вглядывался в густую темноту, замороженный тихим светом, который исходил от женского лица, обращенного к нему. Раздался глубокий вздох: отпустив Анжелику, Бардань откинулся в сторону.

— Что делать? Рядом с вами я становлюсь беззащитным, — простонал он, — хотя и знаю, как вы коварны. Я проклинал вас, клеймил позором, но это не облегчило мои страдания. Стоило вам лишь на мгновение оказаться рядом со мной, как я вновь почувствовал себя вашим рабом, трусливо позабывшем о всех прежних унижениях, о несчастьях, которыми вам

обязан, о моей сломанной карьере, о моих потерянных кредитах, о моей загубленной по вашей вине жизни.

— Как это? По моей вине?

— Конечно, вы не помните. Я отправился в Париж в полной уверенности, что представляю один из многообещающих докладов ответственным по делам обращения гугенотов, моему непосредственному начальству из Братства Святого Причастия и представителям министерства по делам религий, которые следили за положением дел в провинции.

Я хотел рассказать и о большом прогрессе, который наблюдается в Ля Рошели, и что там осталось лишь несколько упрямцев гугенотов, которые не хотят отречься от своей веры, но которые потеряли влияние на своих единоверцев. В моем докладе я собирался указать на спокойную обстановку в городе, которая способствовала такому хорошему результату.

Вы знаете, что моей политикой было всегда не принуждение, а убеждение. Я, не колеблясь, вступал в богословские споры, пытаюсь привлечь этих упрямых протестантов в лоно истинной церкви, убедить их добровольно отречься от ереси. Я старался найти компромисс между властью иногда очень жестких законов и вполне объяснимыми человеческими чувствами. Вы помните, как я уладил дело старого дядюшки Лазаря, тело которого должно было быть предано поруганию? Я избавил его от позора и надеялся, что семья Верное в благодарность за это будет более сговорчива. Как бы то ни было, я собирался представить вполне убедительные факты и результаты, которыми я вполне был удовлетворен. Холодный прием, оказанный мне в Париже, удивил меня. Его причину я понял лишь тогда, когда вернулся в Ля Рошель.

Там меня ждало такое, от чего у любого человека волосы бы встали дыбом.

Моя самая ценная дичь ускользнула, отряд королевских драгун утонул, свалившись в пропасть, военный корабль затонул и соответственно количеству доносов — бесчисленные аресты.

Кроме того, на мою голову свалился генеральный штаб адмиральского корпуса с острова де Ре.

— Но почему? Какая была причина?

— Из-за этого затонувшего корабля и потому что арестовали мадам Демури. Вы должны ее помнить, это католичка, которой Комитет по обращению гугенотов доверил детей Бернов.

— А! Сестра хозяина Берна! И... что, ее арестовали?

— Конечно, ведь она позволила им убежать, и с кем? Конечно, с вами.

Несмотря на поручение, возложенное на нее Комитетом, она доверила детей вам, не знаю, к какой лжи вы для этого прибегли, что же, вам не привыкать. Она оказалась в довольно щекотливом положении. Ее муж, морской офицер, занимал высокое положение на флоте, был любимчиком генерала. Этот арест наделал много шума.

Что касается меня, то жизнь в этом городе, к которому я привык, где у меня были отличные друзья, высокое положение в обществе, которое позволяло достичь благородных целей; городе, в котором, несмотря на гугенотов, мне было хорошо и приятно, — стала для меня кошмаром. Хуже всего, что виновным во всем, что случилось, считали меня. Бомье... вы помните Бомье?

— Этого маленького страшного инквизитора?

— Да. Так вот, этот Бомье приготовил мне ужасную ловушку, которую вы привели в действие.

— Опять я!

— Да, вы, маленькая Святая Нитуш, вы и ваши друзья — протестанты, самые значительные в Ля Рошели, которые не только занимали высокое

положение в своей церкви, но и ведали ее финансами, — вы все улизнули в Америку из-под носа полиции, что никому еще не удавалось и что, как я обещал королю, никому не удастся. И вот эти подданные короля, обращение которых должно было способствовать пышному расцвету и укреплению города, ускользнули от королевского правосудия.

И все же, это было ничто по сравнению с тем ударом, который вы нанесли мне, исчезнув вместе с ними! О, какие муки мне пришлось испытать!

Некоторое время он молчал, переводя дух, затем продолжил:

— Я был арестован и чуть было не отправлен на галеры. Я, лейтенант королевской гвардии, и на галеры! Вот до чего я дошел. Я был назван изменником, клятвопреступником, ренегатом. Бомье обвинил меня даже в том, что я старый протестант, я, наследник славного католического рода из Берри.

— Это ужасно! Мне очень больно слышать об этом. И как вам удалось вырваться из этого осинового гнезда?

— Благодаря адъютанту господина де Рейни, лейтенанту королевской полиции, который известен как его правая рука. Этот полицейский находился в Ля Рошели, когда я туда вернулся. С его помощью я избежал участи быть отправленным через весь город в глухой карете с железными решетками.

И увидев, что Анжелика сделала едва заметное движение, он воскликнул:

— Вы догадались, о ком идет речь. Он знаком вам, этот полицейский, не так ли? Вам не понадобилось много времени, чтобы определить, кто это. Итак, скажите мне его имя.

— Франсуа Дегре, — живо откликнулась она.

— Он самый.

И Николя де Бардань глубоко вздохнул, пытаясь сдержать ярость. Ему это не удалось и он взорвался:

— Франсуа Дегре, он самый! Можете ли вы мне сказать, что было между вами и этим угрюмым полицейским: мне кажется, что он вас очень хорошо знал.

— Господин губернатор, прошу вас, не будьте ревнивы.

— Как мне не быть ревнивым, когда я вызвал у этого типа улыбку, в которой явно читалось, его превосходство. Он говорил о вас с такой вызывающей фамильярностью и дерзостью, как будто вы принадлежали лишь ему одному и как будто он один во всем мире способен любить вас, утешить вас и понять. Если бы вы знали, какие муки я пережил.

— Но вы говорите, что он оказал вам услугу.

— Да, признаю, что без него я бы пропал. Бомье уже вынес свой безжалостный приговор. Дегре избавит меня от галер и, может, даже от петли, я не отрицаю это. Могущество этих мрачных господ из полиции не имеет границ в наше время. Король, желая избавить Париж от бандитов и воров, развязал им руки. Это привело к тому, что теперь они повсюду суют свой нос. Этого Дегре ничто не остановит, никакая преграда, никакое имя, каким бы громким оно ни было.

В прошлом году он арестовал одну очень знатную даму под предлогом, что она отравила своего отца, брата и членов семьи. Хотя я не могу понять, как можно бросать за решетку принцев и герцогов, словно это простые бродяги. Дегре хвастался, что следил за ней в течение долгого времени, ожидая подходящий момент, и что он можег арестовать также и других людей, какое бы высокое положение они не занимали. Какая наглость! Он не признает ни Бога, ни короля.

— Эту отравительницу приговорили?

— Да! Короля не остановило, что она была дочерью государственного советника. Он следует принципу, что преступники все равны перед законом. Все-таки она

избежала костра — ей отрубили голову. На этот раз Дегре победил, но пусть он будет осторожен — так можно пойти слишком далеко.

И он снова сделал усилие, чтобы успокоиться, сдержать поток злых упреков, готовых сорваться с языка.

— Заметьте, что я тоже мог поставить его в затруднительное положение. Было очевидно, что он помог убежать вам, ему едва удалось скрыть правду. Бомье, не зная этого, бросал на него бешеные взгляды. Но Дегре лишь насмеялся над ним. Он и мне рассмеялся прямо в лицо, когда я сказал ему, что он равнодушен к вам. Он знал, что я слишком дорожу вами, чтобы разыгрывать эту карту. Но я мог бы, и он понял это. Я сказал ему: «Хорошо, я буду молчать, только вытащите меня из этой дыры». Какая ужасная встреча! Вы разделили нас как всепожирающее пламя, в котором сгорели наши честь и достоинство. Я пытался объяснить ему, что вы внушили мне такую страсть, что я перестал понимать, что происходит вокруг. Он смеялся и говорил: «Вы думаете, что вы первый человек, которого она свела с ума и который попал из-за нее на виселицу». Я никогда не забуду тягостную атмосферу, в которой происходили эти диалоги. Смертные муки, которые я пережил в маленьком мрачном кабинете Дворца Правосудия в Ля Рошели наедине с этим насмешливым палачом, который заставлял страдать меня, произнося одно лишь ваше имя. О вас, которую я боготворил, такой красивой, умной, обаятельной, достойной уважения, с маленьким ребенком на руках, он говорил таким тоном, что все мои чувства были возмущены. Со временем я понял ужасную вещь: вы принадлежали ему, и это забавляло этого презренного полицейского, издевавшегося надо мной — Это было ужасно! Я представлял, как он держит вас в

своих объятиях. Я смотрел с ненавистью на его мерзкий рот, который целовал вас.

— Но у Дегре вовсе не мерзкий рот, — возразила Анжелика. Ее вмешательство повергло в уныние Николая де Барданя. Некоторое время спустя он вновь заговорил:

— Знайте, что этот мерзавец заставил меня дорого заплатить за свои услуги. Он хотел отомстить за то, что вы тоже, хотя и немного, улыбались мне. Этот человек преподавал мне хороший урок. Я знаю, что он был прав. Вы одна из тех женщин, которых невозможно забыть, какой бы ничтожной ни была милостыня, которой вы одарили: взгляд, улыбка... Вы самая загадочная из всех, самая непостижимая. Ожидание счастья... Женщина! И вновь он отодвинулся назад и прислонился к стене.

— А может, это сон? — раздался его тихий, как будто издалека, голос. — Где мы? На краю земли. И вы здесь, рядом со мной. Вы, которую я уже не мечтал встретить, появились здесь, в окружении этого дикого и пустынного пейзажа, после того как я чудом избежал смерти во время плавания. Может быть, это сон? Или я на самом деле умер?

У Анжелики больше не было сил слушать бурные излияния Барданя, его страстный рассказ доводил ее до изнеможения.

Все эти события были еще слишком свежи в ее памяти. Мысли Анжелики закружились в вихре воспоминаний, которые вернули ее в недавнее мучительное прошлое, где пахло чернилами, повсюду были разбросаны ворохи бумаг, залитые бледным, тусклым светом. Она ощутила ту же тоску и удушье, как и тогда, во Дворце Правосудия Ля Рошели, когда за окном море и ветер звали ее к свободе, а перед ней сидел полицейский Франсуа Дегре, с огоньком в глазах и злобной усмешкой в уголках рта, которая смягчалась при ее виде.

Ей было жаль Николая де Барданя. Она понимала, как страшно впасть в немилость, тем более для человека, который привык со страстью отдаваться работе и добиваться успеха.

— Успокойтесь! — громко сказала она. — Мой бедный друг, все это уже позади, но я все же прошу от всего сердца простить меня. Я с радостью вижу, что вы оправились после тех ужасов и вновь крепко стоите на ногах. Мне кажется, что сейчас вы занимаете подобающее вам положение.

— Да, мне улыбнулась удача! Конечно, я не с большой радостью выбрал Квебек, чтобы продолжать свою карьеру, просто представился случай отправиться с секретной миссией, и я воспользовался им, чтобы восстановить свою репутацию.

— Это касается религии?

— И да, и нет. Речь не идет прямо о религиозных делах, но, так же как и в Ля Рошели, требуется умение общаться с людьми церкви. И это тоже была одна из причин, почему выбор пал на меня. Моя роль в Квебеке очень деликатна, но мне даны особые полномочия, и я могу действовать по своему усмотрению.

— Значит, вы и есть тот высокопоставленный чиновник с «Иоанна Крестителя», о котором известно, что он сильно болен.

— Как любопытны люди в этих богом забытых селениях, но тихо! — сказал он, оглядываясь вокруг. — Желательно, чтобы никто не догадывался о том, насколько важна для меня эта миссия.

— Но почему?

— Из-за этих пиратов, которые захватили нас на рейде в Тадуссаке.

Анжелика вздрогнула.

— Вы говорите... об этом корсаре, флот которого стоит сейчас у берегов Тадуссака? О графе де Пейраке?

— Граф де Пейрак! Вы говорите о нем с такой учтивостью. Для меня он пират. Правда, жителям колоний все равно, кто бросает якорь у их берегов, тем более, если у него карманы набиты золотом. Меня предупредили. Было бы губительным для моей миссии, если бы этот пират заинтересовался моей особой, потому что, скажу лишь вам, по секрету...

И он наклонился к ней, шепча на ухо:

— ...Миссия, которая на меня возложена, касается его.

Глава 3

От этих слов сердце Анжелики бешено забилося. К счастью, посланник не видел ее лица и то, как она внезапно побледнела.

— Случай, — продолжал он, — свел нас в устье реки Святого Лаврентия. В некотором смысле, это даже удачно, потому что позволит быстрее справиться с поручением. Для меня эта встреча была полной неожиданностью. Мне было известно, что он находится где-то на юге, в Акадии, и мало-помалу отбирает наши владения. Я решил отправиться вначале в Квебек, чтобы с правительством Новой Франции разработать план кампании. Но, о чудо! Он здесь, в наших владениях. Признаюсь честно, я испытал некоторое волнение, когда узнал, что корабли, внезапно появившиеся перед нами и пытавшиеся преградить нам путь, принадлежат ему. Я подумал, что он знает о моей миссии и ждет меня, чтобы захватить в плен. Но это было не так, да и казалось невозможным, чтобы он догадался о моем приезде, если, конечно, исключить магию. Решение было принято в самый последний момент и держалось в строгом секрете.

Он даже не подозревал, что я слышал о нем. Перед тем как нас захватили в плен, я раздал золотые матросам и капитану, чтобы они хранили в тайне мое имя и цель моего приезда в Квебек. К счастью, как и всех пиратов, его интересовало лишь содержимое трюмов «Иоанна Крестителя». Представьте себе, что он забрал четыре бочки бургундского, которые я привез в подарок господину де Фронтенаку. Ничего, сейчас мы пока бессильны что-либо сделать. Он со своими пятью кораблями сильнее нас. Важно то, что он не видит в нас

опасных противников и позволяет продолжить путь в Квебек.

Анжелика видела, что Бардань даже и не подозревает, кто сидит перед ним. Он считал ее жительницей Тадуссака, которая тоже находится во власти «пирата», в противном случае королевский посланник не говорил бы с ней так откровенно.

— Чем вызван такой интерес к этой персоне? Разве колония не может сама решить этот вопрос? — спросила она.

— Это очень сложное дело, этим и объясняется важность моей миссии. Речь не идет о простом авантюристе, его благородное происхождение обязывает нас отнестись к нему с большим вниманием, чем к какому-нибудь обычному флибустьеру. Кажется, он захватил земли, принадлежащие французской короне. Более того, я должен выяснить, не является ли он неким Рескатором, знаменитым ренегатом, который в Средиземном море причинил много неприятностей его величеству, нападая на его галеры. Это, конечно, все усложняет.

Дыхание Анжелики вновь стало частым и прерывистым, на этот раз ей не удалось его успокоить.

Глядя чужими глазами на поступки Жоффрея, она понимала, что его можно считать не только врагом Новой Франции, но и всего королевства во главе с его сувереном. Для них он был ренегатом, отступником, что являлось самым тяжким преступлением. С таким человеком не возможен был никакой союз, никакие переговоры. Мнение, сложившееся о нем, было основано на рапортах, присылаемых в течение двух лет из Америки, и на фактах прошлых лет, которые были извлечены из архивов полиции. Они интуитивно чувствовали, что именно в прошлом этого загадочного авантюриста Северной Америки следует искать оружие, способное уничтожить его, или, По крайней мере,

представить его населению Канады как врага королевства.

И разве заговор, приготовленный в высоких кругах, не имел целью уничтожить его? Вначале они пытались использовать его собственные методы, послав пирата Золотую Бороду, который должен был захватить территорию Жоффрея де Пейрака, затем они расставили более тонкую ловушку с Демоном.

И вот сейчас они послали специальную миссию, которая должна была политическими, официальными методами уничтожить того, против которого их ловушки оказались бессильны.

Враг не дремал. Но кто подготовил все эти заговоры: иезуиты, Оржеваль, Кольбер, Торговая Компания, Братство Святого Причастия? Или, может, все вместе?

— И кто же послал вас с таким поручением? — спросила она после некоторого молчания, стараясь придать голосу спокойствие.

— Король.

— Король? — вздрогнула она, широко открывая глаза. — Вы хотите сказать, что сам король разговаривал с вами по этому поводу?

— О, да! Мое дорогое дитя. Что здесь необычного? Представьте себе, я обладаю достаточным весом, чтобы быть принятым его величеством, который лично дал мне некоторые распоряжения и рекомендации. Я около часа говорил с ним наедине об этом человеке и смог убедиться, что его величество весьма тщательно изучил досье де Пейрака. Не сомневайтесь, наш суверен являет нам в таких делах достойный пример.

Анжелика покачала головой, пытаясь сказать: «Да, да, я знаю»; но ни единого звука не вырвалось из ее груди. Эти слова сильно взволновали ее. Она вспомнила короля, его таланты, отвагу, жажду славы, ревнивое

отношение к власти — все то, что сделало его одним из самых величайших королей своего времени.

И хотя у нее и Жоффрея де Пейрака была иллюзия свободы на американской земле, они все равно продолжали зависеть от королевской власти и могли быть уничтожены ею.

Она поняла, что король не забыл о них. Людовик XIV, лично склонившись над бумагами, изучал секретное досье, где огнем было выжжено имя графа де Пейрака. Чувствовал ли он, что за всеми этими приговорами, рапортами полиции, донесениями из Америки, за всей этой историей с призраком, который, как он думал, исчез навсегда, скрывается женщина? Та, которая однажды, во время непогоды, в Трианоне, повернулась и крикнула ему: «Вы никогда не будете обладать мной, его женой, женой Жоффрея де Пейрака, которого приказали сжечь заживо на Гревской площади».

Видя, как она взволнованна, и объясняя это своим рассказом, очарованный ее растерянностью, которая тронула до глубины души и сблизила его с ней, Никола де Бардань в порыве нежности наклонился и, как бы защищая ее, обнял за плечи. Затем, боясь, что она простудится, он плотнее укутал ее плащом. Не в силах сдержать страсть, горячей волной поднимавшуюся в нем, он несколько раз поцеловал ее в висок. Но Анжелика, казалось, не заметила этого, погруженная в свои раздумья. Она почувствовала лишь его объятия, которые согревали и успокаивали, прогоняя мрачные мысли, и сильнее прижалась к его плечу. Усталость и напряжение лишили ее сил. Неужели эта изнурительная борьба будет продолжаться вечно и они никогда не смогут жить в мире и согласии с окружающими.

Несмотря на холод, пронизывающий ее, она почувствовала, что ее лоб горит. Ей вдруг так захотелось попросить защиты у этого сильного

мужчины, прижаться к его мужественному плечу, забыть о том, что он был ее врагом, и отдаться во власть ему, человеку, способному разрушить ее жизнь. Это было интуитивное, неосознанное желание, и оно шло откуда-то изнутри. Она понимала, что ее беспомощность рождает в нем неосознанное желание, и оно шло откуда-то изнутри. Она понимала, что ее беспомощность рождает в нем гораздо больше сострадания, чем если бы она упрямылась и делала гордый и неприступный вид. Это уже было когда-то, в Ля Рошели, где он, несмотря на любезность и терпимость, мог одним лишь словом, движением брови разрушить хрупкий мир, которым она наслаждалась в доме Бернов и где она могла перевести дух и восстановить силы вместе со своим незаконнорожденным ребенком. Чем сильнее она пыталась его сохранить, тем хуже ей это удавалось. Он был опасен лишь потому, что служил безжалостной власти, и Анжелика использовала его любовь, чтобы бороться с тиранией и ставить ей западни. Ее мучило противоречивое чувство: она остерегалась его и в то же время испытывала доверие. — Почему вы не согласились последовать за мною в Берри? — прошептал он. — Я хотел поселить вас в своем родовом замке. Вы бы проводили там вместе со своим ребенком чудесные дни. Живя среди лесов и полей, вы бы питались продуктами из моих садов и огородов. У меня там плодородные земли, большие запасы леса на зиму, прекрасная мебель, хорошие книги, преданные слуги. Берри — это тихая, спокойная провинция, удаленная от бурного течения светской жизни. Ожидая меня там, вы бы позабыли о человеческой жестокости и о зле, которое вам причинили. Я ни к чему бы не принуждал вас и лишь надеялся, что когда-нибудь вы сами придете ко мне.

Анжелика не помнила сейчас об этом предложении, увезти ее и спрятать в Берри, Хотя все было возможно.

— И что же вы делаете в этих диких краях? Вы ничего не рассказали о себе.

Он колебался, ему не хотелось говорить об этом, лучше было бы для него ничего не знать о ней, а просто держать в своих объятиях и думать, что она принадлежит только ему. Но он сделал усилие и продолжил:

— Если вы больше не служите у хозяина Берна, то у кого? Или... С кем вы живете? Увы, я не питаю иллюзий, — с горькой усмешкой сказал он, — Дегре просветил меня в отношении вас. Вы не так строги и неприступны, как я думал, но я научился подавлять свою ревность. Вы слишком красивы, чтобы в одиночестве, покинутой всеми, нести тяготы жизни и не разделять их с другим мужчиной, не правда ли?

Анжелика догадалась, что он, вопреки логике и смыслу, надеялся на то, что она свободна, живет одна, вдали от любовных утех, и мужскому обществу предпочитает одиночество и воспитание своей дочери. Ей было жаль разочаровывать его, Кроме того, то, что она должна была рассказать ему, ставило ее в довольно затруднительное положение. Скорее всего, он ожидал, что Анжелика вышла замуж за охотника или ремесленника, приехавшего из Франции. Но она не могла дольше оставлять его в неведении и, собрав все свое мужество, сказала:

— Вы угадали, я не живу одна. (При этих словах он не мог сдержать улыбки.) У меня есть покровитель. Послушайте, я хочу быть с вами откровенной.

— Надеюсь, что хоть в этот раз.

— Мой выбор может удивить вас.

— К чему вы меня готовите? — спросил недоверчиво Бар-дань. — Я прошу вас, продолжайте. О чем идет речь? Или вернее сказать, о ком?

— Об этом... Ну хорошо! Об этом пирате, о котором вы мне только что говорили...

Она хотела добавить: «Я его жена», но не успела. Его реакция была бурной и неожиданной.

— Вы не сказали мне, что находитесь в руках этого морского разбойника.

— Но так получилось.

— Это безумие! В это невозможно поверить. Какое несчастье! Знаете ли вы, что это очень опасный человек? Циничный авантюрист. Если бы вы только смогли представить, что знаю я об этом человеке и что рассказал мне король. Он спутался с дьяволом и за это лишен титула, изгнан из королевства и вынужден бродить по всему свету. Сейчас он настолько обнаглел, что настаивает на своем прежнем имени и титуле, хотя они были запятнаны, когда его приговорили за колдовство.

— Но разве этот приговор не мог быть ошибкой?

— Человека не приговаривают к сожжению на костре без всяких оснований. Церковь сейчас очень осторожна, а инквизиция, как никогда, действует осмотрительно.

— Не будьте лицемером, — вскричала, сама того не желая, Анжелика. — Вы знаете, какие комедии разыгрываются за закрытыми дверями инквизиции.

Изумленный ее порывом, граф де Бардань подозрительно посмотрел на Анжелику:

— Вы боитесь за этого негодяя? Значит, вы привязаны к нему? Не могу в это поверить. Вы, Анжелика, пали так низко! Вы катитесь прямо в пропасть. Я прошу вас, не разочаровывайте меня еще больше, или вы хотите, чтобы я навсегда расстался с прекрасным образом. Может, добродетель уже ничего не значит для вас? Наверное, я выгляжу сейчас очень наивно и вы воспользовались этим.

Увы! Это так, — продолжал он, когда его гнев утих, — я знаю все ваши недостатки, и все-таки я обожаю вас. Я понял, обстоятельства вынудили вас пойти на это, когда, не имея защиты и поддержки, вы в одиночестве скитались по свету...

Почему вы не последовали за мной в Берри? Я бы помог вам, укрыл бы от неприятностей и невзгод. Оставим это. Еще не поздно. Я спасу вас! Бросьте этого человека, покиньте его и идите со мной. У меня есть власть. Даже пират, привыкший к беззаконию, не сможет выступить открыто против посла его величества. Я приложу все свои силы, чтобы вырвать вас из лап этого негодяя.

— Месье, это невозможно! Я замужем.

— Но за кем?

Первой реакцией Барданя был ужас.

— Я открылся вам, рассказал о своей секретной миссии. Вы предадите меня?

— Нет конечно. Я очень рада, что вы доверились мне. Я могу помочь вам избежать недоразумений.

Я бы хотела рассказать вам о том Рескаторе, дворянине, каким я его знаю. Рано или поздно вы все равно узнаете правду. Да, его имя гремело на Средиземном море, но он не грабил и не пиратствовал. Можно сказать даже, что он навел там порядок, взяв под контроль все торговые операции. Ему иногда приходилось встречаться с галерами его величества. Но здесь, в Канаде, в спокойной обстановке, встретившись с ним, вы сможете понять, насколько уважительно он относится к Франции, королю и его подданным.

— А если он вздернет меня на рее?

— Зачем ему это нужно? Он отправляется в Квебек с мирными намерениями, и господин де Фронтенак подтвердит вам, что это всего лишь дружеский визит.

— Зачем ему тогда понадобился флот из пяти кораблей? Хочется верить, что на этот раз вы не

обманываете меня. Действительно, это помогло бы мне выполнить поручение быстрее, чем я рассчитывал. Мне кажется, что судьба начинает благоволить ко мне.

Анжелика уже поздравляла себя, что импульсивный Николя де Бардань так легко отнесся к ее признанию, но это была лишь первая реакция. После некоторого раздумья он словно очнулся:

— Нет! Нет! — взволнованно вскричал он. — Замужем! Вы замужем за этим пиратом. Это незаконно, это кощунственно, Я допускаю, что вы живете с ним, но вы не можете быть его женой. Зачем вы меня обманываете? Это становится нестерпимым. В любом случае он не может жениться на вас. Он граф и принадлежит древнейшему французскому роду. А кто вы? Служанка! Правда, Дегре намекнул, что у вас хорошее происхождение и приличное воспитание, чем вы и воспользовались, чтобы выйти замуж за этого человека. Нет, не могу в это поверить. Вы лжете. Но я все равно люблю вас и ради этой роковой страсти готов на все, лишь бы вы принадлежали мне. Я слишком долго ждал, страдая вдали от вас. Анжелика, как горько сознавать, что вы способны внушать чувства людям без принципов, которые обладают достаточной наглостью, чтобы завоевать вас. Этот распутник Дегре! Этот безбожник Берн! Неужели вы думаете, что я был настолько глуп в Ля Рошели, чтобы поверить в сказку о хозяине и служанке. Вздор! Вы жили под его крышей, вы спали в его постели.

— Достаточно, месье, — прервала его Анжелика. Она попыталась встать. — Я устала от всех этих старых историй, вы оскорбили меня, я не собираюсь больше слушать вас. Я ухожу...

Граф де Бардань схватил ее за руку и попытался силой усадить на место.

— Простите меня, простите, — быстро заговорил он, — я отвратителен и признаю это. Но после всего, что

случилось, я забываю, что это Вы, очаровательная женщина, околдовавшая меня, а не коварное и лживое существо, способное на предательство. Но теперь мне все равно. Хотя вы и были причиной моих страданий, я не перестаю боготворить и обожать вас. Вы самая очаровательная, самая прелестная, в вас столько огня, жизни, мечты.

И он вновь крепко прижал ее к себе и, наклонившись, теперь с жадностью поцеловал Анжелику. Его язык с силой раздвинул ее губы в надежде, что она ответит взаимностью. Словно обезумев от жажды, он припал к этому источнику наслаждения и с жадной страстью пил из него, боясь, что он исчезнет прежде, чем ему удастся насытиться после всех пережитых страданий.

Прошло немало времени, прежде чем к нему вернулась способность воспринимать окружающее и он убедился, что это действительно она — в его власти, в его объятиях — и что это ее губы нежным трепетом отвечают на его страстный призыв.

Он медленно и с трудом оторвался от нее, все еще не до конца приходя в себя.

— Господи, благодарю тебя! — глухо произнес он, — Боже, какое наслаждение ваши губы!

— Неужели вы действительно считаете, что и здесь не обошлось без Всевышнего? — спросила Анжелика, с трудом переводя дыхание.

— Да, теперь я начинаю понимать, что это он послал меня сюда и наградил за все мои мучения, Я был унижен, моя честь поругана, но страдал из-за справедливости, из-за любви. Когда я думал, что все потерял, что всеми покинут, как Иов, появились вы. Не правда ли, это чудо? Знак небес?

Их окружал густой мрак, и лишь мягкий свет луны, пробивавшийся сквозь пелену облаков и навес, где сидела Анжелика, позволял ей уловить взгляд графа. В

нем было так много нежности и глубины. Трудно было поверить, что он принадлежит легкомысленному лейтенанту королевской гвардии, губернатору Ля Рошели.

Лунное сияние отражалось в его глазах, придавало им необычный серебристый оттенок.

«Я никогда не замечала, что глаза могут быть так красивы», — подумала Анжелика.

Его бледные губы, чуть приоткрытые в страстном порыве, были так привлекательны, что Анжелику охватило непреодолимое желание еще раз прильнуть к ним. Этот поцелуй, казалось, длился вечно. Окружающее перестало существовать для них.

С безграничным изумлением Анжелика чувствовала, как страсть, охватывая все ее существо, рождает влечение к этому человеку: «На этот раз Демон победил», — мелькнула у нее мысль. Ей даже показалось на миг, что она видит его, летящего в ночном небе.

Придерживая одной рукой затылок, он другой рукой осторожно взял ее за подбородок и мягким, но решительным движением запрокинул ей голову. Теперь наступила ее очередь страстно желать его прикосновений. Он разбудил в ней чувство, которому трудно было дать название, — оно оживляло ее тело и душу, все еще не оправившиеся после борьбы с Демоном, — и которое пошатнуло ее привычное представление о жизни, о себе самой, о своей судьбе и даже о Нем.

В человеке, который целовал ее, она увидела всех тех мужчин, которые обожали ее: короля, Дегре, Поэта. Это они, склоняясь сейчас над ней, уверяли, что любят, любили всегда, что страсть их, несмотря на разлуку, становилась сильнее из года в год. Это рождало в ней уверенность в своих силах, желание бороться и побеждать.

И она вдруг с особой остротой ощутила, что обладает властью очаровывать и дарить наслаждение.

— С вами я забываю обо всем, — прошептал Бардань. — Ах! Что же мне делать теперь, когда я вновь обрел вас.

— Я тоже спрашиваю себя об этом, — не очень решительно ответила Анжелика.

Немного пошатываясь, она встала. Бардань хотел поддержать ее, но она отстранила его руку.

— Я прошу вас... Очень скоро, я вновь увижу вас. Но сегодня, прощайте.

Он увидел ее удаляющуюся фигуру, услышал шуршание камней под ее ногами и крик на прощание:

— Не забудьте... Про этого пирата.

Затем она бросилась бежать.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ВИНО

Глава 1

Первым препятствием, на которое она наткнулась, был он.

С какого времени он здесь, охраняет ее? Что он видел? Что слышал?

Ночь была темная, и на опушке леса ничего не было видно. Руки Жоффрея с силой обняли Анжелику, и она, испытывая безотчетный ужас, ответила ему тем же, погрузив свое лицо в складки его камзола. Она не могла объяснить себе, что вдруг внушило ей такой страх.

— Вы вся горите, — сказал он своим спокойным, немного глухим голосом. — Вы дрожите и возбуждены. Что случилось?

— О! Ничего серьезного. Это целая история! Речь идет не о дворянине из окружения короля. И я встречалась с ним не при дворе. Однако это все же связано с Версалем и с королем. И это касается вас.

Склонившись над ней в темноте, он внимательно слушал. Ее лихорадочность, волнение в голосе насторожили его. Анжелика вдруг ощутила прикосновение его холодных рук на своем пылающем лице.

— Вы простудитесь.

Но она сейчас не чувствовала ни холода, ни жары. Что же в действительности произошло? Ведь она в Канаде. У нее перехватило дыхание.

— Это прошлое, прошлое, вы понимаете меня?

— Да, я понимаю. Не волнуйтесь так, любовь моя.

Звук его родного и близкого голоса успокоил ее, и она почувствовала себя лучше. Анжелика поняла, что совершила глупость, и, овладев собой, медленно и спокойно пошла рядом с мужем, объясняя ему, кто такой Бардань и что она узнала из разговора с ним. Это

было именно то, что они пред полагали: по их следу шел король.

— Единственное, что меня удивляет, — заметил Жоффрей де Пейрак, — так это то, что для этой миссии был выбран человек, который знал вас в Ля Рошели и не предполагавший о вашей связи с двором. На первый взгляд это кажется совпадением, хотя хорошо организованным и продуманным. Можно подумать, что это проделки дьявола, который, шутя, играет судьбами людей.

— Не говорите о дьяволе! — умоляюще произнесла она. Они подошли к деревне, где еще светились огни и танцевали вокруг костров люди. Она удивилась. Ей показалось, что прошло уже много времени с тех пор, как она отправилась на встречу с королевским посланником. Она прикоснулась ко лбу.

— О! Я чувствую себя совсем разбитой и умирающей от усталости. Разве ночь уже кончилась?

— Нет, не совсем так, — засмеялся он, — она лишь началась. Разве вы забыли, что мы открыли одну из этих знаменитых бочек бургундского, к которым страстно стремился Виль д'Эвре, и теперь вся компания собралась на борту «Голдсборо», чтобы отпраздновать это событие. Итак, мадам, стряхните вашу усталость. Слава богу, до рассвета еще далеко. Ревнивым движением он вдруг крепко прижал ее к себе, быстро увлекая за собой.

— А не пригласить ли нам этого дворянина?

— Нет, нет, — быстро откликнулась Анжелика. — Он может подумать, что это ловушка. Он предубежден против вас.

— Завтра я пойду к нему, представлюсь и постараюсь успокоить. А пока давайте веселиться, — живо сказал он. — Все случившееся кажется мне хорошим предзнаменованием. Мы выпьем за встречу с вашим бывшим возлюбленным, за удачное

осуществление наших с ним планов, надеюсь, что у нас общие цели.

Она услышала его смех, как будто он вспомнил что-то забавное.

— Ля Рошель! Так это была Рошель! Вы и там оставались такой же.

Он остановился, порывисто обнял ее и продолжил свой путь. Сильная рука поддерживала Анжелику, наполняя ее энергией и спокойствием.

Показался берег, освещенный факелами, которые держали люди с ожидавшей их шлюпки.

— Почему вы вспомнили о Ля Рошели? Этот случай столкнул меня с графом де Бардань.

— Так скажем спасибо этому случаю и другим. И не будем больше говорить об этом... До завтра.

Он подхватил ее на руки и отнес в шлюпку, чтобы она не замочила ноги.

— Сегодня вечером весь мир принадлежит нам, — крикнул он и засмеялся. — Сегодня мы хозяева Тадуссака. Этой ночью мы воздадим хвалу виноградной лозе. Не будем омрачать радости сегодняшнего вечера и поднимем бокалы во славу Бургундского!

Оно ждет вас, моя красавица. Будем пить и веселиться, поднимем бокалы за нашу любовь, нашу победу, за здоровье наших друзей и врагов! За здоровье короля Франции!

Глава 2

У Анжелики даже не было времени отдохнуть.

В каюте «Голдсборо» она нашла приготовленные стараниями Иоланды, Дельфины дю Розо платье, веер и плащ.

Когда она села и приготовилась одеваться, Жоффрей взял чулки и принялся натягивать их на ноги. У него было прекрасное настроение, и он напевал:

— Нужно только время, нужно только время, чтобы натянуть эти чулки.

Это были очень красивые из золотой нити, отделанные алым шелком чулки. Затем он взял туфельки из золотистого атласа и, встав на колени перед ней, словно принц перед Золушкой, надел на ее ноги.

— ...Моя странствующая графиня, — сказал граф и поцеловал кончики пальцев Анжелики, передал ее Дельфине, которая в это время входила в каюту с горячими щипцами.

При помощи молодой девушки Анжелика быстро оделась и вскоре была уже готова. Взяв веер, она поспешила к собравшимся.

Стол был накрыт в игровом салоне. Для населения Тадуссака в этот вечер, как и три дня назад, устроили фейерверк.

— Какой чудесный вечер нас ожидает! — сказала она Виль д'Эвре, с которым встретилась у входа в салон. — Если так хорошо в Тадуссаке, то что нас может ждать в Квебеке?

— Это будет, как в Версале, — живо возразил он, — а может, даже лучше. Моя дорогая, — продолжал он, пропуская ее вперед, — разве я вам не рассказывал, что во время карнавала в Квебеке мы иногда чувствовали

смертельную усталость от того, что много пили, танцевали, ели, молились, участвовали в шествиях, катались на коньках, играли в карты, занимались любовными интригами, сопутствующими всем этим развлечениям, которые заставили нас забыть об ирокезах и о голоде? Ах! Квебек!

В зале и на столе горело множество свечей, стоявших в серебристых подсвечниках.

Тепло и аромат от высоких восковых свечей смешивались с запахом кушаний, которые начали вносить слуги.

Первой на очереди была огромная серебряная супница.

— Кстати, — вспомнил маркиз, — я спорил с вашим поваром по поводу того, как нужно готовить пикантный бульон из дичи. Я говорил, что фазана и бекаса нужно перед приготовлением выдерживать шесть дней, а он утверждал, что только четыре.

— Речь идет об орлане, у которого более нежное мясо, — выступил в свою защиту метрдотель, который все слышал, — для него достаточно четырех дней.

Все сели за стол. Это был обычный ужин, в котором принимали участие члены флотилии Рескатора, старшие офицеры и их вынужденные гости. Разношерстное общество, которое случай и обстоятельства привели на корабль, пережив одни и те же радости и опасности, превратилось в единый организм.

В честь бургундского стол украшала роскошная скатерть, а перед каждым гостем стояли кубки из богемского стекла, отливающие красной позолотой.

Само вино было налито не в графин или кувшин, а по старинному морскому обычаю в сосуд, который имел форму парусника, сделанного из позолоченного серебра, и который сам по себе являлся произведением ювелирного искусства.

Вино вытекало из отверстия, находившегося в пасти дельфина — фигурке, которая украшала нос корабля. Это была точная копия судна, вплоть до маленьких серебряных фигурок, которые можно было увидеть на сигнальном посту, на винтах, лестницах и канатах, сделанных из серебряных и золотых крученых нитей.

Молодой матрос — виночерпий был сильно взволнован, поднимая это чудо на серебряной подставке, которая представляла собой трех дельфинов, выпрыгивающих из воды, с глазами из маленьких брильянтов.

Маркиз д'Эвре застыл в изумлении, открыв рот.

Анжелика тоже впервые могла полюбоваться этой вещью. Рескатор был богат, как принц. И хотя беспрестанная борьба заставляла его вести суровую, полную лишений, жизнь, тем не менее он владел большими сокровищами.

Они были разбросаны по всему свету, находясь на сохранении у верных людей.

Анжелике показалось, что она совсем не знает человека, который был ее мужем.

— В наше время не делают больше таких вещей, — вздохнул Виль д'Эвре.

Этой драгоценности было около двух веков. Это произведение искусства принадлежало швейцарским ювелирам, которые вместе с немцами в течение долгого времени оставались непревзойденными мастерами по изготовлению сосудов для вина в форме кораблей.

Все сели за стол.

Здесь не было приглашенных или чужаков. Это была одна семья, и это позволяло им расслабиться, говорить, не боясь быть услышанными. И сразу же завязался спор. Анжелика слышала, как Карлон говорил Пейраку, продолжая беседу, начатую перед ужином:

— Я не сержусь, меня лишь возмущает легкомысленность Виль д'Эвре. Он, кажется, не знает

или делает вид, что не знает: вас рассматривают в Квебеке как врагов короля, более того, вы заочно приговорены к смерти.

— Но это же всем известно, — возразил Виль д'Эвре, раскладывая перед собой покрытую узорами салфетку и бросая нетерпеливые взгляды на супницу и на серебристый сосуд, откуда доносился опьяняющий аромат «его» бургундского, — вы повторяетесь, мой дорогой.

— Не думаю, особенно-когда речь идет о том, чтобы выбраться без последствий из этой ситуации. О господине де Пейраке ходит дурная слава, как о пирате с Карибского моря, добавим к этому его завоевания французской Акадии, вплоть до Квебека, и те немногие сведения, которые привезли в Квебек этим летом корабли и которые лишь подлили масло в огонь. Я не сомневаюсь, что нас встретят пушечными ядрами.

Жоффрей де Пейрак отметил про себя это «нас», вырвавшееся у интенданта, и улыбнулся. Тот продолжал:

— Мадам де Пейрак тоже нужно будет защищаться от слухов. Ее влияние на дикарей вызывает подозрение. Как его объяснить? И как вам удалось остаться невредимыми после того, как год вашей крышей были убиты ирокезские вожди? Тс, кто хоть немного знаком с местными обычаями, знают, насколько чудовищно это преступление. Вас много раз считали погибшей, но вы всегда чудесным образом избегали смерти. Это пахнет колдовством.

— А что еще говорят обо мне в Квебеке? — поинтересовалась Анжелика.

Он покраснел.

— Что вы прекрасны, удивительно прекрасны!

Это развеселило ее.

— Между нами, дорогой друг. Вы бы не хотели, чтобы я страдала из-за этого?

— Но вам придется.

— Какие глупости! С каких пор французы стали такими пуританами?

— Нет, это не пуританство. Они просто боятся.

— С каких это пор французы боятся красоты?

И она с вызовом тряхнула копной золотистых волос, перевязанных жемчужными нитями.

— Они хотят видеть меня красивой? Что ж, я постараюсь не разочаровать их!

На первое был подан пикантный горячий бульон не столько, для того, чтобы возбудить аппетит, сколько для того, чтобы перебить вкус вина, выпитого ранее.

Все, сидевшие за столом, почувствовали себя легко и непринужденно, включая интенданта.

Он в это время продолжал перечислять факты, которые свидетельствовали не в пользу графа и графини де Пейрак и которые они, без сомнения, могли опровергнуть. Это не мешало ему наслаждаться бульоном, запивая его мадерой.

— Я уверен, что с вас спросят за смерть д'Арпантиньи, Пон-Бриана, за резкую перемену, происшедшую с Сен-Кастинном... Но самое серьезное — это, конечно, исчезновение отца де Вернона. Вас обвинят в том, что он был убит в ваших владениях и при неясных обстоятельствах. Кажется, на него натравили медведя.

— Нет, вы, как всегда, все перепутали, — воскликнул Виль д'Эвре, — наоборот, это он чуть не убил медведя ударом кулака, несчастное животное.

— Вы были там?

— Конечно, я там был, — заявил с апломбом маркиз.

— Вы рассказываете сказки. Я знаю отца Вернона. Он был спокойным, уравновешенным, даже где-то холодным священником и в то же время мягким и учтивым человеком.

— Это говорит лишь о том, что вы совсем не знали его. Жаль, что вас не было в Голдсборо в этот день и вы не видели его истинное лицо. Настоящий Геркулес. А вы знаете его лишь таким, каким он был в Квебеке. Ах! Голдсборо! Какое очарование! Граф, обещайте, что вы нас пригласите туда! Не правда ли, Анжелика!

— Давайте вначале высадимся в Квебеке! — проворчал Карлон. Закончив суп, он промокнул рот салфеткой и повернулся к графу.

— Мы ваши заложники? — спросил он.

— Это зависит от приема, который нам будет оказан.

— Ха! Ха! Вот вы наконец и раскрыли себя, — сказал с мрачным удовлетворением Карлон.

Анжелика испытывала противоречивые чувства. Только что она мысленно побывала в Ля Рошели и вот теперь — вновь в Канаде, где ее окружают дела и заботы, связанные с плаванием в Квебек. И то и другое было похоже на кошмарный сон.

Конечно, надо было пригласить Барданя, как предлагал Пейрак; желательно, чтобы он был с ними.

Все равно этой встречи не избежать там, в Квебеке, где их ждут праздники, светские развлечения и... тайные заговоры. За разговорами, любезными улыбками будут скрываться хитрые и коварные замыслы.

Счастье, любовь, смерть — неперенные спутники любой интриги.

«Что предпримет теперь королевский посланник? — спрашивала она себя, — как я должна себя вести с ним и на чьей стороне он будет играть в партии, где ставка — их жизнь?»

Раздражительный Карлон еще не знал об этом дополнительном осложнении, иначе обязательно включил бы его в свой черный список и с большим, чем раньше, основанием вещал бы о неблагоприятном исходе их экспедиции.

— Мне кажется, что его жене не часто приходится радоваться, — тихо прошептала Анжелика, наклонясь к маркизу, который сидел рядом с ней и кивал в сторону Карлона.

— ...И все-таки она очаровательна.

И вдруг что-то вспомнив, он стукнул себя по лбу:

— ...Хотя нет! Хорош же я! Ведь он холостяк.

— Тогда о ком вы говорите?

— О мадемуазель д'Урданн. Они были близки долгое время, и окружающие стали считать, что он обладает правами на нее.

— Она его любовница?

— Вовсе нет! Это платоническая любовь. Бедная д'Урданн совсем не показывается в свете, за редким исключением, и когда я ее сопровождаю. Карлон же пользуется ее особым расположением. Она занимается его душой, его делами, его карьерой, говорит постоянно о нем с окружающими, это и привело к тому, что их поженили за глаза.

Урвиль и Карлон спорили в это время о том, кто обладает военным преимуществом — гарнизон в Квебеке или пушки «Голдсборо», при условии, если их ядра достигнут крепостной стены форта Сен-Луи. Перед Анжеликой встала задача направить их разговор в более спокойное русло. Она сама с трудом держала себя в руках, еще не совсем оправившись после недавних волнений, и предпочла бы сейчас остаться наедине со своими мыслями, привести их в порядок, вместо того чтобы поддерживать светские беседы.

Встреча с Барданем сильно взволновала ее, и она с трудом верила в то, что это было в действительности.

Анжелика посмотрела на Жоффрея и уловила его мечтательный взгляд. Думая о чем-то своем, он совсем не следил за нитью разговора. Заметив, что она смотрит на него, он улыбнулся и, казалось, вновь обрел интерес к окружающему.

— Зачем опережать события, господа? — сказал он. — Мы еще не в Квебеке и не собираемся стрелять из пушек. Мы отправились в это путешествие по приглашению господина де Фронтенака, с которым я всегда поддерживал самые теплые и дружеские отношения.

— Конечно, господин де Фронтенак, так же как и вы, из Гасконии, а это всегда была самая мятежная провинция, склонная к ереси.

— Вы человек севера! — прошептал Пейрак. — Но не бойтесь, из-за любви к Канаде я не буду вспоминать Монфора^[9].

Решительно, вечер начался неудачно. Если они доберутся до альбогойцев^[10], то вечер можно будет считать испорченным. Анжелика сделала знак метрдотелю. Наступило время бургундского.

Наконец его разлили по кубкам. Искрясь и играя на свету, оно напоминало по цвету благородный рубин.

— Вот великолепно выбродившее вино, — произнес Виль д'Эвре, слегка пригубив его и наслаждаясь его цветом и ароматом. — Вы знаете, как на самом деле выбраживают это вино? Сейчас я расскажу вам, так как долгое время жил в Бургундии. Всем известно, что сок из красного винограда при брожении превращается в красное вино. Некоторые считают, что сорванные ягоды нужно сразу класть под пресс. Но в таком случае сок получается светлым. Красные сорта нельзя сразу же давить. Оборванный с гроздьев виноград помещают в чаны, где он выстаивается, с каждым днем набирая цвет и аромат. Затем его измельчают палками, получая насыщенный, темно-красный, цвета крови сок, а то, что остается, кладут под пресс. И только смешивая обе жидкости, получают, наконец, сок, готовый для брожения. Сколько нужно затратить сил, чтобы достичь этого неповторимого вкуса, цвета, аромата и передать

при этом особенности того уголка, холма, склона, где наливался спелым соком виноград.

Смакуя каждый глоток, маркиз медленно выпил вино. — ...Местечко Тиллец, я вижу залитый солнцем склон с маленькой колокольней и простирающиеся до горизонта виноградники. Бургундия! Я вспоминаю, как этот безумец Картье заявил, что вино можно делать и в Канаде — он, видите ли, встретил небольшие плантации дикого винограда. Ему началось мерещиться вино, россыпи брильянтов и еще бог знает что. Он попал в ловушку своего безумия, мечтая о том, чего не может быть в этом диком краю, где царят холод, ночь и дикари и где нас, живущих так далеко от благословенной Франции, преследуют беды и несчастья.

Но мне кажется, что сегодня говорю лишь я один, — забеспокоился маркиз, оглядываясь вокруг. — Пусть все говорят, а то получается, что я в центре внимания.

— Нам очень интересно все, о чем вы рассказываете, — вежливо откликнулся Жоффрей де Пейрак, протягивая к нему свой бокал, — что может быть приятнее, чем пить это вино, слушая вас.

— Вы мне льстите. Хотя я признаюсь, что пользуюсь симпатией везде, где только появляюсь. При дворе в свое время не видели и не слышали никого, кроме меня. Как я этого добивался? Просто я люблю жизнь и ее удовольствия. Это всегда как помогало мне, так и мешало. Особенно при дворе.

Маленький господин ужасно ревновал меня. В Канаде зато я чувствую себя спокойнее. Если иметь хоть капельку воображения и немного постараться, то и здесь можно неплохо жить. Это чудесное вино! Признайтесь, было бы преступлением, если бы мы бросили его на произвол судьбы. Кому оно предназначалось? Неизвестным, чудакам, вандалам.

— Епископу и губернатору Новой Франции! — объявила Анжелика. — И это не у Мартина Дугаса вы его похитили, маркиз. Будет вам известно, что оно принадлежало королевскому посланнику и было куплено им лично в подарок этим высокопоставленным особам.

— Королевскому посланнику? — вскричал Виль д'Эвре, застыв с бокалом в руке. — И вы видели его? Вы встречались с ним? Вы его знаете? Он ваш бывший любовник? Ха! Ха! Значит, он был действительно на борту «Иоанна Крестителя»?

Ожидая ответа, он переводил взгляд то на Анжелику, то на Пейрака.

— Какая чудесная история! Вы должны мне ее рассказать. Он подал знак слугам, чтобы те обслужили его, и с наслаждением выпил.

— Божественно.

— Вы смеетесь, маркиз, — возразила Анжелика, — смеетесь, так же как и всегда, хотя знаете, что за этот поступок будут обвинять моего мужа.

— Это забавно.

— Не вижу ничего забавного. Это королевский посланник, которому поручена особая миссия. С чем он едет? С какими распоряжениями! А вы забираете это вино и приводите его тем самым в дурное расположение духа.

— Тем хуже для него! Он должен был защищаться и смотреть в оба. А он даже не назвал себя. А вы его знаете? — обратился он к Анжелике.

Она неопределенно кивнула.

— Вы все знаете! — сказал он. — И вы скажете мне все. Это решено. В любом случае эта история с вином не будет играть большой роли на фоне того, что нас ожидает: дыба, петля или костер. Эти четыре бочонка вина, каким бы хорошим оно ни было, пустяк по сравнению с тем, что произошло.

— О чем вы говорите? — испугался Карлон. Виль д'Эвре мрачно посмотрел на него.

— Не забывайте о смерти графини де Бодрикур.

— Молчите, — сказал Карлон, оглядываясь на слуг. Но маркиз успокоил его непринужденным жестом.

— Они с нами заодно, они все видели и даже участвовали в событиях, — что вы хотите скрыть от них? Неужели вы не поняли, что мы одна банда, связанная ужасной тайной.

Приободрившись, он вновь выпил.

— Я обожаю это чувство! Мне кажется, что я рождаюсь заново. Вина, мой друг! — приказал он виночерпию, который решил, что будет лучше, если он останется рядом с маркизом. — Да, это волнующее чувство: быть вместе с отверженными, проклятыми, теми, кто восстает против законов. Что! Или вы думаете, что убийство герцогини будет предано забвению? Наши высокопоставленные святоши уже предупреждены о ее приезде, и в первую очередь д'Оржеваль — говорят даже, что он ее родственник. Они первые поинтересуются, что же случилось.

— Ах! Это ужасно, — жалобно простонал Карлон. — Вы сыплете соль на мои раны.

— Нет! Вы как всегда драматизируете.

— Это я драматизирую? Речь идет о смерти прекрасной, очаровательной женщины, происшедшей при непонятных обстоятельствах, о знатной даме, которой покровительствовал двор и сам отец д'Оржеваль.

— Вы были там и ничего не сделали, насколько я знаю. Только она, — сказал он, указывая на Анжелику, — проявила к ней сострадание.

— Но ведь мы договорились забыть об этом.

— Не так-то это легко.

Двум канадским сеньорам Большому Лесу и Вовевару удалось, наконец, вставить слово.

— Но о чем вы оба говорите? Какое преступление? Ведь ее же не убили. Мы были там. Вспомните... Она сама убежала в лес, где ее растерзали волки. И мадам де Пейрак даже пыталась ее спасти, там на берегу.

— Почему вы тогда спасли ее? — спросил Вовевар, обращаясь к ней. — Это было мне непонятно.

— Мне тоже, — ответила Анжелика. И ей вдруг показалось, что она вновь слышит душераздирающие крики Амбруазины, окруженной яростной толпой. Чтобы успокоиться, она выпила вина.

— Ах, женщины! — вскричал д'Эвре. — Как бы мир обеднел без них! Из него сразу исчезли бы нежность, доброта, очарование, ласки, капризы, загадки, непостижимые превращения, тайной которых владеют лишь женщины.

— Этьен, я обожаю вас, — сказала Анжелика, обнимая его.

— Это вино кружит голову, — сказал Карлон, поднимая свой бокал к свету и подозрительно глядя на него, — Я боюсь, что мы скоро опьянеем.

— И вот тогда вы увидите правду на дне бокала, — сказал Виль д'Эвре.

— Да. (Карлон не разделял веселости маркиза.) Правда то, что мы убили герцогиню, и вот теперь совесть мучает нас. Вы правы, Виль д'Эвре, против своей воли я чувствую себя сообщником преступления.

— Двух, — отрезал маркиз.

— Двух? — вздрогнул интендант.

— Да! Первое, это то, за что вас упрекает совесть, — убийство герцогини де Бодрикур. И второе — вы пьете с нами вино, предназначенное в подарок губернатору и епископу.

— Я не знал этого, когда сидел за стол.

— И тем не менее, вы пьете его и даже находите превосходным.

Глава 3

В течение нескольких минут интендант Карлон удрученно молчал. Было видно, что он вновь перебирает в памяти события, которые поставили его в такую щекотливую ситуацию.

Вначале он попал в ловушку англичан на реке Сен-Жан, и лишь вмешательство Пейрака избавило его от плена, затем был Тидмагоуч, где ему пришлось стать судьей и выслушать страстные обвинения свидетелей, которые появились словно из-под земли и которые умоляли его вынести приговор страшному преступлению. Все это не поддавалось никакой логике. Он спрашивал себя, каким образом он оказался замешанным в эту историю? Нет, больше никогда ноги его не будет в Акадии.

— Зачем мне нужно было отправляться в это путешествие, — простонал он.

— Да, зачем? — посмеиваясь, переспросил Виль д'Эвре. — Я вам отвечу на этот вопрос. Вы захотели сунуть нос в мои дела, и помешать мне получать прибыль. Вы вообразили, что путешествие по Акадии — это приятная прогулка, во время которой вы можете прижать бездельников, не платящих налог. Но Акадия это другое дело. К ней нужен особый подход. И это будет хорошим уроком вам. Вы очень изменились за последнее время — у вас жалкий вид.

— Нет, зачем же вы так, маркиз, — возразила Анжелика, приходя на помощь несчастному.

— Вы очень злой, Этьен. Не слушайте его, интендант. Просто мы все слишком много выпили, а завтра вы вновь станете прежним и обретете свое обычное хладнокровие.

— Но вы не забудете о том, что было сказано, — яростно настаивал Виль д'Эвре. — Забыть! Забыть Акадию! Если вы забудете ее, я постараюсь вам напомнить!

— Вы жестоки с ним, Этьен, — вновь обратилась Анжелика к маркизу.

— Так же, как и он. Если бы вы знали его в Квебеке. Строгий надзиратель! Нет, я не упущу такой великолепной возможности взять реванш. Вы не знаете меня. Я могу быть очень злым.

Мысли Анжелики спутались.

Бардань! Ля Рошель! Как это было давно и похоже на сон. Но сегодня все было по-другому. Она была под покровительством человека, который любил ее и ничего не боялся. Как будто магнитом ее тянуло к нему, сидящему во главе стола. Одно лишь его присутствие внушало ей спокойную уверенность. Фортуна улыбнулась ей — она наконец стала счастлива.

Обращаясь к ней, он медленно поднял свой бокал, и ей показалось, что она слышит его голос: «Выпьем! Выпьем! За здоровье короля Франции!»

Она выпила и почувствовала, как вместе с этим божественным напитком в нее вливаются радость и торжество. Вино было просто восхитительным.

Оно мягко обволакивало язык, горло и рождало ощущение бесконечного и сладострастного поцелуя. Чудесно утоляя жажду, это вино тем не менее вызывало острое желание еще раз испытать его неповторимый вкус.

«Почему этот поцелуй?» — спросила она себя. Он казался ей ошибкой, но она ни о чем не жалела. Это ни с чем не сравнимое удовольствие вызвало необычайно острые и особенные ощущения. Это было частью ее прошлого — Ля Рошель, с ее болью и радостью. Чувства, которые вызвали у нее прикосновение этих губ, были похожи на те, которые она испытала бы, обнимая давно

потерянную сестру, саму себя, обретшую покой. Виль д'Эвре, сидевший рядом с ней, разговаривал сам с собой.

— Еще более опасным, чем Карлон, является военный губернатор Кастель-Моржа. Это один из ваших заклятых врагов.

— Но, кажется, он тоже из Гасконии, как господин де Фронтенак и мой муж.

— Да, но он упрямый сектант. Он находится на стороне д'Оржеваля. И как его предки, принявшие Реформацию, он отличается нетерпимостью к чужим убеждениям.

— Так он протестант? И занимает такой высокий пост?

— Нет, он сын гугенота, а это еще хуже. Что касается его жены, Сабини де Кастель-Моржа, то это совсем другое дело. Всеми признанная хозяйка, она задает тон в городе и в курсе всех дел. Она набожна, милосердна, любит флирт и интригу. Некоторые считают ее уродливой и злой. Я — нет. Я люблю ее как сестру.

Недавно мы поссорились с ней из-за ее сына Анн-Франсуа. Оржеваль послал этого юнца на нагорье, чтобы тот стал настоящим траппером. Я был против. Но она находится полностью под его влиянием. Говорят даже, что она его любовница.

— Но он же иезуит, — смущенно возразила Анжелика.

— Вы же знаете, эти иезуиты...

— Молчите! Вы слишком много выпили и начинаете злословить.

Она выпила еще немного. Вино, хотя и было крепким, но сохраняло разум ясным и светлым. Попадая на язык, оно возбуждало чувственный голод, вызывающий острое желание выпить еще и еще. Этот голод, казалось, был рожден в самой крови человека,

которая стремилась смешаться с рубиновым соком, вобравшим в себя всю силу и крепость земли и способным заново родить страсть и наслаждение жизнью.

Анжелика чувствовала, как горячая волна медленно разливается по всем телу, полностью обволакивая его.

Она вышла на палубу. Воздух освежал ее и пьянил, тихое покачивание корабля вызывало головокружение.

От жаровен, тлеющие угли которых мерцали в ночи красновато-золотистыми огоньками, пахло жареным мясом. Со стороны орудий доносился смех, там Кантор и Ванно развлекали королевских девушек; было слышно, как поют матросы. Сегодня все, в том числе и часовые, получили свою порцию бургундского.

Несмотря на то, что вокруг царило оживление, Анжелика была наедине с собой, погруженная в сладостное состояние опьянения, ее охватила необычная легкость, приподнятость, умиротворенность. «Кто может победить тебя? — шептал ей из темноты торжествующий голос. — Что говорит Карлон? Будущее принадлежит тебе. У тебя есть Любовь и Красота. Ты еще молода, сильна, любишь жить и наслаждаться жизнью. Ты находишься под защитой человека, которого никто не сможет победить. Отбрось сомнения, и ты покоришь Квебек!»

Внезапно сильная, словно стальной обруч, рука обхватила и крепко прижала к себе, в то время как другая мягко запрокинула ей голову.

— Они уже совершенно пьяны, — услышала она голос Пейрака. — Любимая моя! Любимая моя!

Прикосновения его рук еще больше опьянили ее, и она почувствовала, как палуба уходит из-под ее ног.

— Любимая моя! Любимая моя! — Он еще крепче прижал ее к себе, ему казалось, что эти губы никогда не насытят его: Чертовка... — шептал он, нежно улыбаясь.

Это напомнило ей персидского принца, который тоже называл ее так.

— Идемте, сердце мое, наш метрдотель принес фазана, украшенного перьями, и паштеты.

И он увлек ее за собой.

Глава 4

На этот раз у интенданта явно двоилось в глазах, когда он обратился к Пейраку, занявшему свое обычное место во главе стола.

— Вы обладаете слишком большим влиянием на нас, — еле ворочая языком, сказал он. — Теперь я понял, почему король убрал вас с дороги. Я знаю лишь одного человека, который мог бы соперничать с вами: Себастьян д'Оржеваль. Но он не так богат, как вы.

— Но за ним стоят небесные легионы, и, если надо, он может призвать на помощь демонические силы.

Интендант не ответил. Он, не отрываясь, продолжал смотреть на Жоффрея де Пейрака, и ему начало казаться, что черты его лица приобретают сходство с Мефистофелем.

— Вы знаете гораздо больше, чем я, чем все мы.

— Нет, вы заблуждаетесь, господин интендант, — сказал, внезапно оживляясь, Пейрак. — Например, вас я знаю слишком мало, да и лишь то, что вы сами считаете нужным сказать и показать мне. А это лишь малая часть того, что есть в вас. Бережно охраняя мир, созданный внутри нас, мы являем на поверхность лишь незначительную часть айсберга. И все-таки признайтесь, господин интендант. Неужели вам никогда не хотелось изменить обычные представления людей о вас. К сожалению, все мы находимся в их власти, и это связывает нас по рукам и ногам, заставляя пристрастно судить о людях.

Я предлагаю вам сыграть в одну игру. Давайте перевернем картинку и откроем карту, которую обычно прячем в рукаве от посторонних взглядов и которая, как мы думаем, никогда не сможет быть разыграна. Пусть хозяйкой нашего вечера будет сегодня правда — то, что

мы прячем обычно в глубине души, истину о самом себе. Здесь собрались друзья, так давайте же снимем маски и заглянем друг другу в глаза.

Представьте себе, что за окном «другая» ночь, мы находимся в «другом» месте. Мир не существует вокруг нас, он словно исчез. Наступила ночь чудес, когда возможны любые признания, любая неожиданность. Давайте посмотрим друг на друга и раскроем без труда и притворства тайные запоры нашей души. Скажите, господин Карлон, кем бы вы хотели быть, если бы не сделали карьеру в правительстве?

— Нет, только не это! — закричал Карлон, как будто с него заживо начали снимать кожу. (И он прижал к себе полы сюртука стыдливым жестом смущенной девственницы.)

Игра, предложенная Пейраком, сразу же изменила настроение собравшихся, которые сразу же подняли головы. Их взгляды, подпернутые мечтательной дымкой, казалось, искали в клубах дыма призраки несбывшегося.

— Господин интендант, прошу вас, — ободряюще сказал Жоффрей де Пейрак.

— Нет! Никогда, я уже сказал вам, — вновь закричал тот и, находясь в степени опьянения, когда настойчивость перерастает в упрямство, несколько раз стукнул кулаком по столу. — Я не играю, я не играю больше. Я ухожу.

Но не в силах осуществить свое намерение, он тяжело упал в кресло.

— Хорошо! Я подам вам пример, — сказал Пейрак. — Я начинаю.

И он откинулся назад, осветив лицо, изборожденное морщинами, и сильный, в то же время чувственный, прекрасной формы рот,, который смягчал резкие черты неправильного лица, придавая ему неизъяснимое очарование. Говорили, что он внушает страх. Может

быть, из-за шрамов? Или из-за острого, пронизательного взгляда черных глаз? Кожа на его лице была темно-золотистого цвета, казалось, что в его жилах течет и мавританская кровь. Живой чувственный рот, с насмешливыми складками в уголках, открывал в улыбке ряд прекрасных белых зубов. Для Анжелики его улыбка таила в себе необъяснимое блаженство.

Глядя на потолок, он тоже искал там видения, созвучные его тайным желаниям.

— Если бы я не был вечным скитальцем, — начал он, — играющим с судьбой в прятки, который, обладая многим, может все потерять, человеком, жизнь которого проходит в постоянной борьбе, что хотя и удовлетворяет мою страсть к приключениям, но оставляет осадок, вызванный чувством неудовлетворенности своей судьбой...

Если бы я по праву рождения не оказался принцем, хозяином провинции, что дало мне титул, славу, богатство, я бы предпочел стать ученым, замкнутым в тиши лаборатории и занимающимся исследованиями. Мой покровитель снабжал бы меня всеми новейшими инструментами, колбами, пробирками, чтобы мне не нужно было самому заниматься их поиском и приобретением — это всегда утомительно для ученого, мысль которого напоминает свободный полет птицы. Он стремится вперед, он видит, он знает. Но не может. Ему не хватает средств, времени, тишины. За ним охотятся, его преследуют. Какое счастье найти укромный уголок и отречься от всего мира, не зная, что сейчас — день или ночь, быть свидетелем тайн и открытий, которым нет конца, наслаждаться своим могуществом и идти все дальше и дальше, раздвигая границы человеческих знаний.

— Я вам не верю, — сказал Виль д'Эвре. — Вы слишком любите жизнь и приключения, чтобы вести подобное существование. А слава? А известность?

— Это не так.

— А женщины, друг мой? От них вы тоже легко откажетесь?

— Я не говорил, что ученый должен работать без отдыха и отречься от всех жизненных удовольствий.

— Жить среди пробинок, наверное, довольно скучно? — спросил Большой Лес.

— Трудно объяснить непосвященным, в чем заключается прелесть такого существования. Есть много других областей жизни, похожих на эту. Мулей Исмаил, правитель Марокко, кровожадный султан, похотливо обожающий роскошь и богатство, как-то сказал мне, что самое сильное и сладострастное ощущение он получает от молитвы. Он вовсе не мистик, просто это образ его мышления. Если бы он не родился королем Марокко, то стал бы великим отшельником пустыни.

— Вы хотите сказать, что и наука вызывает сладострастные ощущения?

— Да.

И улыбка, которую так любила Анжелика, осветила лицо Рескатора.

— Вот об этих тайных желаниях каждого я и хотел бы поговорить, когда спросил: «Кем бы вы хотели быть, если бы?..» Барссемпуи, смелее! Теперь ваша очередь.

Помощник пирата Золотой Бороды покраснел. Это был еще очень молодой человек, красивый, любезный и отнюдь не глупый, славный дуэлянт и прекрасный кавалер; один из младших отпрысков дворянских семей, которым остается лишь армия, церковь или приключения, где они могут занять достойное их происхождению положение. Он выбрал приключения. Ему было все равно, где воевать: на борту королевского судна или корабля флибустьера. Наоборот, здесь он мог быстрее сделать карьеру и разбогатеть. Недавняя

смерть его невесты Марии-ла-Дус изменила его характер и оставила следы горечи в душе.

Он сказал, что для него все не важно, но потом передумал я заговорил:

— Я хотел бы быть на месте моего старшего брата, и не столько из-за имени и богатства, сколько из-за родового замка. Я бы хотел переделать его, придать ему роскошный и изысканный вид, как у Фуке, в Долине Виконт. Я бы завел свой небольшой двор с артистами, учеными, я бы там предавался своим любимым занятиям, наслаждался бы работой ума. Мой брат живет при дворе и облагает крестьян непосильными налогами, чтобы жить в соответствии с титулом, — все это приводит к упадку усадьбу. Я попытаюсь забыть, это не та карта, которая может быть разыграна... Лишь судьба определяет твоё рождение.

— И насколько вы младше вашего брата? — спросил кто-то.

— Мы близнецы, — просто ответил Барссемпуи.

Это сообщение взволновало собравшихся, выпивших достаточное количество вина.

— Почему вы не убили его? — простодушно спросил Виль д'Эрве.

— Чтобы не поддаваться искушению и не совершить этот грех, я решил убежать.

— Кто знает, может, наступит день и вы займете его место? — взволнованно спросил Грандфонтен.

— У него есть сыновья.

— Не надо ни о чем сожалеть, дорогой Барссемпуи, — прервала его Анжелика. — Сегодня нельзя оставаться в королевстве, если хочешь вести жизнь принца. Король не потерпит этого, иначе вы окажетесь в немилости. Единственное, что вам останется — это держать подсвечник или сорочку в спальне короля в Версале и думать, где достать денег на ремонт крыши в замке.

Эриксон удивил всех, заявив, что он хотел бы стать королем Польши.

— Почему Польши? — спросил Виль д'Эвре.

— Так.

Это была его мечта о могуществе.

— Но он отрекся от престола и ушел в монастырь.

— Не таким, другим.

История с польским королем была не очень понятна, и лишь позднее он добавил, что главным достоинством короля он считает трудолюбие.

Фальер мечтал о плаще мушкетера, но у него не было ни денег, ни связей, чтобы попасть в этот круг избранных. Тем более, что его умение владеть шпагой, оставляло желать лучшего. Так как он хорошо учился, то занял вскоре место своего отца — геометра, а затем стал городским советником.

Неожиданные откровения, смешанные с вином, заставили забыть всех о еде.

Один говорил о том, что доволен жизнью и никогда ни о чем не мечтал и не сожалел. Другой, потирая затылок, заявлял, что, наверное, что-нибудь получилось бы у него лучше, но он не знал, что именно.

Но большинство знали. Большой Лес доверительно сказал, что у него была лишь одна мечта: быть богатым, носить парик, владеть каретой, слугами и служанками и никуда не выезжать из своего замка. Это говорил человек, который проводил все свое время в горах и лесах, в лодке, плавая по рекам Акадии, или на корабле, во Французском заливе. К сожалению, у него были дырявые карманы, и деньги там не задерживались. Прощай замок, карста, мирная жизнь.

— Чем бы вы занимались в своем поместье? — спросила Анжелика.

— Я бы играл в карты, стращая слуг, заботился о своем здоровье, подстригал розы и каждый вечер встречался бы в постели с женщиной.

— С разными?

— Нет, всегда с одной и той же, молодой или не очень, но моей женой, которая принадлежала бы мне одному. И мне тогда не надо будет бегать, искать, стараться изо всех сил, Я не люблю спать один, мне холодно, и потом, еще мальчишкой, я очень боялся темноты. А эта жизнь, которую я веду на реке Сен-Жан, не оставляет мне никаких возможностей завести жену. Индейцы — пах! Ох, извините, мадам.

Конечно, я богат, но не настолько, чтобы вернуться в королевство.

— Зашей свои карманы, Большой Лес! — закричал Вовенар, ударяя себя в живот.

— Теперь твоя очередь, — загремел Большой Лес, — посмотрим, как ты будешь смеяться.

Вовенар замолчал и задумался.

— Я бы хотел стать священником, — сказал он, — и даже иезуитом.

Это серьезное и неожиданное заявление, сделанное акадским дворянином, известным своей жизнерадостностью, предприимчивостью, воинственностью, — вызвало у присутствующих безудержный смех. Это не смутило его. Он ждал, пока все успокоятся.

— Да, я хотел бы стать иезуитом, — повторил он, — чтобы властвовать над душами людей.

— Что же, это тоже одно из проявлений могущества, — сказал Пейрак.

— Это так! И я смог бы. Мой герб принадлежал к старинному роду, я преуспел в учебе и даже провел один год в семинарии.

— Рассказывай, рассказывай! — весело сказал Большой Лес.

— А что же все-таки случилось? — спросил кто-то.

— Мне стало страшно. Нужно было научиться общаться с потусторонним миром, отречься от всего

земного, это необычно сильное чувство, и его не надо бояться. Для отца д'Оржеваля это все равно, что дышать. Однажды я увидел, как он молится — словно святой Игнасий, и был глубоко взволнован этим зрелищем. Иезуиты сказали мне, что у меня мистический дар. Я чувствовал, что они правы, но все равно ушел от них. Теперь, когда я вижу, как индейцы разговаривают со своими духами, это уже не кажется таким ужасным, я смог бы к этому привыкнуть. Иногда мне кажется, что я совершил большую ошибку.

— Ты случайно не хватил лишнего? — спросил Большой Лес. — Или ты смеешься над нами.

— Чему ты удивляешься? Так случается в жизни. Когда вернется Кавалер де Саль, который сейчас где-то в районе Миссисипи ищет Китайское море, спросишь у него. Он тоже был иезуитом.

— Ты меня обескуражил, — сказал Большой Лес. — Зачем торопиться? После смерти мы все там окажемся. Я говорил тебе, что боюсь темноты. Разве бочка уже пуста? Выпьем, прокурор!

— Хорошо! Я тоже удивлю вас сейчас, — сказал Виль д'Эвре со своей чарующей наивностью. — Дело в том, что я хотел бы быть женщиной. Я завидую их беспечности, выйдя замуж, они живут в свое удовольствие: делают покупки, наряжаются, резвятся, они не обременены заботами, им не приходится заниматься неблагоприятным трудом. Но я все-таки неплохо распорядился наследством, а видя преимущества, которые дает мне мой пол, я и вовсе перестал жалеть, что родился не женщиной.

— Господин интендант, теперь ваша очередь.

— Мне нечего вам рассказывать.

— Скажите мне, — умоляюще попросила его Анжелика, берясь за руку.

Этот жест сломил сопротивление Жана Карлона.

— Ну хорошо, слушайте. Когда мне было восемнадцать лет, я встретился с одним человеком.

— Она была красива?

— Нет.

— Тогда?

— Это была не женщина.

— А кто же это был? — тихо спросила Анжелика.

— Мольер, — еле слышно ответил Карлон. Затем он оживился.

— Его звали тогда Поклен. Это было в Орлеане, где мы с ним учились на адвокатов.

Жан-Батист и я, мы вместе сочиняли трагедии и показывали спектакли. По его примеру я решил посвятить себя искусству. Но мой отец отколотил меня палками и сказал, что я буду проклят и похоронен как собака, за стенами кладбища и без благословения. Он мечтал о другой карьере для сына, что ж, это можно понять, и я пошел по пути, который он начертал.

— И вы многого достигли, — сказала ему Анжелика, — так же как и Мольер, в своей области. Но вот что я вам скажу, господин Карлон, ни о чем не жалеете. Жизнь артиста — сплошное безумие, и вашему бывшему товарищу приходится дорого платить за то, что он развлекает двор. Гораздо лучше находиться в партере, чем на подмостках.

— Значит, мы все довольны нашей судьбой, — заключил Пейрак, поднимая свой бокал. — Господин Карлон, вы не будете прокляты. Что касается меня, то я благословляю эти извилистые пути, которые привели меня сюда, в Канаду, и благодаря которым я сейчас среди своих друзей. Выпьем за нас! За наши успехи! За наши мечты! За Мольера, — добавил он, поворачиваясь к Карлону.

— За Мольера, — повторил тот басом, и его глаза увлажнились.

И как только отсвечивающие рубином бокалы поднялись вверх, раздались звуки гитары Кантора в сопровождении флейты и арфы и голосов, которые звонко пели:

«Жаворонок! Мой милый жаворонок! Позволь я выдерну твои перышки...»

— Молодежь не волнуют наши проблемы, — сказал Виль д'Эвре. — Эти юнцы не прячут в рукаве неразыгранную карту. Для них все впереди, все пути открыты. Выпьем за их надежды!

На этот раз все пили медленно и задумчиво. Искрящееся солнце в глубине бокалов смешалось с ароматом склонов, покрытых виноградниками, и старинных прессов, с темнотой подвалов и поэзией сбора урожая, с голыми телами людей, погруженными в огромные чаны из светлого дуба, заполненные виноградом.

— За бургундское! За французское вино! За короля Франции! — громко и проникновенно закричал Виль д'Эвре.

И он вдруг заплакал, говоря, что королевство далеко и все забыли о них, живущих на краю света. Что их хотят видеть мертвыми, скальпированными, принесенными в жертву старшей дочери церкви — Франции. Маркиз был очень возбужден, ему казалось, что он изгнанник, предназначенный для жертвоприношения. И было непонятно, чем вызваны эти слезы: жалостью к себе или тоской по родине.

Карлон тоже плакал, вспоминая о Мольере.

Они совсем раскисли.

Анжелика встала, не очень уверенно чувствуя себя на ногах. При виде этих плачущих господ у нее возникло острое желание броситься на свою постель и заснуть крепким сном.

— Мадам, вы не говорили, — слышался чей-то голос.

— Ах, это правда. Господа, что я могу сказать после таких признаний. Еще в детстве я хотела побывать в Америке.

— Вот видите.

— Но тогда я была ребенком. Позже, столкнувшись с жизнью, я мечтала об уютном и красивом доме, где будет жить человек, которого я буду любить и который будет любить меня, и о том, как я буду готовить пирожное для малышей, глядящих на меня из-за стола.

— Скромная мечта, как у Большого Леса. Неужели вы никогда, как другие женщины, не мечтали о большом счастье, о Версале, дворе, о том, чтобы понравиться королю?

— Я могла бы понравиться королю, но предпочла бы, чтобы этого не случилось.

— Какое безумие! — воскликнули все.

— Можно подумать, что вы презираете двор, этот рай, где так много знатных дворян и замечательных личностей!

Она уже собиралась уйти, как вдруг повернулась к ним и спросила:

— А отравители?

И тотчас всех, как и после слов Вовевара, охватил смех. Анжелика спокойно отнеслась к их реакции. Все от души смеялись. Анжелика развеселила их: отравители! В Версале!

Наконец она сказала:

— Вот почему я здесь...

— В руках «пирата», — добавил Жоффрей, который в то время закурил одну из своих любимых сигар.

— Так значит это правда и вы пленили Монсеньора?

— Не совсем, но почти.

— Когда это было?

Анжелика скользнула к Пейраку и приложила свои пальцы к губам, она чувствовала, что он хочет продолжить.

— Нет, дорогой, молчите! А то вы совсем собьете с толку этих господ! Это слишком долгая история.

Пейрак перехватил ее руку и страстно поцеловал ее, не обращая внимания на окружающих людей. В ответ она слегка коснулась его густой и темной шевелюры южанина.

В проходе Виль д'Эвре схватил ее за платье и остановил.

— Вы мне расскажете все, не так ли? О Ваших любовных похождениях, о господине де Пейраке, когда мы будем в Квебеке.

— А если мы там никогда не будем? Вы слышали, что говорил интендант? Меня закуют в кандалы и сожгут заживо. Он сам бросит в костер первый факел.

— Мадам, что вы говорите. Да хранит меня господь от такого поступка, — воскликнул, вставая и пошатываясь, Карлон, — вы не поняли меня. Я говорил все это для того, чтобы вы были осторожны.

— Вперед, мушкетеры, — пропел Большой Лес.

— Жители Квебека не такие идиоты, я уверен, что вы очаруете их. Они встанут на колени пред вами, — воскликнул интендант.

— Я их не прошу об этом, — засмеялась Анжелика. — Господин интендант, за эти слова я прощаю вам все. Только не забудьте о них завтра, когда проснетесь.

Она с трудом открыла дверь и, вдохнув свежий воздух, благополучно преодолела палубы и поднялась по лестницам.

Глава 5

Пейрак с улыбкой следил за диалогом между интендантом и его женой. Они были совершенно пьяны, и теперь была видна их настоящая натура.

Этот холодный Карлон, оказывается, тоже был очарован Анжеликой.

Она всегда оставалась прежде всего женщиной, и в этом была ее опасность. Тем более сейчас, когда на ее щеках появился румянец, в глазах засветились огоньки, а рот чуть приоткрылся в беззаботной улыбке. Такой он видел ее впервые. Она была... Она была само очарование. Анжелика в Версале.

Анжелика смеющаяся перед королем. Какой человек мог устоять перед ней; будь то король, бродяга или суровый интендант финансов. Что он сказал? Весь город покорится ей, станет на колени.

Его сердце сжалось от боли, которая всегда сопровождает истинное счастье. Тяжелая участь! И все-таки власть Анжелики над мужчинами, ее дар очаровывать вызывал в нем гордость, возбуждал и усиливал его желание.

Взглядом, в котором смешались восторг и восхищение, он смотрел на дверь, за которой она скрылась.

С тех пор как граф де Пейрак страстно поцеловал пальцы Анжелики, маркиз Виль д'Эвре, от которого ничего не укрылось, смотрел на него задумчиво и печально.

Внезапно он взорвался:

— Это несправедливо.

— О чем вы?

— Но она вас любит, — возмутился маркиз, — Она действительно вас любит, она без ума от вас. Лишь вы

существуете для нее.

— Вы в этом уверены?

— Это слишком заметно, это всем бросается в глаза.

И затем маркиз сделал удивительное заявление, которое, казалось, не имело ничего общего с тем, о чем говорилось раньше.

Но никто из присутствующих уже не следил за разговором.

— Вы один можете заставить ее страдать, — сказал он.

— Минутку, — сказал Пейрак, показывая жестом, что не разделяет эту мысль.

Он поднес сигару к губам и вместе с голубым дымом, который он вдыхал, в нем расцвела безудержная радость, вызванная словами маркиза: «Она вас действительно любит, она без ума от вас» и еще «Вы один можете заставить ее страдать».

Он до сих пор не думал о том, что обладает такой властью над ней: он один может заставить ее плакать, страдать — кто любит, тот знает, как может сердце разрываться от боли.

Он вспомнил, что уже однажды слышал, как она рыдала как ребенок, за дверью, когда он постучался к ней. Тогда он остановился, взволнованный, не понимая, что происходит.

Он один мог разбить ей сердце, наполнить отчаянием чудесный взгляд изумрудных глаз, которые для других могли быть такими беспощадными.

Теперь он больше не ревновал ее к прошлому, к своим соперникам, с которыми она могла обходиться с искренней холодностью, равнодушием и даже жестокостью женщины, привыкшей обладать мужчинами для собственного удовольствия и бросать их без угрызений совести: короля, Мулея Исмаила... Бедные люди.

Лишь он один из ее любовников мог вызывать слезы на лице. Он видел ее, стоящей на коленях перед ним.

Прикрыв глаза, он еще раз вдохнул голубое облако дыма. Он боялся верить в свою власть над ней, хотя и испытывал волнующее и сладострастное удовольствие от сознания собственного могущества над людьми.

Но с ней, Анжеликой, внимание! Он боялся своего желания злоупотребить этой властью, испытать наслаждение, видя ее покорно склоненную голову, ее полную капитуляцию. Но с ней... Нужно держать ухо остро. Он засмеялся. Кажется, они были достойны друг друга.

Равнодушный к тому, какое впечатление произвели его слова на графа, Виль д'Эвре продолжал говорить с душераздирающей тоской в голосе.

— Но почему вы? Вы один! Вот в чем загадка. Вот в чем несправедливость! Вы некрасивы. У вас даже пугающая, отталкивающая внешность. Конечно, вы богаты. Но мы тоже. И все же не это притягивает ее к вам. Вы любите роскошь, но все равно жизнь джентльмена удачи, которую вы ведете, разве подходит для такой изящной и царственной женщины. Да, я не оговорился — царственной Ее место в Версале, о чем я твержу все время. Ладно, кроме Версаля, есть еще и Квебек, в котором я ее сделаю королевой.

И он искоса посмотрел на Пейрака.

— Вы ревнивы.

— Я могу им быть.

Лицо маркиза радостно светилось.

— У вас есть уязвимое место, что же, это чудесно. Решительно, вы само совершенство. Вы умеете ревновать! Что же, у вас на руках все козыри. Я понимаю, она любит вас, хотя и не понимаю, как могут быть близки такие разные люди.

Пейрак наклонился над столом маркиза, чтобы сообщить ему тайну:

— Я купил ее семнадцать лет назад вместе с серебряной шахтой, которую ее отец уступил мне при условии, что я возьму вместе с ней его дочь. Я согласился, хотя и не видел ребенка, которого купил.

— И это была она?

— Это была она.

— Вам везет, Пейрак.

— Нет, не всегда. Это была любовь, но нас разлучили.

— Кто?

— Король.

— Так значит король ваш соперник?

— Нет, все гораздо серьезнее. Это я был его соперником.

— Ах, да! Вы хотите сказать, что король любил ее, а она любила вас?

— Да.

Виль д'Эвре задумался.

— Тогда это действительно серьезно. Но, может, он забыл ее?

— Вы думаете, что ее возможно забыть, даже если это сам король?

Виль д'Эвре покачал головой. Важное и неожиданное признание Жоффрея утешило маркиза и примирило его с действительностью.

Он потер руки:

— Хо! Хо! Мне кажется, что события усложняются. И это просто замечательно. Жизнь — прекрасна!

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

Глава 1

Бардань уже ждал ее...

Анжелика издали увидела, как он в волнении ходит по берегу. Группа мужчин в широких плащах и в шляпах, украшенных плюмажем, стояла поодаль, глядя на него и не решаясь нарушить его беспокойное одиночество, причину которого они не знали. Вероятно, это были люди из его окружения, так же как и он, пассажиры «Иоанна Крестителя». Почтительность, с которой они относились к нему, говорила о его высоком ранге и важности порученной ему миссии.

Когда смотришь на вещи и события издали, например с палубы корабля, они становятся более ясными и понятными, чем если находишься рядом с ними.

Часто взгляд через подзорную трубу открывает истину, невидимую вблизи.

Не было никаких сомнений, Николя де Бардань ожидал на берегу Тадуссака прекрасную служанку из Ля Рошели. Беспокойная походка выдавала любовное томление и тревогу:

«Придет ли она? Увидит ли он ее?» Ей казалось невероятным, что он ждал ее там, на берегу...

Чтобы убедиться, что это не сон, Анжелика еще раз посмотрела в подзорную трубу. После вчерашнего ужина встреча с ним как бы стерлась у нее из памяти, и ей понадобилось усилие, чтобы убедиться в реальности происходящего. Это был действительно он. И он ждал ее.

Чем выше поднимался флот по Святому Лаврентию, тем чаще призраки прошлого вставали на пути Анжелики. Одним из них был Николя де Бардань, вслед за ним появились полицейский Дегре, лейтенант

королевской полиции господин де Рейни и даже сам король. Этот призрак явился в ночи и звал ее из темноты: Анжелика, забываемая моя.

Вчера вечером объятия Николя де Барданя воскресили в памяти давно забытые лица и ощущения. Но веселая пирушка во славу бургундского предала забвению прошлое, так неожиданно явившееся к ней в образе королевского посланника, и прочертила грань между ночью и наступившим днем.

Надо было видеть состояние гостей «Голдсборо», когда они на рассвете встали из-за стола и направились к своим постелям.

Что касается ее, то она чудесно провела остаток ночи в объятиях Жоффрея. Восхитительная, пьянящая ночь, после которой наступило утро, и все прошлое казалось теперь чудесным сном.

Еще одно утро в Канаде. Морозный, кристально чистый воздух, река, отблескивающая серебром первых заморозков. Нужно сделать усилие и вспомнить, ведь он ждет ее... Глядя на Барданя Анжелика вдруг ощутила неясную тревогу.

Почему так случилось, что король именно ему поручил возглавить миссию, связанную с хозяином Голдсборо и Ванассу, который, как говорили некоторые, угрожал заморским владениям Франции.

Жоффрей считал, что это не случайное совпадение, хотя вряд ли король знал о том, что Николя де Бардань и Анжелика были знакомы в Ля Рошели. Впрочем, и бывший ее губернатор не мог предположить, что бедная служанка видного гугенота царила когда-то в Версале.

— Без сомнения, вы были самой восхитительной служанкой, — посмеиваясь и проницательно глядя ей в глаза, говорил Жоффрей.

Анжелика вспомнила о его ревности к хозяину Берну, совсем недавний конфликт, причиной которого

стал Колен Патюрель, и дуэль с Пон-Брианом, осмелившимся мечтать о ней.

«Теперь этот невозможный Бардань, — подумала она, — он всегда был таким. Его никогда нельзя было убедить. Сколько раз я отсылала его всеми возможными способами, но он все равно возвращался». Анжелика признавалась себе, что, несмотря на отвращение, которое она в те времена питала к мужчинам, чувственная страсть Барданя иногда волновала ее.

«И вот теперь он в Канаде, так же как и они, направляется в Квебек, чтобы провести там зиму. Трудно предсказать, что может произойти».

Что скрывается за всем этим? Анжелике очень хотелось встретиться со своим бывшим поклонником, но она колебалась.

Глядя в подзорную трубу, она спрашивала себя, где же Жоффрей? Ей очень хотелось, чтобы вторая встреча с королевским посланником происходила в его присутствии. Бардань должен понять, что она его жена и что никакой союз между ними невозможен, если из него будет исключен тот, кого он называл «пиратом».

Внезапно она заметила, что на берегу появился Жоффрей де Пейрак, который решительно направился к Николя де Барданю в сопровождении своей испанской гвардии. Ее сердце бешено забилося.

Но волнение Анжелики было преждевременным. Эта встреча носила деловой характер и имела целью избежать конфликта. Прежде всего эти двое думали об ответственности, возложенной на них.

Она увидела, что они приблизились друг к другу и как истинные дворяне обменялись любезными приветствиями. Оба держались с достоинством, за которым скрывалось глубокое волнение.

Николя де Бардань был ростом чуть ниже Жоффрея. Никто из них не демонстрировал перед другим свое превосходство или преимущество. Они встретились как

представители дипломатических миссий, которые хотя и принадлежали враждующим сторонам, но тем не менее желали найти точки соприкосновения, чтобы добиться желаемого результата.

Анжелика оторвалась от подзорной трубы, бросилась к трапу и спустилась в шлюпку, которая уже ждала ее. Она как можно скорее хотела добраться до суши, пока эти двое еще не закончили свою беседу.

Но когда шлюпка причалила к берегу, Жоффрея де Пейрака там уже не было и граф де Бардань вновь в одиночестве ожидал ее.

Застыв как изваяние, он напряженно смотрел в сторону «Голдсборо», пытаясь разглядеть ее фигуру на палубе и даже не догадываясь, что она рядом. Анжелика сдержала порыв и не окликнула Барданя.

Теперь, при утреннем свете, она лучше могла рассмотреть его. «Странно, но он действительно чем-то напоминает Филиппа, не знаю чем именно».

Может быть, причина была в том, что выражение его лица, в прошлом легкомысленное и самоуверенное, приобрело глубину и грусть, которые она прежде не замечала.

Сейчас он казался одухотвореннее и моложе. Матовый оттенок кожи, выдававший в нем француза, родившегося на западе Франции, составлял резкий контраст с серо-голубым цветом глаз. Он был, что называется красивым, импозантным мужчиной. Кроме того, он принадлежал к дворянам, обладающим изысканными манерами, которые, как заметила Амбруазина, встречались все реже и реже в эпоху наступления буржуазии. Эти слова относились к Жоффрею де Пейраку, который с подлинной галантностью приветствовал ее на побережье в Голдсборо.

Голову Барданя украшали парик и круглая модная шляпа с плюмажем. Вся его фигура дышала

благородством и утонченностью.

Действительно, усы бывшего губернатора Ля Рошели или, вернее, их отсутствие сильно изменили его, хотя Анжелике и трудно было сказать чем этот мужчина отличался от того, каким он был два года назад.

Неожиданно, в тот момент, когда она выходила из шлюпки, Бардань заметил ее и его лицо просветлело. В мгновение ока он оказался рядом, приветствуя Анжелику и улыбаясь.

— Что за богиня идет ко мне? — воскликнул он. — Дорогая Анжелика, глядя на вас при свете дня, я убеждаюсь, что это был не сон. Вы такая же, как и вчера вечером, даже еще красивее и пленительнее, если это возможно.

Признаюсь вам, что наша встреча настолько потрясла меня, что я опасался за свой рассудок, мне хотелось поскорее убедиться, что все это правда; вы действительно существуете и мое воображение не сыграло со мной злой шутки. Я не смог заснуть и всю ночь не сомкнул глаз.

«А мы напились чуть ли не до смерти, — подумала про себя Анжелика, — да еще и «его» бургундским. Как стыдно!»

И в порыве раскаяния она протянула ему свою руку, которую Бардань с восторгом поцеловал.

— Я видела, как вы встречались с моим мужем, — заметила она.

Господин де Бардань нахмурился.

— Это была очень тягостная встреча для моего измученного сердца. Тем не менее признаю, что этот человек был весьма любезен при встрече. Заметив его еще издали, в сопровождении мрачных иностранцев, я сразу понял, с кем имею дело. Испанская гвардия! Как будто мы не были в состоянии войны с Испанией. Бравада, и не больше! Вашего покровителя я сразу же

узнал по надменной походке кондотьера, с которой он приближался ко мне. Его лицо внушало мне некоторый страх, но он приветливо подошел ко мне и постарался любезно убедить меня в своей преданности королю Франции, в чем я, правда, сильно сомневаюсь, и заверил в уважении к моей личной свободе. Эти слова несколько запоздали, если учесть, что наш корабль в течение нескольких дней находился в полной изоляции на рейде Тадуссака.

А может, это вам я обязан неожиданной снисходительности с его стороны? Он сказал, что ремонтные работы на «Иоанне Крестителе» уже завершены, и уже завтра он может продолжать свой путь.

Я не могу пожаловаться на его плохое обхождение и тем не менее должен признаться, что один лишь вид его внушает мне горечь.

Он на мгновение замолчал, затем продолжил:

— ...Я подумал вот о чем. Если это Рескатор, значит он тот самый пират, с которым вы убежали из Ля Рошели. Конечно, никто не знал точно, как звали того наглеца, который помог вам скрыться, однако то, с каким искусством ему удалось избежать наших пушек в Ля Рошели, выдавало в нем знаменитого ренегата Средиземноморья.

Теперь я понял. Именно тогда вы с ним и познакомились.

— Это не совсем так, — хотела сказать Анжелика. Но он продолжал развивать свою мысль.

— Вы почувствовали себя обязанной человеку, которого считали своим спасителем. Вы хотели показать, насколько признательны ему. Но зачем же надо было выходить замуж, мое бедное дитя? Какое несчастье. Почему вы не подождали меня?

— Я не могла предположить, что вы окажетесь в Канаде.

— Нет, почему вы не подождали, пока я вернусь в Ля Ро-шель, вместо того, чтобы бежать, подвергая себя смертельной угрозе?

— Мы все были арестованы по приказу Бомье, который убедил нас, что вы в опале и больше не вернетесь в Ля Рошель.

Раздался скрежет зубов.

— Мерзавец! Я сожалею, что не проткнул шпагой эту вонючую крысу.

— Это ничего бы не изменило.

— Но оставим эту печальную историю, — вздохнул Бар-дань, — сейчас вы мадам де Пейрак.

— Сейчас и прежде.

Она была готова рассказать ему, что еще давно вышла замуж за Жоффрея де Пейрака, что их на много лет разлучили и что лишь чудесный случай свел их неожиданно в Ля Рошели.

Но как она могла рассказать ему все это, тем более, что он был склонен считать ее бессовестной обманщицей? Анжелика представила себе его недоверчивое выражение лица и восклицание — он не дал бы договорить ей даже до середины, готовый усомниться в каждом слове.

Это был человек, который болезненно воспринимал реальность, если она грозила разрушить его иллюзии и надежды.

В таком случае зачем ему нужны ее неосторожные признания? Они лишь могли укрепить позиции их врагов и Квебеке.

Что было известно о них в городе? Какие правдивые и ложные слухи бродили в умах жителей Квебека?

Придет время и они обо всем узнают. Однако не нужно самим лить воду на мельницу врага. Их и так уже обвиняли во всевозможных грехах.

Анжелика не забыла, что во время мятежа Пуату, восставшего против короля Франции, за ее голову была

назначена награда. Сейчас она находилась в еще более опасном положении, чем Жоффрей де Пейрак, который был тайно амнистирован. Ко всем опасностям, ожидавшим ее в Новой Франции, прибавилась еще и эта: заклеянная как преступница королевской лилией, она могла быть узнана и арестована.

Круг замкнулся. Рассказать всю историю — значило целиком отдать себя во власть этого человека, представляющего здесь, в Канаде, короля Франции. Сможет ли он, влюбленный в нее, отнестись с великодушием к признанию Анжелики? Она не сомневалась, что Людовик XIV поручил ему, кроме всего прочего, выяснить, не является ли женщина, сопровождающая графа де Пейрака, мятежницей Пуату.

Когда она слушала рассказ Барданя о встрече с королем, во время которой тот получал последние инструкции, после чего его величество самолично проводил посланника до двери, и затем, когда он восхищался неповторимой красотой Версаля, освещенного июльским солнцем, ее вдруг охватило непреодолимое желание прервать его восклицания словами: «Да, я знаю», и засыпать вопросами: «Построили уже новую оранжерею? Закончили строительство левого крыла дворца? Какая пьеса Мольера ставится в этом сезоне в королевском театре?»

Но она вовремя сдержалась и перевела разговор на другую тему.

— Простите, я забыла спросить вас, вы женились?

— Женился? — с негодованием воскликнул он. — Я? Как вы можете вообразить это?

— Почему нет? За те два года, что мы не виделись, вы вполне могли решиться на это.

— Я? Два бесконечно тягостных года. Вы даже представить себе не можете, что я пережил за это время. Отчаяние из-за того, что потерял вас, немилость

короля! И вы еще спрашиваете, женился ли я. Как это жестоко с вашей стороны.

Он, который раньше был всем доволен и умел наслаждаться жизнью, воспринимал ее теперь в черном цвете.

«Неужели я действительно нанесла ему такой страшный удар?» — спросила себя Анжелика.

Он рассказал ей, что, несмотря на покровительство Дегре, был брошен в тюрьму и лишь вмешательство господина де Рейни, лейтенанта королевской полиции, помогло ему выбраться оттуда.

Анжелика не смогла удержаться и задала вопрос, который давно уже мучил ее:

— Скажите, как могло случиться, что, несмотря на немилость, вы были рекомендованы королю для этой миссии?

— За это я должен благодарить господина де Рейни. Мне кажется, что события разворачивались следующим образом. Король искал человека, которому он мог бы поручить это ответственное дело. Как обычно, за советом он обратился к лейтенанту полиции господину де Рейни, который обладает исчерпывающей информацией о всех подданных его величества. И, конечно, здесь не обошлось без Дегре. Он рассказал лейтенанту полиции обо мне и даже попросил его самолично заняться моим делом и вытащить из Бастилии, чтобы затем представить королю. Вот почему я говорил, что во многом обязан этому наглецу Дегре.

— Теперь я понимаю. Дегре, говорите вы? Значит, это он рекомендовал вас королю для этой миссии, которая касалась господина де Пейрака. Это многое объясняет.

— Дегре сопровождал меня в Версаль. Но на этот раз он держался не так нагло, ожидал, пока я разговаривал с его величеством. Кажется, Версаль поразил его. Он даже низко кланялся, открывая мне

двери. Здесь наконец этот человек понял, где его место. За все время визита мы с ним не перекинулись даже тремя словами о печальных событиях, происшедших в Ля Рошели. Это больше мне пришлось по душе, чем его наглые выходки. Теперь вы знаете, как все произошло.

Да, Анжелика прекрасно поняла все. Жоффрей был прав, когда говорил о проделках Дьявола, который на этот раз сыграл злую шутку с Барданем, заставив его идти по следу той, которую тот любил. Она представила себя короля, сидящего в своих роскошных апартаментах Версаля и говорящего с плохо скрываемой дрожью в голосе:

— Месье, когда вы будете в Канаде, постарайтесь узнать, не является ли женщина, живущая с графом де Пейраком, мятежницей Пуату, возглавившей когда-то восстание в одной из наших провинций. Вот уже два года, как наша полиция не может напасть на ее след. Она так же, как и он, очень опасна.

А чуть поодаль стоит Дегре, укрытый тенью голубых штор, украшенных королевскими лилиями, насмешливая улыбка играет на его лице. Именно он сплел эту интригу и теперь держал в руках все ее нити. Ей вдруг показалось, что она видит этого неумолимого расчетливого человека с красноватым огоньком в глазах. Неужели весь этот хитроумный план был осуществлен только для того, чтобы найти ее, Маркизу Ангелов?

«Дегре, мой милый Дегре», — подумала Анжелика с внезапной тоской.

— Вы думаете о Дегре, — с горечью в голосе заметил Бардань. — Не отрицайте, это написано у вас на лице. Я вижу, как смягчился ваш взгляд и заблестели глаза. Несмотря на то, что этот человек неприятен мне, я не могу забыть, что многим обязан ему. Благодаря

Дегре я сегодня свободен и нахожусь в Канаде, рядом с вами, а не на гниющей куче соломы в тюремной камере.

Бедный Бардань, он даже ни о чем не подозревал!

Продолжая беседовать, они прошли по берегу, не замечая людей, которых всегда было много на пристани. Среди канадцев, лесных трапперов, матросов с флибустьерских кораблей Бардань казался белой вороной, неизвестно как попавшей в эти дикие края. Их двоих объединяла Ля Рошель, и Барданя утешала мысль, что он был для нее частичкой прошлого и что их связывали общие воспоминания.

— Как я любил Ля Рошель! — вздохнул он.

— Я тоже.

— Я часто мечтаю о Ля Рошели. Мне кажется, что это был самый счастливый период в моей жизни. Было в этом городе что-то необычно притягательное. Он имел свой, непохожий на другие характер. Там я встретил вас. А эти безбожники? Впрочем, мне они даже нравились своей приверженностью к семье, своими серьезными и умными женщинами. Вот вы говорите о браке. Одно время я хотел жениться на старшей дочери господина Маниго, очаровательной Дженни. Но с каким ужасом восприняла эта кальвинистская семья мое предложение. На меня смотрели как на исчадие Ада. И что же? Они предпочли меня младшему офицеру Гарре, хотя и глупцу, но гугеноту.

Упоминание о Дженни глубоко взволновало Анжелику. Маленькая бедная Дженни, похищенная дикарями, исчезнувшая в глубине американских лесов. Жестокая, безжалостная страна.

Бардань не спросил Анжелику о судьбе этой девушки, и она решила не говорить ему, что же случилось с прекрасной жительницей Ля Рошели.

— ...О чем я просил их? — продолжал говорить королевский посланник, — Об отречении от ереси. Тем более что это совсем не было унижительно или страшно.

Эти люди, если они хотели остаться во Франции, должны были подчиниться ее законам. Нельзя допустить, чтобы восторжествовала анархия, нельзя делить королевство на два государства, одно из которых отказывается подчиняться королю. Это была сила, угрожающая могуществу монарха. Подобное уже имело место в Англии. Теперь вы видите, к чему это привело и кто у них на престоле? Я спорил, старался переубедить этих упрямых гугенотов. Но они решили, что лучше потерять все, чем отречься от своей веры. Мозги, заплывшие жиром! И вместе с тем они считали себя самыми верными подданными. Я не знаю, чем были вызваны ваши действия, может быть, женской непоследовательностью, которую трудно понять нам, мужчинам. Теперь вы видите к чему привел ваш необдуманый поступок? Я понимаю, вы были под влиянием этого Берна, вашего хозяина, человека с большими аппетитами. Вы ему очень нравились. Я замечал это. В вашем присутствии он опускал глаза и старался не смотреть на вас. Я хорошо разбираюсь в делах такого рода. Скажите, неужели он не делал никаких попыток сблизиться с вами? Что-то трудно в это поверить.

— Когда вы наконец оставите этого бедного Берна в покое? — вздохнула Анжелика. — Он далеко, и вы не рискуете встретиться с ним здесь. И потом вспомните, ведь я больше не служанка.

— Это правда. Теперь вы жена этого пирата, весьма отталкивающего сеньора. Он вас покорила своей роскошью и великолепием. Это понятно. И все же это несправедливо. Я не могу согласиться с этим. Вы должны принадлежать мне, стать моей любовницей, Я должен отобрать вас у него.

— Как, прямо сейчас? Здесь? — спросила Анжелика, показывая рукой на маленькую деревенскую площадь, в центре которой они остановились. Неожиданно она

звонко и весело рассмеялась, глядя на озадаченное лицо своего собеседника.

— Дорогой мой господин де Бардань, я прошу вас, думайте о словах, которые говорите. Конечно, мне приятны чувства, которые вы ко мне испытываете, ваши слова льстят мне, но, прошу вас, будьте разумны. Не забывайте, что вы находитесь перед женой графа де Пейрака, нравится вам это или нет. Не мне напоминать вам, что люди его склада очень чувствительны к тому, что называется мужской честью. Да и вы не из тех, кого может остановить страх перед дуэлью. Поэтому вы можете рассчитывать лишь на мою дружбу. Но знайте, мне очень тяжело, когда вы грустите.

Она заметила, что Бардань с благоговением вслушивается в интонации ее голоса и совсем не обращает внимания на слова. Ее голос заставлял его страдать и в то же время приводил в восторг.

— Я вспоминаю вас такой, какой вы были в Ля Рошели: поглощенной материнскими заботами и умело ведущей хозяйство и дом. С какой лаской и нежностью вы говорили о детишках Берна, я ревновал и завидовал им и даже мечтал оказаться на их месте, чтобы вы так же ругали меня, держали за руку, гладили по голове и нежно целовали в лоб.

— Я вас ругаю.

— Но увы, не обнимаете и не целуете в лоб.

Они дружно рассмеялись, и Бардань взял Анжелику за руку.

— Не бойтесь меня. Я принял к сведению слова, которые вы говорили. Несмотря на боль, которую доставили мне ваши признания, в моей душе нет ни злости, ни ненависти. Да, вы заставили страдать меня, влив яд в мои вены, но благодаря вам я узнал, что такое истинное счастье и блаженство. Было бы неблагодарностью с моей стороны взвалить на вас груз моих мучений и переживаний. Я обещаю вам быть

впредь разумным и осмотрительным. Единственное, о чем я прошу вас, не улетайте.

— Куда я могу улететь, мой бедный друг, разве вы не видите, что одно течение несет нас в Квебек, словно рыбу в сети. Там мы встретимся, чтобы вместе провести зиму.

— Так, значит, я увижу вас, увижу, — прошептал он, как будто еще не веря, что такое счастье возможно. — Значит, я был прав, когда говорил о том, что божественное провидение столкнуло нас в этом глухом месте.

Анжелика не была в этом уверена. Она считала, что за всеми случайностями стоит мрачная фигура Дегре — полицейского с насмешливой улыбкой. Но тем не менее Анжелика верила, что присутствие Барданя в Квебеке поможет избежать ей расставленных врагами ловушек. Влюбленный и ослепленный страстью, он был полезен ей в Новой Франции, как когда-то был полезен в Ля Рошели. Ведь даже губернатор де Фронтенак в какой-то степени подчинялся королевскому посланнику. Здесь, в колонии Франции, он представлял короля, и чиновники, боясь впасть в немилость, окружая его вниманием и заботами, будут прислушиваться к каждому его слову. Чтобы не вызвать гнев Анжелики, Бардань должен будет стать ее сторонником. Конечно, было удачей, что именно ему, а не другому поручили эту миссию.

При этой мысли она облегченно вздохнула и против своей воли сжала руку графа де Барданя, на которую опиралась. Удивленный этим неожиданным порывом, он посмотрел на нее со счастливым удивлением. В этот момент Анжелика, которая смотрела вдаль, наслаждаясь спокойствием реки и ее дальними берегами, заметила белое пятно, которое спускалось с верховьев реки и росло на глазах, — парус. В поселке возникло оживление. Жители со всех сторон

устремилась вниз к пристани. Кто-то пробежал мимо них, громко крича: «Марибель»!

Глава 2

— «Марибель!» — воскликнул Николая де Бардань. — Не правда ли, это тот королевский корабль, который должен был прийти мне на помощь из Квебека?

— Но на вас никто не нападал, — гневно закричала Анжелика и вырвала руку, которую он нежно придерживал. — Перестаньте считать себя пленником. Никто вам не угрожает. И молитесь Богу, чтобы у этого несчастного не возникло желания атаковать нас. В противном случае ваше положение будет весьма незавидным. И прошу вас хорошенько запомнить: то, что касается моего мужа, касается и меня. Не надейтесь, что я буду вашим другом, если вы будете находиться на стороне наших врагов.

И оставив в замешательстве королевского посланника, она бросилась бежать к берегу, где столкнулась с детьми и их обычной охраной: Иоландой и Адемаром, Здесь же она увидела и Маргариту Буржуаз, которая только что сошла на берег в сопровождении своих девушек и других пассажиров «Иоанна Крестителя». Они быстро оглядели друг друга — вот уже два дня, как они не виделись, занятые своими делами.

Анжелика живо откликнулась:

— Только не думайте, что прибытие этого корабля изменит ситуацию. Мы здесь не для того, чтобы воевать.

— Я разделяю ваши надежды, — успокоила ее Маргарита Буржуаз.

Население охватила всеобщая нерешительность. Стало тихо. Все заметили, что вооруженные группы матросов расположились вокруг поселка и окружили пристань, почерневшую от народа. Люди Пейрака не

выглядели враждебно настроенными, но их решительность приводила в уныние тех, кто в этот критический момент хотел бы стать на чужую сторону еще до того, как прозвучит голос пушек.

Глядя на рейд, где стояли корабли, Анжелика заметила, что там произошли изменения. Флот, который еще сегодня утром неподвижно стоял на якоре, оделся парусами и начал маневрировать. Один из кораблей под командованием Барсемпуи дрейфовал неподалеку от «Голдсборо», охраняя этого красавца, неподвижно стоящего на якоре, пушки которого были приведены в боевую готовность. Некоторые из них были направлены на «Иоанна Крестителя», экипаж которого высыпал на палубу, другие — в сторону вновь прибывшего судна. Две яхты и еще один корабль флота покинули бухту и вышли в Святой Лаврентий, где встали полукругом, преграждая путь на север, к устью реки. Королевскому судну не оставалось ничего другого, как устремиться в расставленную для него ловушку.

Пока Анжелика беседовала с королевским посланником и каждый в поселке занимался своими обычными делами, Жоффрей де Пейрак и экипаж флота приняли все необходимые меры предосторожности, чтобы не быть захваченными врасплох.

Было очевидно, что граф де Пейрак был, как обычно, предупрежден о приближении чужака. Силуэт корабля, направляющегося к порту, рос прямо на глазах. Должно быть, он оценил ситуацию и понял, что ему не удастся проскользнуть незамеченным. Теперь оставалось лишь узнать, собирается ли этот несчастный предпринять жест отчаяния.

— Будет весьма жаль, если нам придется стрелять в корабль его величества, — прошептал Пейрак.

Анжелика обернулась и увидела Жоффрея, стоящего позади нее в окружении своей гвардии и старших офицеров флота.

— Вы не хотели бы вернуться со мной на «Голдсборо»? — спросил он. — Не исключено, что в ближайшее время мы будем принимать на своем борту капитана «Марибель» и ваше присутствие могло бы облегчить наши переговоры.

Он вежливо поприветствовал Николая де Барданя, стоящего невдалеке и помог Анжелике, детям, Иоланде и Адемару занять свои места в шлюпке.

Анжелика, несмотря на спокойную уверенность Жоффрея де Пейрака, была так взволнована, что даже не взглянула в сторону королевского посланника.

Когда они подплывали к «Голдсборо», «Марибель» была уже так близко, что можно было услышать приказы, отдаваемые ее капитаном. Они видели, как матросы вскарабкались по вантам на реи, подобрали одни паруса и опустили другие. Тяжелый корабль вздрогнул и медленно повернулся на другой борт.

— Они возвращаются в Квебек, — закричал Адемар. Находящиеся в шлюпке люди с напряженным вниманием следили за маневром корабля.

Но «Марибель» просто решила поменять место стоянки, бросив якорь за мысом у входа в Сагеней.

— А если они высадутся там и нападут с тыла? — тихо спросила Анжелика.

— Оба берега охраняются, — ответил Пейрак, — и, кроме того, пристань занята нашими людьми.

Скрывшуюся за мыс «Марибель» почти не было видно. Затем она вновь появилась, и все заметили, что корабль направляется к другому берегу устья реки. Вероятно, капитан решил, что там судно будет в большей безопасности. Некоторое время спустя послышался звон якорной цепи, который жалобно разнесло над скалистыми берегами Сагеней.

— Я думал, что господа из Морского ведомства будут действовать более осмотрительно, — заметил Пейрак после того, как корабль завершил маневр.

Они поднялись на борт «Голдсборо» и оттуда продолжали следить за вновь прибывшими. Корабль Барсемпуи продолжал дрейфовать неподалеку от флагманского судна, хотя в этом уже не было необходимости. Внезапно они заметили, как от «Марибель» отчалила лодка и направилась в сторону «Голдсборо».

— Разве я не предупредил вас о визите? — спросил Анжелику граф де Пейрак.

Виль д'Эвре попытался разглядеть сидящего в лодке человека.

— Эти молокососы из Морского ведомства... Они везде ведут себя как захватчики на чужих территориях. И потом, почему «Марибель», я вас спрашиваю? Разве это имя для корабля? Оно какое-то бесполое и подходит больше для английского, чем для французского судна.

— А вы, как вы назвали ваш корабль, господин Виль д'Эвре? — вежливо спросила его Онорина.

— Еще никак, дитя мое. Я думаю.

В лодке, кроме гребцов, находился высокий человек. Воротник плаща скрывал его лицо, на голове незнакомца была меховая шапка.

— Это не капитан «Марибель», — сказал вдруг Виль д'Эвре, — Обычно люди такого типа любят украшать себя позолотой, лентами и очень гордятся своими париками.

Все бросились к наружному трапу. Человек быстро и легко взобрался по лестнице, которую спустили специально для него, и ступил на палубу. Несмотря на сапоги из тюленьей кожи и небрежно повязанное жабо, на боку его висела шпага.

— Господин барон д'Арребус! — вскричали Жоффрей и Анжелика, узнав в этом человеке председателя городского совета Квебека, который всю прошлую зиму провел с ними в Вапассу.

Тот остановился, посмотрел вначале на Пейрака, затем перевел взгляд на Анжелику, и его мрачная физиономия просветлела. Затем он приблизился к Анжелике и с видимым удовольствием поцеловал ей руку. Его взгляд выразил изумление по поводу того, что он встретил ее такой знатной дамой, в то время как в его памяти она осталась отважной пионеркой, бесстрашно преодолевающей трудности. Его удивление вызвало и то, что рядом с ней он заметил маркиза Виль д'Эвре и интенданта. Он явно не ожидал их здесь увидеть в качестве гостей де Пейрака, к которому и обратился с приветствиями. Тот предстал теперь в ином качестве — хозяина флота, многочисленного и хорошо обученного экипажа и по всей видимости, на данный момент Тадуссака.

— Приветствую вас на борту «Голдсборо», — сказал, приближаясь к нему, граф. — Вы прибыли к нам с миссией, возложенной на вас капитаном «Марибель»?

— Нет, почему? — барон, казалось, был удивлен. Он бросил взгляд на корабль, с которого прибыл.

— Этот олух де Люппе боится уронить свое достоинство и попасть врасплох. Но это меня не касается. Я потребовал лодку, так как мне очень хотелось поприветствовать вас и предупредить.

— О чем?

Барон д'Арребус отступил на шаг и выражение ужаса появилось на его лице.

— Небесная флотилия, охваченная пламенем, пронеслась над Квебеком.

Глава 3

«Небесная флотилия, охваченная пламенем, пронеслась над Квебеком...»

Стоя перед ними, торжественно и вместе с тем трагично барон д'Арребус сделал это заявление:

— Небесная флотилия с огненными парусами появилась над Квебеком...

Потом он замолчал.

Позади него, на фоне гранитных скал, вырисовывался силуэт корабля, неожиданно появившегося из холодного осеннего тумана. Что мог сделать этот пришелец хорошо вооруженным кораблям флота де Пейрака? У него даже не было намерения сталкиваться с ним лицом к лицу.

Они довольствовались тем, что послали на «Голдсборо» лодку с приветливым, немного грузным человеком, который был счастлив встрече с ними. Господин д'Арребус был верным другом. Угроза таилась не столько в прибытии «Марибель», сколько в той новости, которую он сообщил президенту городского совета Квебека.

— Небесная флотилия, охваченная пламенем, принеслась над Квебеком.

В его голосе, когда он произносил эти слова, чувствовалось отчаяние. Анжелике показалось, что он хотел добавить: «Возвращайтесь! Возвращайтесь назад, вы прокляты!» Она огляделась вокруг, пытаясь понять, какое впечатление произвела эта новость на окружающих. Бывшая мятежница Пуату догадалась, что его слова означают плохое предзнаменование. В ее провинции говорили иногда об охотнике и его своре, охваченной пламенем, мчащихся по небу из Пуату в Сентонж. Смерть и чума следовали за ними по пятам.

Но большинство офицеров и спутников Пейрака, не знавшие о чем идет речь, восприняли эту новость спокойно. Граф — с иронией, Виль д'Эвре — с насмешкой, Карлон — с ужасом.

— Это предвещает большие бедствия, — мрачно заявил интендант.

— В этих старинных народных преданиях столько очарования, не правда ли? — воскликнул Виль д'Эвре. — Вы знаете, моя дорогая, — сказал он, оборачиваясь к Анжелике, — здесь рассказывают, что время от времени в небе появляются каноэ, охваченные огнем. И если на западе Франции говорят об охотнике и его своре, летящей из Партеней в Сен-Жан д'Анжелу, то здесь это лодки направляются из Монреала к мысу Гаспе. Это естественно, мы ведь в Канаде. Народ с его детским воображением любит эти сказки. Ему нужны чудеса, и он верит в небесные предзнаменования. Однажды я тоже был свидетелем этого необыкновенного зрелища. Это случилось в 1660 году во время большого землетрясения, вы помните, господин д'Арребус?

— Да, я хорошо помню это, — подтвердил барон. — Вот почему я счел нужным предупредить господина де Пейрака. Небесные лодки с огненными парусами появились несколько дней назад над Квебеком. Слишком много людей было свидетелями этого события, чтобы можно было заподозрить обман. Многие видели, как эта флотилия направлялась к Городу Марии. Один из охотников, искавших в лесу медвежьих берлоги, оказался рядом с одной из этих таинственных лодок.

— И кого же он увидел на борту? — сгорая от любопытства, спросил Виль д'Эвре.

— Иезуитов-мучеников: отца Бребефа, отца Лалемана и еще одного охотника, которым, как ему показалось, был Николя Перро.

— Николая Перро? — воскликнула Анжелика, взволнованная так, будто ей сообщили о смерти близкого друга.

— Только не говорите, что с ним случилось несчастье.

— Все это вздор, — нетерпеливо прервал его Карлон, — все это суеверные рассказы глупцов и бродяг.

— Не говорите так, друг мой, — прервал его Виль д'Эвре. — Я видел эти лодки собственными глазами, говорю вам.

— Вы все видите. Хорошо. А вот мне с ними не довелось встречаться. Впрочем, не это сейчас важно. Главное то, что город из-за этих слухов охвачен волнением. Держу пари, что половина населения сейчас в церкви, а другая половина — на крепостных стенах.

— Вы совершенно правы. Монахини-урсулилки начали читать новены ^[11], надеюсь, что это поможет повернуть вспять корабли де Пейрака. Вам придется нелегко, граф.

— Вы прибыли к нам от имени напуганного населения, барон, с просьбой вернуться назад, как когда-то Святая Женевьева пришла к Атилле, осаждающему Париж? — спросил граф, поворачиваясь к Арребусу. Этот вопрос озадачил барона. Он нахмурился и покачал головой.

— Нет, нет, меня никто не просил, напротив.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я возвращаюсь во Францию, — сказал он, — вот почему я на борту «Марибель».

Казалось, какая-то грустная мысль угнетает его.

— Я был арестован, — сказал он.

— Арестованы, вы?

Эта фраза одновременно вырвалась у всех присутствующих.

— Но почему?

Этот вопрос задала ему Анжелика.

— Из-за вас.

Наступившее молчание выдало всеобщее изумление. Барона д'Арребуса можно было по праву считать одним из основателей колонии в Канаде. Он был ветераном многих сражений и пережил удивительные приключения. Для всех присутствующих было непонятно, каким образом Анжелика могла стать причиной королевской немилости.

— Это не совсем так, мадам, извините меня, речь идет так же и о вас, господин де Пейрак. Ведь я был одним из ваших ярых сторонников.

— И вот к чему это привело, — с горечью заметил Карлон. Жоффрей де Пейрак, не желая продолжать эту тему, обратил свое внимание на «Марибель».

— Как вы считаете, эти господа склонны видеть в нас врагов?

— Я так не думаю. Капитан де Люппе мой родственник. Этого молодого человека мало заботят проблемы Канады. Поэтому на его борту я пленник лишь на словах. Вы бы хотели встретиться с ним?

— Конечно.

— У вас есть какой-нибудь белый шарф или флажок, чтобы я мог подать ему сигнал?

— Вот видите, вы все-таки прибыли к нам с миссией.

Виль д'Эвре передал ему свой шарф, придерживающий перевязь со шпагой и барон д'Арребус несколько раз помахал им в воздухе.

— Я старался убедить его в вашей преданности, но он недоверчиво отнесся к моим словам. О вас ходят много слухов. К тому же это предзнаменование. Когда мы отплывали, волнение, охватившее город, достигло своей кульминации.

Господин де Люппе оказался высоким и хорошо сложенным молодым офицером с надменным взглядом.

Это был распространенный тип придворного, который своими манерами и поведением напоминал маркиза де Варда или брата Луизы де Лавальер. Дети, испорченные светом, восхищавшимся их красотой и остроумием, и вдали от двора оставались верны себе и своим принципам.

Люппе сопровождало десять вооруженных мушкетами матросов, что соответствовало его понятию о высоком ранге капитана королевского судна.

— Месье, — сказал он, ступая ногой на палубу и обращаясь к Пейраку, — вы питаете ко мне враждебные намерения?

— Этот вопрос хотел бы задать вам и я, — ответил ему граф де Пейрак.

Маркиз де Люппе бросил взгляд на корабли флота, маневрирующие неподалеку, и сказал:

— Я не слепой, мосье, и умею считать. Я один против пяти кораблей, к тому же у меня нет приказа моего командования на ваш счет, и Франция не находится в состоянии войны со страной, которую вы представляете. Почему я должен враждебно относиться к вам?

— В таком случае, мосье, вы можете продолжать свой путь.

— Я бы предпочел задержаться на два дня в Тадуссаке, чтобы запастись свежей водой и дровами для кухни.

— Как вам будет угодно, при условии что ваши люди не нарушат нейтралитет по отношению ко мне.

— Подождите, мой мальчик, — перебил маркиза подошедший Карлон, — нужно, чтобы вы погрузили на ваш корабль строевой лес и мачты для Гавра.

— Но мои трюмы уже полны, — изменившись в лице, закричал офицер, — и мои грузы уже прочно закреплены для дальнейшего плавания. Кто вы,

собственно такой, чтобы разговаривать со мной таким тоном?

— Кто я такой? Сейчас вы узнаете, — громко ответил интендант, выпрямляясь во весь рост. — И не имеет никакого значения, что вы командуете военным кораблем.

Анжелика не услышала конца разговора, обещавшего быть весьма бурным. Видя, что все устроилось как нельзя лучше, она увлекла барона д'Арребуса в игровой салон. Ей очень хотелось поговорить с ними и узнать причину его ареста, а также почему он обвинял ее в этом.

Глава 4

— Так что же с вами случилось? — спросила она после того, как они сели за столик, на котором стояли бокалы со знаменитым бургундским — лучшим лекарством от всех бед.

— Вы еще спрашиваете, — вздохнул он. — Увы! Все вы, опять вы... Да, я признаю, что Ломени и я натворили много безумств, за которые пришлось расплачиваться. Когда мы вернулись из Вапассу, то говорили всем, что влюблены в Даму из серебряного озера, то есть в вас.

— Честно говоря, трудно поверить, чтобы господин де Ломени мог такое сказать, — ответила, улыбаясь, Анжелика. — Это не в его духе. Он очень религиозен и к тому же является мальтийским рыцарем.

— В том то все и дело. Его слова привели в изумление всех в гораздо большей степени, чем мои. Вы его плохо знаете. Это свободолюбивый человек с пылким сердцем, а когда речь идет о любви и убеждениях, то он идет до конца. Мы были посланы к вам, чтобы вынести свои суждения, что и сделали. Я наивно полагал, что наши искренние признания будут приняты в расчет, однако для моих сограждан вы и ваш муж были врагами, и в нашем рассказе они хотели видеть лишь подтверждение этому. Так как мы не говорили того, что они от нас ждали, то быстро попали под подозрение. Мы думали, что правда успокоит умы, но, увы, жестоко ошиблись. После возвращения из Мена я и Ломени находились в состоянии божественной эйфории. Мир, окружавший нас, казался необыкновенным и прекрасным сном, сияющим радужными красками. Мы забыли, что надо осторожно относиться к восторженности, которая иногда вдруг охватывает вас зимой, когда воздух так чист и

прозрачен, что, вдыхая его, вы испытываете головокружительное опьянение. Но мы с Ломени говорили разумно и логично даже тогда, когда над нами насмехались. Нет, в Новой Франции признают только веру!

— Выпейте немного, — сказала Анжелика, видя, что он крайне возбужден.

Где был тот спокойный и уравновешенный человек, который зимовал с ними в прошлом году в Вапассу.

— Это бургундское.

— Прекрасное вино. Нектар. Теперь я чувствую себя лучше.

— Успокойтесь, вы теперь с нами и мы вам поможем.

— Это невозможно. Ведь я в опале. Все, что меня ждет во Франции, — это Бастилия.

В это время в салон вошел Виль д'Эвре, весело потирая руки.

— Какая удача! Благодаря «Марибель» я смогу теперь послать письмо мадам Понтервиль в Париж с просьбой уступить мне одного из ее негрят, чтобы сделать из него пажа. Это поможет мне выиграть целый сезон, — он сел рядом с ними и налил вино в бокал. — Вы, кажется, говорили о Бастилии, барон. Но не волнуйтесь так об этом. Кто из порядочных дворян не был в Бастилии? Возьмите хоть меня. Правда, я захватил с собой слугу и повара. Не бойтесь требовать услуг от них. Они вам смогут их прекрасно предоставить.

— Благодарю за советы, — с горечью произнес Арребус.

— Вас так нам будет не хватать этой зимой в Квебеке, особенно во время партии в фараон.

Барон д'Арребус не без злости посмотрел на улыбающееся лицо маркиза.

— Зря радуетесь. Вас тоже может постигнуть такая же участь.

— Меня? Никто не осмелится притронуться ко мне.

— Я тоже так думал несколько месяцев назад. Но вы видите, — продолжил он, оборачиваясь к Анжелике, — как повернулись события? Ломени и я из-за своих откровений стали посмешищем всего города и мишенью для всевозможных нападков. Рассказывая правду о вас, мы стали врагами, которых нужно было обесчестить и опозорить. К этому примешивалась и мистическая опасность, которая якобы от нас исходила. Мы были для них олицетворением Ада. Увы, я понял это слишком поздно. Вначале меня сместила навязчивая идея, охватившая моих сограждан, но, оказывается, это было гораздо серьезнее, чем я предполагал. Неужели нам не хватает ирокезов, которые заставляют нас жить в Постоянном напряжении. Люди сошли с ума. Мы тоже. Как бы то ни было, за мной прислали конную полицию, которая арестовала меня, меня, президента городского совета Квебека.

— Конная полиция! — вскричал, широко раскрывая глаза, Виль д'Эвре. — Вы никогда не заставите меня поверить, что Фронтенак отдал подобный приказ.

— Нет, он исходил от Кастель-Моржа, военного губернатора Квебека и, не будем забывать это, Новой Франции. Это он послал конную полицию.

— А ваша жена? — неожиданно спросил его Виль д'Эвре. — Она с вами?

И стукнув себя кулаком по лбу, продолжил:

— Вы не сказали мне, что Люсиль на борту «Марибель». Скорее в шлюпку, я хочу поскорее увидеть и обнять моего милого друга.

— Нет, ее нет со мной, — с болью в голосе вскричал д'Арребус, сдерживая порыв маркиза, бросившегося к двери. — Нет, она не на борту «Марибель». Вы же прекрасно знаете, что она уже год как живет отшельницей в Монреале.

— Отшельницей! Отшельницей! — повторил, будто не понимая, Виль д'Эвре. — Это даже хуже, чем послушница или монахиня. И вы оставили ее там, а сами отправились в Европу? Вы чудовище. Если бы я был на вашем месте, я бы одной киркой разбил вдребезги каменный мешок, где она замурована. Люсиль — отшельница! Чудесная красавица. Маленькая куколка. Разве я не говорил вам, что у нее самая совершенная грудь в мире. Вы всегда пропускали мимо ушей мои слова.

— Замолчите сейчас же! — закричал взбешенный Арребус. — Зачем вы тревожите эту незажившую рану?

И вдруг побагровел, как будто с ним случился удар. Они набросились друг на друга так внезапно, что у Анжелики даже не было времени вмешаться. Она не знала, что делать. Но они сами заметили, что ведут себя очень неучтиво в присутствии дамы и прекратили ссору, извиняясь перед ней.

— Простите, мадам, — сказал ей барон д'Арребус. — Все это слишком свежо в моей памяти, и поэтому слова господина маркиза легко вывели меня из себя.

В это время Виль д'Эвре приводил себя в порядок. Он выглядел очень расстроенным, и причиной этого была новость о Люсиль д'Арребус.

— Вы похитили у меня Люсиль и теперь хотите, чтобы я сочувствовал вам! Отправляйтесь во Францию. Пусть вас упрячут в Бастилию. Я буду только рад этому.

И он оставил их, чтобы сесть за письмо мадам Понтервиль.

— Он прав, — с отчаянием в голосе сказал барон д'Арребус, — если я уеду, то больше никогда не увижу ее. Она состарится в Монреале, а я в Париже, в Бастилии. И кому в этом мире есть дело до нас! Как все-таки мало нужно времени, чтобы разрушить человеческую судьбу.

— Нужно что-то сделать для барона д'Арребуса, — подбегая к Жоффрею де Пейраку, задыхаясь проговорила Анжелика, — его могут разлучить с женой.

И она рассказала мужу о том, что ей поведал барон, и как он пострадал из-за своей дружеской привязанности к ним.

— Если барон отправится в Европу, они никогда больше не увидятся, и кто позаботится о нем во Франции и вызволит из Бастилии? Я предложила ему остаться на борту «Голдсборо», но он сказал, что дал слово Люппе.

Жоффрей де Пейрак посмотрел в сторону капитана «Марибель», отправившегося в поселок, чтобы купить меха. Он уже спрашивал у офицера о судьбе барона д'Арребуса и понял, что, хотя тому не хотелось быть обвиненным в сделке с пиратом, но он был не против, если барон останется в Канаде. Тем более, что не господин де Фронтенак поручил ему эту неблагоприятную роль надзирателя, которая была неприятна еще и потому, что он находился в родстве со своим пленником.

— Я думаю, что мы сможем найти выход, — сказал Анжелике граф де Пейрак.

Они нашли барона в игровом салоне.

— Месье, вы бы хотели остаться в Канаде?

— Конечно! Вы еще спрашиваете. Здесь моя жизнь и мое сердце. Но городской совет лишил меня всех прав. В Новой Франции больше нет места для бедного барона. Но я дал слово господину де Люппе, что не буду пытаться убежать.

— Однако вы не можете сопротивляться воле пирата. На этот раз я действительно сыграю роль, которую мне приписывают. Вы в моих руках, и мне нужен заложник. Капитан «Марибель» должен уступить требованиям флибустьера.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что теперь вы мой пленник.

Глава 5

«Этот Дегре — мерзавец».

Анжелика, думая об истории с Барданем, вспомнила слова, которыми бывший губернатор Ля Рошели пытался оскорбить полицейского, ее друга Дегре. Во Дворе Чудес так называли предателя или двуличного человека. И все же был в этом слове некоторый оттенок снисходительности и восхищения: «Мерзавец». Мерзавец — это не обычный негодяй в лексиконе Двора Чудес, а гений преступного мира, исподволь подготавливающий страшные преступления. Скрытный и бесстрашный, он умел защищаться и во что бы то ни стало добиваться цели.

Анжелика осталась одна в своей каюте. Стоя рядом с чернильным прибором, находящимся на столе, она думала о Дегре. Наступил вечер. И Анжелика зажгла лампу, заправленную тюленьим жиром, которая осветила комнату теплым золотистым светом. Эскимосы обменивали эти примитивные коптилки на соль и жемчуг. Они были очень удобны — освещали и грели одновременно. Излучая мягкое, похожее на мед, сияние, лампа придавала уютный вид комнате и мечтательное выражение лицу Анжелики.

Сегодня она больше не сходила на берег, занятая «пленением» д'Арребуса и не имея особого желания встречаться с Барданем, от которого Анжелика узнала все, что хотела. Говорят, завтра «Иоанн Креститель» отправляется в путь. Пусть события развиваются своим чередом. В Квебеке у нее будет время встретиться со своим верным воздыхателем. Сейчас ее больше занимал Дегре.

Внезапно появившись из темноты, он словно говорил ей: «Маркиза Ангелов, вот я». Это навело ее на

следующие размышления: если во всем этом замешан Дегре, значит можно надеяться на его поддержку, хотя, с другой стороны, его появление внушало беспокойство. Дегре всегда появлялся на ее горизонте, когда ситуация становилась критической. Дегре не просто оказал услугу Барданю, который считал, что его выбрали для этой миссии исключительно из-за личных достоинств, он надеялся, что тот выведет его на Анжелику. Старый друг постарался послать ей человека, который был не опасен для нее и который будет следовать его инструкциям, иначе попадет в тюрьму. Даже здесь, в этой стране насмешливый полицейский продолжал свою игру.

Тот факт, что Арребус был арестован, что Ломени-Шамбор попал в немилость и серьезная угроза нависла над Виль д'Эвре и даже над интендантом Карлоном, простодушно принявшим помощь в Акадии, говорило о могуществе врагов, которые хотели их уничтожить.

Ей вспомнилась Амбруазина — символ всего враждебного и ненавистного. Она исчезла, но на ее место встали другие. Огромная многоголовая гидра! И в помощь ей появился Дегре. В этом кошмаре он был на ее стороне и никогда не покинет. Анжелика вспомнила, что Амбруазина как-то упоминала о своей подруге, маркизе де Бренвилье, которую Дегре собирался арестовать. Она сказала тогда: «Мне пришлось убежать из-за него. Он стал слишком любопытен и следовал по пятам».

Внезапно она вздрогнула. Кто-то невидимый подкрался к ней и слегка коснулся ее платья. Анжелика в ужасе отпрянула, готовая закричать. После истории с Демоном ее нервы немного ослабели.

— А! Это ты... Ты меня напугал! Иди ко мне, котенок.

То невидимое, что напугало ее, было котом, следовавшим, как обычно, за ней по пятам. А может быть, он просто заснул в ее постели и проснулся теперь,

разбуженный шорохом? Он тихонько подкрался сзади, прыгнул на стол и оказался рядом с неподвижно-застывшей Анжеликой, щекоча ее щеку своим атласным розовым носиком и вопросительно глядя золотистыми глазами: «Что случилось? Ты больна или хочешь поиграть?»

Она засмеялась.

— Иди сюда, мой малыш.

Затем взяла на руки, вглядываясь в его бесстрашные загадочные зрачки. «Ты видел его! — подумала она. — Ты видел огонь Сатаны над ее очаровательным лицом и взъерошивал шерсть, когда чувствовал приближение Зла. Ты видел его, мой котенок!»

И индеец Пискарет тоже видел его. «Женщина, полная демонов», — сказал он тогда и убежал, крича на прощание: «Молись».

Анжелика приласкала кота. Это было красивое животное с длинной шелковистой шерстью, не имевшее других забот, кроме как следить за собой, и уверенное в своем будущем. Свернувшись в клубок и уютно устроившись возле лампы, он заснул, чутко прислушиваясь к каждому шороху.

Анжелика вспомнила, что именно в тот вечер, когда нашла его окровавленного и избитого невидимым Демоном, она поняла, что Зло бродит где-то поблизости. Зло нападает на невинность, чтобы погубить ее. Из глубины памяти всплыл еще один эпизод. Когда-то давно, в будуаре Версаля, она стала свидетелем ужасной, отвратительной черной мессы, во время которой был убит новорожденный, — жертвоприношения Сатане. «Не смотрите в корзину», — говорила скрипучим голосом старая ведьма, обращаясь к стражам дворца. В ней она уносила на рассвете безжизненный маленький труп. При этих

воспоминаниях Анжелику охватил безотчетный, вызывающий тошноту ужас.

Неожиданно она села за стол. Кот, дремавший с полузакрытыми глазами, казалось, без всякого интереса отнесся к ее необычным приготовлениям. Анжелика достала дорогую веленевую бумагу, чернильницу, тщательно отточенное гусиное перо, перочинный ножик, брусочек воска и черепаховую чашу, оправленную золотом, в которой находился мелкий чистый песок. Эта последняя вещь заинтересовала животное, и время от времени он совал туда свою любопытную мордочку и, фыркая, вновь возвращался на место, погружаясь в сладкое, чуткое забытие.

Поддавшись порыву, Анжелика села за письменный стол, что редко случалось с ней, и приготовилась к тому, чтобы составить послание. Это решение созрело у нее после разговора с маркизом, решившим отправить письмо в Париж, с «Марибель».

Снаружи в густой белой пелене, окутавшей реку и корабль, слышался звук сигнального рожка. Туман задерживал отход «Марибель», торопившейся в Европу.

Где-то в глубине «Голдсборо» Виль д'Эвре усердно писал письма своим заокеанским друзьям, в которых просил о негритенке-паже, безделушках, ценных ликерах. Друзья и подруги неугомонного маркиза, сбившись с ног, будут искать для него ценные и редкие вещи. Чем же им еще заниматься?

После некоторого колебания Анжелика взяла в руки перо.

«Благодаря тому, что я знаю, — подумала она про себя, — заставлю замолчать злые языки желчных придворных и завистливых святош, всегда готовых уничтожить меня».

И написала:

«Дегре, мой друг Дегре! Я пишу вам из далекой страны. Вы знаете или догадываетесь из какой. Вы

всегда все знали обо мне...»

Она вспомнила, как встретила с ним, когда бродила по улицам Парижа вместе с шайкой разбойников, и как он провожал ее к баням хозяина Георгия, которые находились на улице Святого Николая. Она услышала его голос: «Я возвращаю тебе твое оружие» и увидела, как он бросает к ее ногам кинжал и растворяется в ночи. Он всегда шел по ее следам, внезапно появлялся и также внезапно исчезал.

«Дегре, мой друг Дегре! Вот о чем я хочу написать вам. Шесть или семь лет назад вы просили меня дать сведения о некоторых знатных особах, подозреваемых в преступлениях. Сегодня я хочу рассказать все, что знаю о них».

Теперь она писала быстро.

«Я знаю один домишко на углу улицы Блан-Манто и площади Трике. Там некогда жила знаменитая колдунья Дезе-Мовуазен. Кроме этого здания у нее есть еще прекрасный дом в предместье Сен-Дени и много других притонов. Но именно в том подозрительном домишке она готовила свои яды и снадобья и проводила черные мессы, убивая младенцев...»

Перо слегка поскрипывало, и кот удивленно следил за его колебаниями, пытаясь коснуться бархатной лапкой. Наконец ему это удалось, и оно скользнуло по бумаге, оставляя след. Однако Анжелика, погруженная в свои воспоминания, не заметила этого.

Это было признание, которое Дегре и господин де Рейни тщетно пытались вырвать у Анжелики несколько лет назад. В те времена она обладала властью и могла повелевать чужими судьбами, привести их на плаху или костер инквизиции, обречь на изгнание принцев, стоящих на вершине славы, сломать любую карьеру и завоевать сердце короля. Во взгляде, обращенном тогда на нее господином де Рейни, она читала

уверенность в ее знании и мольбу поделиться им. Он просил, требовал, умолял:

— Скажите, мадам, кто ваш враг и что за ведьма ему помогает.

Тогда она молчала, но теперь... Теперь, когда столкновение с прошлым неизбежно, когда близка развязка этой затянувшейся войны с завистью, предательством, клеветой, она заговорила.

«Эта женщина, по прозвищу Ля Вуазен, имеет доступ в Версаль. Если вы обратите внимание на мадемуазель Дезойе...»

Дегре долго ждал этого. Даже он не смог проникнуть в тайны Версаля и изобличить там преступника, хотя он и знал, что нити многих злодеяний тянутся туда.

«Благодаря этой девушке вы выйдете на одну из самых знатных и значительных персон в окружении короля».

Она прервалась на мгновение, чтобы вспомнить мадам де Монтеспан, ее бывшую подругу» торжествующую фаворитку короля, которая считала Анжелику своей удачливой соперницей и пыталась убить. Она добавила:

«Именно эта дама, занимающая ныне самое высокое положение, приготовила мне когда-то с помощью колдуньи Мовуазен отравленную сорочку».

Она колебалась, стоит ли ей указывать ее имя — Атенаис де Монтеспан. И так достаточно. Дегре поймет. Если это письмо и попадет в руки врагов, то лучше будет, если они ни о чем не догадаются.

Господин д'Арребус сказал ей: «Мой слуга продолжит путешествие, он хочет вернуться в Европу. Этот человек сможет выполнить любое, даже самое секретное поручение.

Дегре, наконец, получит ключ от крепости, надежно охраняемой от чужаков. Этой крепостью был двор,

погрязший в пороках, уверенный в своих привилегиях, готовый на все, чтобы удовлетворить свои прихоти. Его обслуживала огромная толпа людей: слуги, служанки, камеристки, духовники, торговцы, заинтересованные в связях со знатью. Господин де Рейни с его мрачным помощником не могли, как ни старались, проникнуть за эту роскошную, тщательно охраняемую завесу. Им оставалось вылавливать трупы в Сене и краем уха слышать о быстро улаженных скандалах. Мир преступлений, где правили власть и богатство, был неуловим, как ветер.

И герцогиня де Бодрикур была этому примером — дичь, за которой тщетно в течение долгого времени охотился Дегре. Все же ей пришлось покинуть страну и продолжать творить свои черные дела за океаном. Анжелика вспомнила, как много из ее прошлого было известно Амбруазине: что она была придворной дамой, что ее звали мадам дю Плесси Бельер, а также что Атенаис ненавидела ее. Дегре все-таки удалось поймать в сеть мадам де Бренвилье. Однако внешне все выглядело так, будто эта знатная дама была мелкой отравительницей, от руки которой погибали лишь близкие и любовники и которая действовала ради собственного удовольствия. Глазер, поставлявший ей мышьяк, был немногословным, осторожным человеком, в отличие от бойкой Мовуазен, к услугам которой прибегал весь Париж.

Добившись для Бренвилье смертной казни, полицейский упустил другую птичку, улетевшую за океан. Знать продолжала оставаться неприкосновенной. Как можно было говорить о наказании, когда вместо того чтобы ниспровергнуть преступника с пьедестала, его поднимали еще выше. Все было покрыто тайной, да и не было уверенности, что Ля Вуазен даже под пытками заговорит.

Внезапно Анжелика вспомнила одну деталь и резким движением, выведшим кота из сонного оцепенения, взяла перо и дописала:

«Более подробно обо всем вы узнаете из письма, адресованного господину де Рейни, которое я просила вскрыть лишь в случае моей смерти. Я жива и невредима, но тем не менее прошу сломать печати с послания, в котором я рассказала о том, как чуть было не стала жертвой Версаля.

Вы найдете там имена, которые помогут найти и разоблачить преступников, способных отнять жизнь у себе подобных и продать свою душу Сатане».

Она вычеркнула конец фразы, решив, что лучше обойтись без комментариев. Анжелика вспомнила, что в письме, переданном господину де Рейни, она не указала имени мадемуазель Дезойе, по приказу своей госпожи приносившей во дворец приворотное зелье, которое должно было помочь Атенаис завоевать сердце короля. Кроме того, она подкупала дворцовую стражу, чтобы тайно провести колдунью Ля Вауазен. Часовые не знали, что в корзинке колдуньи лежит младенец, который некоторое время спустя будет принесен в жертву Сатане. Они не имели также понятия и о том, что в этой корзинке, с которой после черной мессы возвращалась Ля Вауазен, лежит труп заколотого ребенка. В награду за молчание об этом таинственном ночном визите они получали звонкие экю. Удивительно, если они заговорят на дыбе и не назовут имени мадам де Монтеспан. Эта бессердечная карьеристка должна получить по заслугам. Тысячи детских трупов на ее совести. И ради чего? Чтобы завоевать любовь, добиться чьей-то смерти, обрести красоту, молодость, удачу. Тысячи пузырьков с ядом прошли через ее руки.

Анжелика глубоко вздохнула и вспомнила, как вчера за ужином все разразились смехом, когда она сказала: «А отравители?» Какими бы страшными ни были слухи,

бродившие в Париже, они всегда вызывали лишь смех. «Что вы? Отравители и двор? И вы верите в эти сплетни?» И лишь жестокий упрямец Дегре мог пресечь этот смех, на смену которому придут слезы, скрежет зубов, ужас, страх наказания.

«Мой друг, за эти признания я прошу вас об одной услуге: будьте внимательны к тому, что говорят о нас (он поймет, что речь идет о ней и Жоффрее), и предупреждайте меня о замыслах наших врагов, которые хотят нас уничтожить, как бы далеко мы ни находились. Используйте свое влияние, чтобы защитить наши интересы перед королем».

Она опять вычеркнула последнюю фразу. Вряд ли Дегре смог бы защитить их интересы перед королем, который один лишь мог решить их судьбу. После некоторого колебания она подписалась: «Маркиза Ангелов».

Она вспомнила, как он однажды встретил ее на улицах Парижа сырой промозглой ночью. С ним была собака.

— Сорбонна, — вполголоса произнесла Анжелика. Она уже, наверное, умерла, верная Сорбонна.

В ее памяти всплыл эпизод, как, задыхаясь от быстрого бега, она спасалась от преследования. Это была собака, собака Дегре.

— Сорбонна, Сорбонна.

Тогда Дегре настиг ее, и она попалась в его руки: хрупкая, трепещущая, растрепанная — Маркиза Ангелов.

Анжелика очнулась от воспоминаний и посмотрела на кота:

— Все хорошо, мой маленький. Жизнь продолжается. Мы на корабле и готовы к любым испытаниям. Ты понимаешь? Это жизнь!

Кот в ответ понимающе замурлыкал.

— Может, когда-нибудь и этой бесконечной гонке наступит конец. Приведет ли она нас к вершине? К победе?

Она критически осмотрела послание, некоторые места были зачеркнуты. Вскоре оно достигнет Дегре, и тогда разыграются события, от которых будут зависеть и их судьбы.

Она посыпала лист песком и добавила еще несколько строк:

«Может статься, что в ближайшее время нам понадобятся сведения о герцогине де Бодрикур. Напишите все, что известно об этой особе. Если возможно, найдите надежного курьера и пошлите его к нам».

Конечно, герцогиня мертва, но может наступить день, когда их обвинят в ее исчезновении. Лучше заранее иметь исчерпывающие, разоблачающие сведения об этой опасной особе, которую называли Покровительницей. Если враги попытаются сразить ее при помощи доносов, клеветы, разоблачений, что же, она сможет бороться с ними их же оружием и нарушит спокойствие этого мира, мнящего себя честным и справедливым. И кроме того, в ее распоряжении есть корабли, которые помогут опередить врагов.

Глава 6

Жоффрей де Пейрак тихо приблизился к Анжелике и наклонился над ее плечом. Она прочла удивление на его лице: он не привык видеть ее за таким занятием. «Но ведь я составляла отчеты и вела корреспонденцию, когда занималась торговыми делами в Париже», — подумала она про себя.

— Я вижу, что лихорадка, охватившая нашего друга Виль д'Эвре, перекинулась на вас! — воскликнул он. — Кому вы пишете?

— Полицейскому Франсуа Дегре.

Она поднялась и протянула ему послание.

— Ты хочешь прочитать?

Он в тишине пробежал глазами письмо. Жоффрей даже не спросил, почему она решилась написать его человеку, с которым так давно рассталась, отправившись в Новый Свет. Анжелика осталась такой же, продолжая доверять своим внутренним инстинктам, импульсивным порывам, за которыми часто скрывались долгие раздумья. Они медленно созревали и затем побуждали ее к действию.

Он прочитал письмо, и его охватила дрожь, вызванная ее внезапным решением. Этой тонкой и нежной рукой королю Франции будет нанесен удар в самое сердце. Жоффрей убедился сейчас в том, что давно подозревал: эта женщина сможет быть очень опасной и беспощадной по отношению к своим врагам. Наверное, с такой же решительностью она защищала интересы своих малышей, когда осталась одна. Теперь под ее покровительством находились он, дети, друзья. Ради них, нарушив свои принципы, она была готова идти до конца. Он посмотрел ей в лицо и увидел, что она ждет его одобрения. Черные пушистые ресницы,

обрамляющие светлые прозрачные глаза, придавали ее лицу мягкое, мечтательное выражение.

Освещенная приглушенным светом лампы, она была так красива, что у него перехватило дыхание. Гладкая, нежная кожа, благородные, тонкие черты лица, которые со временем стали еще более одухотворенными и совершенными. Линия бровей стала элегантнее, форма носа — изящнее, рисунок губ — более волнующим. И необыкновенный, идущий из глубины огромных глаз взгляд, кажущийся одновременно и простодушным и непостижимым. Это было лицо богини и мадонны, на котором словно и не отразились ужасы, унижения, страдания. Напротив, оно казалось спокойным и умиротворенным, лицо ангела, способного выйти невредимым и незапятнанным из самого Ада.

Он сказал ей:

— Вы нанесете королю удар в самое сердце.

— А почему он осмелился напасть и преследовать меня? И Анжелика с болью в голосе продолжила:

— Он преследовал меня всеми способами. Он требовал, чтобы я склонила голову перед ним, публично покаялась, одетая в черное. Он ждал от меня полной капитуляции. Вы понимаете, полной... Используя силу и могущество, он пытался заставить меня уступить.

Она остановилась и нежно посмотрела на него.

— Что вы думаете об этом?

— Вы имеете в виду письмо или то, что вас побудило послать его?

— И то, и другое.

— Я думаю, что это письмо похоже на дрейфующий брандер, начиненный порохом, способный потопить корабль со всем, что на нем есть.

— Только оно не дрейфует, а прямо идет к своей цели.

— Так это господин Дегре должен поджечь его и произвести взрыв?

— Да. Дегре, наш единственный союзник во Франции. Анжелика положила руку на камзол Жоффрея и погладила его бархатистую ткань в том месте, где находилось сердце.

— Вы помните его? Он был вашим адвокатом.

— Да, я вспоминаю его. Он хорошо сражался на процессе.

От нежной руки Анжелики исходило тепло, которое проникало сквозь ткань. Это прикосновение вызвало в нем сладкий трепет.

— После процесса ему угрожала смерть, и он исчез. Я только теперь поняла, что Дегре объединяет наше прошлое и предвещает долгую жизнь вместе. Только некоторое время спустя мне довелось встретиться с ним — он уже стал полицейским и к тому же преследовал меня. Вот так нас вновь столкнула судьба.

— Он без ума от вас.

— Дегре никогда не сходил с ума.

— И все-таки для вас он сделал небольшое исключение, не так ли?

— Может быть, но Дегре никогда не совершал безумных поступков.

— Но он нарушил долг, а это уже много значит: снисхождение, активная помощь. Ведь он помог сбежать вам из Ля Рошели? Для полицейского высокого ранга это не так мало.

— Поэтому я хочу помочь ему взять реванш.

Вкратце она рассказала ему о сведениях, содержащихся в письме господину де Рейни, которое он должен был вскрыть и показать королю в случае ее смерти.

Он слушал ее, пытаясь представить жизнь, неизвестную ему, — жестокую борьбу, которую ей приходилось вести, такую же беспощадную на вершине

общественной лестницы, как и внизу. Это многое объясняло ему: например, ее страх перед людьми с их злобностью и мстительностью, ее недоверчивость, защищающую от людского коварства и общества с его эгоистическими законами, подавляющими волю и душу. Оно запрещало, требовало, забирало. И на его вершине — король. Человек, могущество которого могло разрушить не только солидарность его жертв, но и женскую дружбу. Чтобы угодить ему, мадемуазель Лавальер предпочла оскорбить бога, чтобы утвердиться в своей власти над ним, госпожа де Монтеспан была готова убить своих соперниц, чтобы защитить себя, Анжелике понадобилась вся ее сила, но и она была побеждена.

Жоффрей понял, как сильно измучила ее эта страшная игра.

— Я вспоминаю одну вещь, — сказала она внезапно.

— Что? Говори! Я хочу все знать.

— Дело в том, что я все-таки покорилась королю. Это было в Плесси, где я жила тогда в качестве пленницы. Я послала королю письмо, в котором говорилось, что я согласна склониться перед его волей и публично покаяться в присутствии двора. Я обещала поклясться в преданности и верности. Это правда. Я вспоминаю, что написала это письмо, потому что не могла больше смотреть, как грабят и разоряют мою провинцию, как «миссионеры в сапогах» мучают гугенотов. Я устала жить в заключении, под постоянным наблюдением. Кроме того, вместе со мной в Плесси жил Флоримон, который видел, как королевские солдаты жгут и убивают. Однажды он задал мне один вопрос: «Что я унаследую?» И я ответила: «Ничего, мой мальчик». Он был лишен всего не только из-за того, что носил фамилию де Пейрак, но еще и потому, что кроме меня его никто не мог защитить, меня, беспомощной пленницы. Единственной силой, способной все изменить

был король. А я еще осмеливалась сопротивляться ему. Мне пришлось написать письмо моему суверену. Молин, мой старый интендант, отправился тотчас же в Париж, чтобы доставить его, но увы — слишком поздно.

Она смотрела на него, подумал Жоффрей, как на духовника, от которого ждут приговора.

Он слушал ее, стараясь ни единым жестом, ни единым словом не выдать волнения, нахлынувшего на него. Наконец она заговорила, и он боялся ранить или испугать ее своим замечанием. Жоффрей понимал, что Анжелика обращается не столько к нему, сколько к тому, что составляло ужас ее прошлого. Сейчас она казалась такой хрупкой и беспомощной!

— К счастью, Флоримону удалось вовремя скрыться, — продолжала она, — несмотря на внешнее легкомыслие, у него всегда была развита интуиция. Наш сын мечтал о том, что найдет вас в Америке вместе с Кантором.

Ее голос стал тише, и, глядя в потолок, она замолчала.

— А после? — прошептал он.

— После? Вы знаете... Нет? Разве я вам никогда не рассказывала? «Они» пришли вечером в тот самый день, когда Молин отправился на своем муле в Париж, увозя послание королю. «Они» пришли и подожгли замок, убили моего младшего сына, слуг... «Они» все разграбили, разрушили, устроили резню... Вы понимаете?

Но так как он молчал, она быстро продолжила:

— У «них» не было приказа короля. Просто у солдат скопилось столько ненависти! Это было, как взрыв, и мы стали жертвами. Увы! Я стала действовать слишком поздно. То, что случилось ночью — пожары, насилия — переполнило чашу моего терпения. Я восприняла нападение как попытку уничтожить меня. И тогда я

стала Мятежницей Пуату, возглавив войска, восставшие против короля.

И так как де Пейрак продолжал молчать, внимательно слушая ее, Анжелика продолжала:

— Сегодня я вспомнила о письме, где говорила о своей покорности и своем послушании. Оно может помочь нам, если король захочет пересмотреть свое отношение к тем, кто стал у него на пути, кто когда-то был Мятежницей Пуату и Рескатором.

Анжелике показалось, что с ее плеч свалился тяжелый груз.

— Я напишу Дегре, чтобы он навестил старого Молина, если он еще жив, — решила она.

И вновь послышался скрип пера, скользящего по бумаге. Волосы Анжелики немного растрепались, так как у нее не было времени привести в порядок прическу, после того как она вернулась с палубы, где дул сильный ветер. Светлые пряди, падающие на лоб и щеки, придавали ей озорной вид, который составлял резкий контраст с ее деловой озабоченностью. Он отметил, что она пишет быстро и грамотно, и поразился отваге, с которой она вступила на тропу войны.

Рядом с Анжеликой граф де Пейрак заметил кота, который следил за ним проницательным и, как ему показалось, немного ироничным взглядом.

«А, господин Кот, — подумал он. — Вы так же, как и мы все, равнодушны к ней?»

Анжелика посыпала песком последние строки, положила письмо в конверт, заклеила его воском и запечатала.

Нанося печати, она мысленно перенеслась в Париж, к Дегре.

Пейрак с нежностью смотрел на далекую и в то же время такую родную Анжелику. Тягостные воспоминания оживили ее прошлое, но на этот раз он

был рядом, мог прижать ее к себе и убаюкать, отогнав все страхи.

Она подняла на него глаза и сказала:

— Дело сделано. Дегре предупрежден. Теперь, продвигаясь вперед и защищая себя здесь, мы будем уверены, что у нас есть союзник во Франции.

Помолчав некоторое время, Анжелика продолжила:

— Самое трудное то, что нам приходится бороться с тенями. Это заговор теней — тех, что пришли к нам из прошлого, и тех, что окружают нас сегодня. Они преследовали меня в королевстве и теперь живут в Квебеке. Мы должны вытащить их на свет и обезоружить. Нельзя бороться с тенью — вначале нужно сорвать с нее маску. Вот почему особенно я боюсь иезуита отца д'Оржеваля, который, не зная, возненавидел меня. Он тоже одна из теней — загадочный, неуловимый человек. Иногда я задаю себе вопрос: а существует ли на самом деле этот могущественный враг, сумевший подчинить себе так много людей и настроить их против нас? Может быть, он сделал это неосознанно, не зная, что ему предстоит? Но теперь, даже если и захочет, он не сможет остановить мгновение. Мы пойдем до конца.

Воодушевление, с которым она произносила эти слова, зажгло в ее глазах яркие огоньки, делающие ее еще более волнующей и обворожительной. Взволнованность Анжелики глубоко тронула Жоффрея, ласково глядевшего на нее. Внезапно она сказала:

— Вы, как Николя де Бардань. Он всегда слушает мой голос, а не то, что я ему говорю.

В ответ Жоффрей страстно прижал ее к себе.

— Ваши глаза так красивы, когда вы сердитесь, что я теряю голову. Никогда не видел ничего более привлекательного.

— И это мужчины! Ну как не сердиться на вас?

Но он лишь рассмеялся и, обняв за плечи, нежно коснулся губами ее волос.

— Дорогая моя, я всегда верю в ваши предчувствия. Но взгляду мужчины открываются другие горизонты, и я хочу сказать, чтобы успокоить вас: поверьте, в этом мире много умов, которые разделяют наши взгляды и устремления. Но они не так очевидны, как наши враги. Есть и в Квебеке умные, честные люди, в частности человек, обладающий большим влиянием, и мой настоящий друг.

— Фронтенак?

Граф отрицательно покачал головой.

— Я не буду упоминать его имя до тех пор, пока мы не прибудем в Квебек, не хочу подвергнуть опасности жизнь этого человека. Вы узнаете его позже, обещаю вам.

— Хотелось бы верить. Меня одолевают тревожные мысли.

— Я догадывался об этом. Хотите я скажу, что вас тревожит? Дело в том, что вы еще не выбрали платье, в котором появитесь в Квебеке в день, когда мы высадимся там.

— Платье? — переспросила Анжелика. — Это правда, я не подумала об этом.

— Платье! Какое из них выбрать? Их три: бледно-голубое стального оттенка, золотистое, как то, в котором вы приехали в Биариц, на свадьбу короля, и третье из ослепительно красного велюра. Голубое из Парижа, золотистое из Англии, красное из Италии.

Анжелика смотрела на него, застыв от изумления.

— Вы думали об этом? — воскликнула она. — Даже в такой момент?

— Я думаю об этом всегда. Потому что каждую секунду мечтаю о том, чтобы вы были счастливы, окружены восторженной толпой, даже здесь в глубине диких лесов.

— О! Вы необыкновенный мужчина.

И она бросилась к нему на шею. Он прав. Его слова сняли тяжесть с ее души. Она будет красива! Будет ослеплять, очаровывать и сделает все, чтобы люди изменили свое отношение к ним. Жоффрей прав: самое сильное оружие — это красота. Именно она будет главным действующим лицом в этом спектакле. Красота без изъянов. Что ж, она постарается оправдать их ожидания.

— Вы думаете обо всем, мой дорогой сеньор. Я совсем еще ребенок.

— А разве вы не знали об этом? — ласково прошептал Жоффрей, целуя ее в губы.

Глава 7

Анжелика в сопровождении Дельфины де ля Мореск и Куасси-Ба, несшего корзины, спешила сквозь туман, густой пеленой окутывающий реку. Занималась заря. Анжелика боялась, что опоздает к отплытию «Иоанна Крестителя». «Марибель» должна была покинуть Тадуссак к полудню. Маркиз Виль д'Эвре не окончил еще свою корреспонденцию, а капитан — закупку меха.

Несмотря на это, Анжелика еще утром встретила со слугой господина д'Арребуса и вручила ему секретное послание, предназначенное Дегре, и снабдила инструкциями. Этот человек показался ей серьезным и верным. Преданность по отношению к хозяину, впавшему в немилость,, и готовность, с которой он собирался следовать за ним в Бастилию, свидетельствовали в его пользу. Кроме того, граф де Пейрак снабдил его кошельком с луидорами, так как миссия, которая ему была поручена, требовала не только преданности, но и подвергала его определенному риску. Эти деньги должны были ему помочь с большими удобствами пересечь океан, нанять в Гавре лошадь, чтобы быстро добраться до Парижа, а не тащиться в повозках и на суденышках по Сене. По прибытии ему нужно будет отвести от себя подозрения, касающиеся его хозяина — господина д'Арребуса. Братство Святого Причастия всегда стояло на страже своих интересов и не допускало, чтобы кто-нибудь мог его обмануть.

Его люди умели делать так, чтобы неугодный им человек исчезал навеки. Анжелика знала кое-что об этом, так как не раз сталкивалась с Братством Святого Причастия, Однажды она даже оказалась в его монастыре, откуда ей с трудом удалось убежать.

Многое предвидя, Анжелика дала тысячу наставлений слуге. Она велела ему выучить наизусть адреса Дегре и других людей, у которых он мог бы спрятаться в случае опасности. Кроме того, она строго-настрого приказала ему уничтожить документ, как только он почувствует что-либо неладное. Письмо ни в коем случае не должно попасть в чужие руки.

Сегодня, наконец, отплывал «Иоанн Креститель». Решение об его отплытии было принято Жоффреем де Пейраком так же хладнокровно, как и тогда, когда несколько дней назад он приказал захватить его. Может быть, он хотел поскорее увидеть, как отплывает королевский посланник?

— Когда вы придёте в Квебек, расскажите его жителям о нас, — попросила она Николя де Барданя и капитана, слегка оправившегося от своих горестей.

Предупрежденная в последний момент, Анжелика торопилась попрощаться с мадемуазель Буржуаз, надеясь встретиться с ней позже в Квебеке. К счастью, густой туман, стоявший над рекой сегодняшним утром, задерживал отплытие, обещавшее быть довольно трудным. Анжелика нашла мадемуазель Буржуаз с ее девушками на пристани, окруженную жителями Тадуссака, среди которых, конечно же, была и Катрин-Гертруда, принимавшая монахинь у себя. Поселенцы передавали им письма и посылки для их друзей и родственников, живущих в Квебеке и Монреале. Это были бедные люди, которые не имели возможности нанять курьера, чтобы посылать его в другие города.

— Я собрала для вас кое-какую еду, — сказала Анжелика мадемуазель Буржуаз, — и лекарства. Кроме того, я принесла вам лосиный пузырь, наполненный рыбьим жиром, который мне дали бретонские моряки с восточного берега. Говорят, это великолепное средство от простуды. Давайте его вашему малышу, чтобы укрепить силы, и смазывайте им ваши раны и язвы. Я

надеюсь на скорую встречу. Даже если «Иоанн Креститель» придет раньше, и нам придется оказывать ему помощь в пути, наше расставание будет недолгим. Мы ведь увидимся, не так ли?

Монахиня казалась сдержанной и даже холодной, впрочем, Анжелика ждала этого.

Туман был таким густым, что даже люди, стоящие вблизи, выглядели, как привидения. Анжелика отвела свою собеседницу в сторону.

— Маргарита, что случилось? Вы больше не хотите быть моим другом?

Она читала в глазах монахини те же вопросы, что и вначале.

— Я знаю, что вас беспокоит, — сказала Анжелика. — Вы слышали об огненной флотилии, появившейся над Квебеком. Я не ошиблась?

— Послушайте, — ответила ей мадемуазель Буржуаз. — Эти предзнаменования посылаются, чтобы предупредить нас. Мы столько пережили в этих диких краях, мы так часто видели смерть рядом и находились на грани полного уничтожения ирокезами, что, когда появляются божьи знаки, нас не охватывает страх, но мы задаем себе вопрос, от каких новых несчастий нас хотят уберечь? Или, может, это напоминает нам о том, что мы должны быть бдительны по отношению к злу, которое соблазняет и искушает нас.

Огненную флотилию над Квебеком в последний раз видели перед нашествием ирокезов. Это был опустошительный набег, разрушивший и уничтоживший плоды многолетних трудов. Ирокезы вырезали почти всех жителей на острове д'Орлеан. Немного раньше в Монреале произошло землетрясение. Перед этим над долиной трех рек раздавались жалобные стоны и проплывали охваченные огнем лодки, направляющиеся к Квебеку. Мы поняли, что означало это предзнаменование: землетрясение предупреждало нас

о нашествии ирокезов, а жалобные стоны — о пленниках, угнанных в долину Пяти племен. Лодки, охваченные огнем, означали индейские каноэ, которые, спускаясь по реке, сжигали дома и жителей. О чем же сейчас предупреждает нас появление это небесной флотилии? Какие ужасы ждут жителей Новой Франции? Что это за небесные знаки, появившиеся в преддверии новой зимы, в течение которой нам придется рассчитывать лишь на свои силы? Мы вправе задать вопрос: с чем вы идете к нам? Что несут нам в Квебек ваши пять хорошо вооруженных кораблей: Добро или Зло?

— Господи! — сказала Анжелика. — Мы не собираемся никого истреблять. Вы же понимаете, Маргарита, что мы не ирокезы. Напротив. В этом году почти не наблюдалось набегов ирокезов и, смею вас заверить, это во многом — результат нашего влияния на великого вождя Пяти Племен Уттаке, который решил отказаться от мести канадцам. Наши корабли в Новой Франции, насколько я знаю, ничего не подожгли. Не кажется ли вам, что зло исходит от людей, которые умышленно распускают слухи, для того чтобы разжечь войну и сорвать наши мирные намерения?

— Туман рассеивается, — послышался чей-то голос.

Действительно, густая белая пелена стала почти прозрачной, показался силуэт корабля, и пассажиры заспешили к шлюпке. Анжелике не хотелось столкнуться с графом де Барданем, который не преминул бы пылко попроситься с ней. Ей сейчас было не до развлечений. Скоро их корабли окажутся под стенами Квебека, и она была занята тем, чтобы заручиться поддержкой союзников. Самое главное, избежать военных действий. Если в них будут стрелять, они вынуждены будут ответить. Нельзя допустить резню. В этой обстановке любой благоприятный отзыв о них будет полезен. Мадемуазель Буржуаз, которую все

очень любили и к словам которой прислушивались, могла им помочь, успокоив взбудораженные умы жителей Квебека.

— Послушайте, Маргарита, — настойчиво сказала Анжелика, — я прошу вас, расскажите о нас в Квебеке, попробуйте переубедить обезумевший народ. Я не прошу вас выдумывать, скажите правду, лишь то, что вы видели.

Маргарита повернула голову к Анжелике и заметила, что в Квебеке у нее нет особого влияния, ее община находится в Городе Марии, то есть в Монреале, куда она поскорее торопилась попасть. Ее предупредили, что там творится что-то неладное.

Монахиня была хмурой и озабоченной. Анжелика подумала, что и у нее выражение лица, наверное, не лучше. Обе были охвачены беспокойством, которое одинаково мучило как ту, так и другую. Анжелика устала убеждать и защищаться. Она чувствовала, что доброжелательность Маргариты Буржуаз улетучилась после прибытия «Марибель», и главную роль сыграло в этом появление огненной флотилии над небом Квебека.

Облака тумана то закрывали, то открывали их лица, создавая какую-то мистическую атмосферу.

— Посадка еще не началась? — спросил чей-то голос.

— Нет! Туман возвращается.

— Слава Богу! У меня есть время, — сказала Анжелика. — Я не могу позволить уйти вам в таком состоянии, скажите мне все. Что-то вас беспокоит, и это связано не только с предзнаменованиями. Я вас умоляю, скажите, что случилось.

— Я узнала, что по распоряжению епископа моя община на грани расформирования, — призналась монахиня. — Это сводит на нет всю работу, которую я вела на протяжении многих лет.

Она добавила, что оставила вместо себя монашку-августинку из Квебека. Но господин Ломени-Шамбор совсем потерял разум.

— Ломени-Шамбор? Но это невозможно, — вскричала Анжелика.

Она не видела связи между несчастиями общины Города Марии и Мальтийским рыцарем.

— Но что случилось?

— Он влюблен в вас, — болезненно прошептала Маргарита Буржуаз и в отчаянии закрыла лицо руками. — Святой человек, само совершенство. Бог мой, это ужасно.

— Но это неправда, — пылко возразила Анжелика. — Вы так же хорошо, как и я, знаете господина Ломени-Шамбора, который далек от любого проявления страсти.

Маргарита Буржуаз покачала головой.

— Как Пон-Бриан, как многие другие, которых вы погубили, потому что, увидев вас, они готовы были нарушить клятву, присягу и перейти на сторону врагов Бога и Короля.

— Вы не справедливы ко мне. Ах, мы ведь почти во Франции, я забыла. Здесь привыкли причиной всех несчастий считать Любовь, Маргарита, прежде чем отчаиваться, постарайтесь повидать в Квебеке господина Ломени-Шамбора. Я уверяю вас, что многое из того, что говорят — это сплетни. Всего дважды мы встречались с ним в Верхнем Кеннебеке, и это все. Он разумный человек, который хочет избежать кровопролития, а это многим не нравится.

Охваченная внезапным порывом, она схватила монахиню за руки и посмотрела ей в глаза.

— Я прошу вас, не отступайте. Вы встречались с еще большими трудностями, и я знаю, что в глубине души вы чувствуете на чьей стороне истина. Неужели из-за наших разногласий мы должны мстить, убивать — око

за око, зуб за зуб. О! Маргарита, я хорошо знакома со Святым Писанием и Евангелием, ведь я воспитывалась в монастыре урсулинок в Пуату. Я знаю, там есть и такие строки: «Да пребудет мир на земле с людьми доброй воли!» Или вы думаете, что за этими строками скрывается желание насилия, уничтожения, подавления чужой воли и больше ничего? И разве не Сатана жаждет людской крови? Скажите, скажите мне, Маргарита, разве мы не можем избежать войны и кровопролития?

— Ваши слова смущают меня, — сказала Маргарита Буржуаз. Но, казалось, слова Анжелики успокоили ее, и, нагнувшись, монахиня начала перекладывать еду из корзин в бедные монашеские котомки.

— Оставьте это, — сказала Анжелика, — возьмите корзины с собой, вы отдадите их нам в Квебеке. И, пожалуйста, подумайте над тем, что я сказала вам; да пребудет мир на земле с людьми доброй воли. Если мы, женщины, не сможем в мире и согласии вершить наши дела, то что можно требовать от мужчин, которые только и ждут, чтобы ввязаться в ссору.

Началась погрузка в шлюпку, и они стали помогать детям и женщинам занять места.

— Могу я попросить вас присматривать за англичанином? — попросила Анжелика. — Он не захотел бросить своего друга медведя, и я буду волноваться за него, как только судно покинет Тадуссак.

Маргарита Буржуаз посмотрела на нее.

— Разве вы не знаете?

— Что?

— Мне сказали, что господин де Пейрак оставил на борту «Иоанна Крестителя» несколько членов своего экипажа, которые должны сопровождать нас до Квебека или, по крайней мере, до острова д'Орлеан. Не знаю для чего: или чтобы помочь нам в управлении

кораблем, или чтобы следить за нами, как за пленниками. Как бы то ни было, вашему англичанину не грозит никакая опасность.

— Значит так. Это хорошая новость и для вас, и для всех пассажиров. Значит, Жоффрей так решил, мне он ничего не сказал. Я бы не так беспокоилась, если бы знала. Теперь я вздохну спокойно.

— Признаться, я тоже, — сказала Маргарита Буржуаз, явно придя в хорошее расположение духа. Она вновь взяла себя в руки, преодолев отчаяние, вызванное несчастными событиями, и в этом ей помогли слова Анжелики.

— До того как впасть в отчаяние, нужно все хорошенько разузнать.

Монахиня признательно взглянула на Анжелику, но та не отвела взгляда. Наконец наступил черед и Маргариты Буржуаз. Монахиня заняла место в шлюпке, и ей передали на руки ребенка, заботы о котором она взяла на себя. Она не дала никакого обещания, но Анжелика почувствовала, что ее слова были услышаны. Шлюпка еще некоторое время оставалась возле берега, и Маргарита воспользовалась этим, чтобы сделать знак Анжелике, как бы желая сказать ей что-то важное. Та легко взобралась по деревянной дощечке в шлюпку и наклонилась к путешественнице.

— Вы меня выручили, и я за это благодарна вам. В свою очередь я хочу дать вам один совет.

— Я вас слушаю.

— Совсем недавно вы высказали одну мысль, когда говорили о ложных образах, возникающих в мозгу человека. Вы верно заметили тогда, что враг представляется человеку чем-то вроде чудовища или пугала.

— Действительно.

— Попробуйте вспомнить об этом, когда встретитесь с отцом д'Оржевалем.

Глава 8

Анжелика старалась не думать об отце д'Оржевале, но мадемуазель Буржуаз была права. После событий, происшедших в течение этого года, особенно после истории с Демоном, у Анжелики образ этого невидимого врага вызывал горечь, страх и даже отвращение. Однажды Аbruазина в порыве откровенности рассказала Анжелике, каким необычным ребенком был тот, кто властвовал над душами и умами многих в Канаде.

«Нас было трое проклятых Богом детей, живущих в горах Дофине: он, Залил и я. О, мое счастливое детство! Я вспоминаю его, мальчика с голубыми глазами и руками, обгагранными человеческой кровью. Залил не отставал от него...»

Анжелику охватила дрожь. Она сделала усилие, стараясь прогнать из своей памяти этот жуткий голос. Ей нужно призвать на помощь все свое мужество, чтобы спокойно и бесстрашно посмотреть в глаза этому человеку, бывшему когда-то тем страшным ребенком и облаченному теперь в сутану и черный плащ своего ордена. Она должна без дрожи встретить взгляд этих голубых глаз, о которых столько говорили. Может быть, все еще сложится в пользу добра и непонятная враждебность исчезнет.

Он никогда не видел меня... В это мгновение ей припомнился один эпизод, ускользнувший ранее из памяти. При этом воспоминании она вдруг покраснела, настолько неприятной были мысль, только что пришедшая ей в голову. Говорили, будто кто-то в прошлом году в Канаде видел, как она обнаженная купалась в озере Мена. Именно после этого возникла легенда о женщине, приносящей несчастье. Анжелика

часто задавала себе вопрос: кто же видел меня тогда? Теперь она знала ответ.

«Это он видел меня, купающуюся в озере, поэтому и возненавидел».

Ей понадобилось усилие, чтобы взять себя в руки. Она решила, что все это теперь не имеет значения и постаралась стряхнуть оцепенение, вызванное этим открытием. У нее еще будет время подумать об этом, когда они окажутся перед отцом д'Оржевалем. Хотя нет, лучше в тот момент постараться не вспоминать о том неприятном случае. Внезапно она рассмеялась. Эта история показалась ей даже забавной. Люди полны противоречий. У каждого могут быть свои фантазии. Как мы все-таки отличаемся друг от друга. Даже страшные люди могут неожиданно внушать нежность и жалость. Тем более теперь она не одна. Рядом с ней был Жоффрей.

Глава 9

Давший крен «Иоанн Креститель», отправился наконец к верховьям Святого Лаврентия, в то время как «Марибель» устремилась к ее устью, где царили холод и мрак. Анжелика не завидовала этому кораблю.

Совсем скоро их флот продолжит свой путь к Квебеку, который был уже совсем рядом. Все плохое будет позади, и они устроятся в теплых домах, в городе, полном людей, которые с таким трудом и упорством обживали эти труднодоступные места.

А в это время «Марибель» будет продолжать свой опасный переход через зимний океан, во время которого ее ждет встреча с пронизывающими ветрами, опасными людьми, внезапными шквалами, непроглядными дождями, высокими беспощадными волнами. Маленькая скорлупка, отданная во власть безжалостной стихии, с горсткой смельчаков, бросивших вызов бескрайним океанским просторам! Скрипит обшивка, и поют снасти! У каждого из них свой путь, свои мечты, свои надежды, своя судьба, освещенная божественным огнем, согревающим их худые, голодные лица и тела, покрытые жалкими лохмотьями. Жизнь, борьба, желания, страсти, мечты — все это трепещет в душе, облаченной в бедную, страдающую плоть. Будущее, слава, карьера, успех, победа, бессмертие находятся в руках неумолимого чудовища, имя которому ОКЕАН.

«На углу Блан-Манто вы найдете дом... Там убивают детей...»

«Мадам, я прошу вас уступить одного из маленьких негрятят, чтобы сделать из него пажа, который бы прислуживал мне в Канаде...»

Преодолевая волну за волной, корабль достигнет Европы.

О! Неумолимая Европа, с ее столпотворением народов, быстрым ростом городов, с колокольным звоном, крепостными стенами, печными трубами на домах, поющими флюгерами на крышах! Ярко разукрашенная картинка на небесно-голубом фоне, в центре которой яркой жемчужиной выделяется Париж. Далекий и родной Париж, скорее мечта, чем реальность.

Правда лишь то, что сейчас туда направляется послание, предназначенное Дегре и, в конечном счете, королю. Вместе с «Марибель» оно покидает эту далекую северную страну с огромной, как море, рекой, величественными горами, холодными туманами, островами, где гнездится множество уток, и городом, затерявшимся в глубине лесов.

Последние два дня были наполнены событиями, но и они уже позади. Теперь можно облегченно вздохнуть. Остались в прошлом «пленение» господина д'Арребуса, согласованное с капитаном де Люппе, отход в Квебек «Иоанна Крестителя» с королевским посланником на борту и отправление «Марибель», увозящей письмо Дегре. В течение этих двух дней над Тадуссаком эхом разносились приказы, ругательства, жалобы, так как капитану де Люппе все же пришлось освободить место в трюмах и погрузить товар, приготовленный для него господином интендантом.

В свою очередь флот де Пейрака тоже готовился к отплытию. На кораблях царило всеобщее оживление. На палубах появились рулоны ярко-красного фриза, обшитого золотом, которые матросы тщательно осматривали. Анжелика знала, что это означает последний этап плавания. Эти дополнительные паруса-флаги, предназначенные в прошлом для битвы, придавали кораблю такое величие, что теперь ими

украшали суда во время праздников или для захода в порт.

Наступил прощальный вечер. Вместе с жителями поселка пассажиры «Голдсборо» спустились к Сагены, чтобы полюбоваться рекой, слегка подвижная гладь которой золотилась в лучах заходящего солнца. Тень, падающая от скалистых берегов, еще не окутала ее ночным мраком, и она весело искрилась, отражая закат. Зрители, восхищенные этим зрелищем, молча любовались золотистыми барашками волн, гладкими отвесными берегами, возвышавшимися над Сагеной словно гигантские крылья. Неожиданно дети бросились к берегу, громко крича и подпрыгивая от радости.

— Мама! Мама! Идем смотреть на китов! — слышался звонкий голос Онорины.

Киты, которых безжалостно истребляли в течение последних десятилетий, редко заплывали в эти места. Лишь иногда, когда они покидали свои северные владения и спускались к теплым морям, их можно было видеть здесь, затерявшихся в просторах великой реки и сбитых с толку ее теплыми солеными водами.

Сегодня вечером жители Тадуссака могли любоваться этими удивительными морскими животными. Китов было четверо: один побольше и три малыша, среди которых выделялся китенок, в точности повторяющий все движения своей матери, он то погружался, то выныривал вслед за ней.

— Они приплыли к нам! Они приплыли к нам! — кричали дети, подпрыгивая от радости.

Маленький Нильс Эббиел поднес к губам флейту, и все услышали протяжный, словно заклинание, звук. Гитара Кантора подхватила его и увлекла за собой в радостном ритме, который, казалось, вторил движениям китов в реке. Дети схватились за руки и принялись танцевать.

— Осторожно! — закричала Катрин-Гертруда. — Дети танцуют!

Ее бабушка, одна из первых поселенков, прибывших в Канаду из Перигора в 1630 году, всегда говорила, что дети начинают танцевать к несчастью. В Перигоре, окруженном вековыми дубравами, в которых прямо под ногами росли душистые трюфели, сохранялись еще языческие верования и обряды. В те времена можно было нередко видеть, как дети, охваченные дьяволом, убегали в леса. Преследователи находили их возле огромных дубов, танцующих голыми, словно лесные духи.

Катрин-Гертруда поспешила домой за святой водой. Анжелика, которая не поняла причины ее волнения и резкой перемены настроения, продолжала спускаться к берегу. Дети танцевали. Но танцевали они от радости и восторга, переполнявших их маленькие сердца, опьяненные лучами заходящего солнца и веселой музыкой. Вместе с ними в золотистых водах Сагены резвились киты. Это было незабываемо!

«Мы победим», — подумала Анжелика, пораженная красотой этого зрелища, которое, как ей показалось, было хорошим предзнаменованием.

Ночь, опустившаяся над Тадуссаком, окутала темным покрывалом небо и реку. И сразу же на берегу и в поселке зажглись огни. Поворачиваясь к устью Сагены, Анжелика заметила индейские каноэ, внезапно появившиеся из-за темных скал и причалившие к берегу. В вечерних сумерках она разглядела силуэт Жоффрея, шедшего быстрым шагом по узкой прибрежной полоске. Ей показалось, что он только что выпрыгнул из каноэ, и это поразило Анжелику, так как совсем недавно он был совершенно в другом месте. Может быть, она стала жертвой галлюцинации?

Вернулась Катрин-Гертруда. Дети уже закончили танцевать и теперь с усердием искали на берегу красивые раковины. Доброй фермерше так и не пришлось воспользоваться святой водой, которую она держала в руках. Она посмотрела в том же направлении, что и Анжелика.

— Говорят, что прибыли охотники с озера Мистассен и даже с самого верховья реки. У них могут быть хорошие шкурки. Пойду посмотрю. А вдруг там мой кузен?

Вернувшись на корабль, Анжелика застала графа де Пейрака вместе со шкипером и подшкипером, которые были заняты ревизией содержимого трюмов, где хранились предметы, предназначенные для их зимовки в Квебеке, и то, что могло понадобится в день прибытия «Голдсборо» в порт. Подарки городским властям, в том числе и очень ценные башенные часы, были тщательно завернуты и уложены в сундуки. Беспорядок, царивший на палубе, свидетельствовал о том, что эта работа велась уже давно.

— Вы не были только что на берегу Сагены? — спросила Анжелика, обращаясь к своему мужу.

Он посмотрел на нее с удивлением, говорившем о том, что, расставшись с нею, он отправился прямо на «Голдсборо».

— Мне показалось, что я видела вас там. «Решительно, я схожу с ума», — подумала про себя Анжелика. Спустя некоторое время на «Голдсборо» прибыл Кантор с просьбой одолжить кота. У него на корабле завелись крысы, грозящие уничтожить продукты. Уже прошло несколько дней, как исчезла его росомаха Волверина. Это случилось не впервые и не особенно тревожило Кантора. Иногда она предпочитала путешествовать по суше, следуя на расстоянии за кораблем, чтобы потом неожиданно появиться. Обладая

почти человеческой сообразительностью, это животное было способно еще и не на такую проделку.

— Я просил ее лишь об одном; чтобы она не появилась неожиданно, как привидение, во время торжественной церемонии в Квебеке. Индейцы и канадцы считают росомаху дьявольским животным. И действительно, это самое хитрое создание на свете.

Пока юноша искал кота, совершавшего ночной обход по кораблю, стало довольно поздно. Онорина воспользовалась приходом брата, чтобы не идти в постель. Ей очень хотелось проводить своего любимца кота и Кантора до самого трапа. Случилось так, что в этот вечер на «Голдсборо» собралась вся семья: граф и графиня де Пейрак, Онорина, Кантор, кот и, кроме того, Виль д'Эвре, ставшие свидетелями дальнейших событий.

Неожиданно они заметили приближающиеся огни, которые позволили разглядеть в темноте лодку, сделанную из коры дерева. Индейцы, находящиеся в ней, держали в руках смоляные факелы, которыми они освещали путь.

— Посмотрите! Что за маскарад? — вскричал Кантор. Внезапно свет выхватил из мрака волосатую маску кабана или бизона, с красными рогами, с белыми камнями вместо глаз. Она находилась на плечах человека, одетого в кожу и меха, тоже сидевшего в этой же узкой лодочке.

— Колдун! Что ему нужно от нас?

Каноэ приблизилось к лодке Кантора, которую молодой капитан оставил возле веревочной лестницы, свисающей с борта «Голдсборо». Другой пассажир, которого они приняли вначале за индейца из-за кожаной одежды и перьев на голове, оказался высоким стройным юношей, окликнувшем их звонким голосом:

— Эй! Европейцы! Не желаете ли приобрести самые лучшие в мире меха? Мы их привезли с крайнего севера,

где находится пост Рупперта.

При звуке его голоса Виль д'Эвре издал восклицание и наклонился.

— Но ведь это Анн-Франсуа де Кастель-Моржа.

— Он самый, а вы кто такой?

— Видь Д'Эвре.

— Счастлив видеть вас, маркиз. Что привело вас в Тадуссак?

— А вас, милый друг?

— Я спустился с залива Хадсона с великолепными мехами.

— Торговец, пропахший спиртом, индейцами и кожей, лесной скиталец — вот, в кого вы превратились, мой милый паж. Как жаль!

Ответом ему был взрыв смеха, эхом отозвавшийся в бизоньей маске.

— А кто это рядом с вами? Кажется, он смеется над нами!

— Это человек, который хочет попасть на ваш корабль, не будучи узнанным.

Незнакомец с головой бизона поднял голову и теперь Анжелика была уверена, что именно его она увидела на берегу, ошибочно приняв за Жоффрея. Вдруг раздался голосок Онорины:

— А я знаю...

Наклонившись над перилами, разукрашенными флажками, она сосредоточенно вглядывалась в незнакомца в бизоньей маске, которая сразу же ее очаровала.

— А я знаю, кто он! — еще раз сказала она. — Я узнала его по рукам и ножу. Это Флоримон!

Глава 10

По левому борту «Голдсборо» показался остров д'Орлеан. Огромная акула с черным шершавым хребтом загоразживала горизонт и сужала реку. Не доверяя течениям, здесь нужно было лавировать, строго придерживаясь форватера. За дальним мысом, напоминающим пасть чудовища, открывался вид на Квебек. Свинцовое небо низко нависло над рекой, окутанной туманом, в котором прятались прибрежные скалы. Вода здесь была уже темно-зеленого цвета.

Приближался день осеннего равноденствия. После него природа окончательно погружалась в зимнюю спячку, во время которой лишь один человек продолжал свою обычную жизнь в царстве покоя и мрака, где день и ночь сливаются воедино.

На кораблях, где уже сметали первый снег, принесенный северным ветром, шли последние приготовления. Мрачная атмосфера этих мест составляла резкий контраст с активной деятельностью людей, которых сильные порывы пронизывающего ветра неумолимо приближали к городу.

Им нужно было все предусмотреть, позаботиться о форме, о парадных костюмах, проверить барабанщиков и трубачей, которые должны были возвестить о прибытии сеньора Пейрака. Нужно было сшить новый мундир для Адемара и научить Онорину и Керубино кланяться перед господином губернатором. Эти приготовления заботили людей в гораздо большей степени, чем мрачная погода. На палубе и в трюме стояли раскрытые сундуки, где каждый мог найти нужную вещь для себя. Среди тех, кто воспользовался их содержимым, был и Виль д'Эвре, который говорил:

«Тому, кто затерялся в этих неприступных льдах, все позволено, все разрешено».

Прибытие Флоримона и его друга Кастель-Моржа придало экспедиции торжественную, победную тональность. Разве можно было смотреть с хмурым видом на этих великолепных парней, которые были французами и канадцами в большей степени, чем те, кто ждал их в Квебеке, и, глядя на которых, в памяти всплывали легендарные образы рыцарей Круглого Стола и Алой Розы?

Оставались неизвестными причины, столкнувшие этих двоих на северной границе Канады. У Флоримона не было даже времени рассказать о своих приключениях, так как все были поглощены приготовлениями, связанными с прибытием в Квебек. Они встретились в одной из факторий на берегу Тихого океана и подружились, чему в немалой степени способствовало и то, что оба они были гасконцами по происхождению. Дальше два друга вместе продолжали свой путь, даже не подозревая о событиях, происходящих в Новой Франции. Жизнь для них имела цвет неба, леса, пахла дымом и индейцами. Но теперь, сменив кожаные одежды на придворные камзолы, они были готовы танцевать ночи напролет с красавицами Квебека. Во время передышки, когда экипажи отдыхали после трудных маневров, они распевали вместе с Кантором:

*Три корабля на гребне волны,
Трюмы двух — сокровищ полны.
Мальбрук собрался в поход...*

Анжелика испытывала огромную радость, встретившись таким неожиданным образом с Флоримоном. Это было лишним подтверждением тому, что Канада необычная страна и находится под покровительством святых. Как только они пересекли канадскую границу, ее не покидали тревожные мысли о

судьбе старшего сына, канувшего в глубине лесов вместе с экспедицией господина де ля Саля. Уверенная во Флоримоне, она все же не могла не думать об опасностях, подстерегавших его на каждом шагу. Жан Ле Куенек вернулся в Вапассу сразу же после отправления экспедиции, так как был ранен в стычке. Он рассказывал, что начальнику экспедиции было очень трудно угодить. По этой причине с ним расстался и Флоримон. Экспедиция к Миссисипи потерпела неудачу.

Что касается графа де Пейрака, который был очень рад возвращению первенца, то он всегда говорил себе, что не иметь в браке детей, похожих на себя самого, значит, не иметь своего продолжения. В одиссее Флоримона, отправившегося вначале на юг, чтобы исследовать Миссисипи и открыть Китайское море, а затем вернувшегося на север, чтобы изучить залив Хадсона, граф не мог не заметить черты бродяжничества, которому он сам охотно предавался, познавая мир. Флоримон покинул экспедицию де ля Саля, так как считал, что ее руководитель «ни в чем не разбирается» и что он «отстал в картографии так же, как и в других вещах». И это, без сомнения, было правдой, о чем они впоследствии говорили. Жоффрей де Пейрак был точно таким же в свои двадцать лет, он радовался жизни точно так же, как и Флоримон, которого совсем не огорчили неудачи. Потом он принял решение отправиться в Новую Францию вместе с картами своего исследования Севера.

Глава 11

— Когда они увидят вас, — сказал Пейрак, — то откроют для себя новый мир. Мир Красоты! Это красота, которую невозможно не признать. Она очаровывает и приносит утешение.

— Неужели я так красива? Что это за миф?

— Он витает над вами, — прошептал Жоффрей, — даже несмотря на то, что вы ничего не делаете для этого. Теперь вам нужно лишь оправдать их ожидания.

Анжелика улыбнулась. Она улыбнулась, глядя на свое отражение и слушая слова Жоффрея.

— С таким щедрым покровителем это совсем нетрудно. Он, как всегда, помог ей выбрать туалет и одеться. На ней было глубокого оттенка красное платье. Велюровые складки придавали немного тяжеловесный, но в то же время и величественный вид. На грудь и шею Анжелики Жоффрей надел бриллиантовое кольцо, где у каждого алмаза был рубиновый двойник. Это было бесценное, уникальное украшение, подлинное произведение искусства.

На фоне белой кожи и золотистых волос Анжелики Жоффрей выглядел совсем темным. Он критически осмотрел ее, и она вспомнила тот день, когда Жоффрей впервые надел украшение на шею семнадцатилетней Анжелики. Так же, как и тогда, от этих прикосновений по ее телу пробежала дрожь. Несмотря на прошедшие годы, он остался прежним трубадуром Лангедока со странным огнем в обжигающем взгляде.

— Может быть, судьба возвратила нас к тому самому дню, который разлучил нас?

Жизнь с Жоффреем была постоянным приключением, в котором она полностью могла положиться на него. Благодаря ему она забыла о

тревожной, холодной реке, о дурных предчувствиях. Повсюду на мебели, на сундуках были разбросаны чудесные вещи, безделушки, одежда, бесценные подарки. Кроме того, что он на «Голдсборо» привез из Европы, здесь были товары, которые Жоффрей купил у Ван-Рейка в Тидмагоуче. Именно о муже думала Анжелика, напевая веселую французскую песенку:

*Три корабля на гребне волны,
Трюмы двух — сокровищ полны.
Милая в третьем плывет,
Мальбрук собрался в поход...*

Здесь, в каюте лежали подарки для губернатора, для дам, монахинь, бедных, богатых, добродетельных и грешных...

Эти приятные заботы еще не полностью захватили Анжелику, находившуюся под впечатлением недавних событий. Жоффрей — напротив. Она вспомнила, как он, стоя на берегу в Тидмагоуче, наклонился над сундуком, рассматривая безделушки и картины. Эти подарки! Для Анжелики оставалось загадкой, как он мог на протяжении стольких лет изгнания сохранить изысканный вкус к вещам, украшающим жизнь и делающим ее более приятной. Ей иногда казалось, что позади не осталось ничего, кроме тяжелого труда, слез и разрухи. Но он всегда удивлял ее, неожиданно доставая из руки редкую драгоценность или, чтобы развлечь толпу, открывал бочонок вина, а чтобы приободрить бедных иммигрантов, раздавал им зеркальца.

Его стремление к красивым вещам было вызвано желанием вознаградить себя за все выпавшие на его долю страдания; он, как никто другой, умел ценить красоту и испытывал уважение, смешанное с восхищением, к искусству талантливых мастеров.

Таким же восторженным и счастливым взглядом смотрел он на силуэт, задрапированный в красное,

достойный царствовать в Лувре. Он понимал, какой властью обладает эта красота и какое впечатление она произведет в Квебеке. И пусть его жители строят планы и готовят орудия к бою, беспокоясь, как защитить город, не думая вовсе о том, как защитить сердца. Они даже не предполагали, что их ждет. И при этой мысли, он засмеялся.

— У вас вид кота, когда он довольно облизывается.

— Вы правы, я думал о наших врагах и о том, что нам предстоит.

— Вы будете очень суровы с жителями Квебека?

— Едва ли. Я надеюсь, что вы сможете очаровать их.

— Жоффрей!

— Да, моя воительница!

— Разве я достаточно сильна, чтобы сделать то, что вы от меня ждете? Разве я в силах помочь вам одержать победу?

— Когда-то вы были очень сильны. Что такое для вас один город? Вы смогли завоевать двор, короля, вы смогли бы повелевать, если бы захотели.

— Это не совсем одно и то же, Я другая. Во мне нет прежней ярости, Любовь ослабила меня. Но больше всего я боюсь встречи с отцом д'Оржевалем.

— Я буду рядом, — сказал он с нежностью.

Ее опасения рассеялись. Он будет там и сможет окружить ее непроницаемой защитной стеной. Умный, сильный человек, который любит ее, свою жену, больше всех на свете. Она наклонилась, и ее щека коснулась руки Жоффрея, которая лежала на плече Анжелики. Он в ответ ласково поцеловал ее в затылок.

— Я хочу, чтобы они склонились перед вами и полюбили вас. Я увижу город у ваших ног. Я увижу, как вы победите того, кто фанатично нападает и проклиняет вас. Когда-нибудь этот человек почувствует на себе власть Любви.

Придет день, и он полюбит вас, и это будет его наказанием.

Глава 12

В этот вечер корабли бросили якорь у острова д'Орлеан. Два человека поднялись на борт «Голдсборо». В них узнали Мопертюи и его сына метиса Пьера-Андре. Верность этих людей, бросивших свои дела, чтобы поприветствовать старых друзей, подействовала на всех ободряюще.

В последний раз Анжелика видела их в английской деревне Браншвик-Фоле, немного раньше, чем на нее напали канадские французы. Соотечественники заставили вернуться их на родину. Конечно, были неприятности, но они быстро уладились, как это всегда бывает внутри большой семьи.

После того как стало известно о приближении флота де Пейрака, город охватило лихорадочное волнение и Мопертюи решил, что лучше будет подождать своих друзей на острове д'Орлеан, где у него была семья. Жители острова были совсем не похожи на квебекцев. Они жили сами по себе, их даже считали немного колдунами. Пережив пятнадцать лет назад страшную резню, устроенную ирокезами, жители д'Орлеана замкнулись на острове, предпочитая вести обособленный образ жизни и не слишком зависеть от столицы. Со стороны казалось, что остров необитаем. Он был почти невидим в непроглядной тьме, в которой его шероховатый хребет сливался с почти безлунным небом.

Жоффрей спросил гостей о том, что делается в городе, и они рассказали, как идет торжественная подготовка к встрече с флотом. Господин де Фронтенак и большинство членов городского совета считали, что нужно проявить любезность по отношению к могущественным гостям. Епископ промолчал. Иезуиты?

Их реакция была неизвестна, а вот Кастель-Моржа настаивал на вооруженном сопротивлении. До сих пор к его мнению мало кто прислушивался, но после того как появились слухи об огненной флотилии, сторонников у военного интенданта прибавилось.

— Возле города скопилось множество дикарей, — продолжал говорить Мопертюи, — после появления огненных лодок они стали очень беспокойны. Если Кастель-Моржа, имеющий на индейцев-католиков большое влияние, воспользуется их воинственным настроением, дело может обернуться против вас.

— А Пискарет? Где он? — поинтересовалась Анжелика.

— Никто не знает. Может среди них. Но настроение дикарей переменчиво, не стоит слишком надеяться на него.

Анжелика покачала головой.

— Нет! Пискарет не предаст.

Господин д'Арребус с любопытством прислушивался к их разговору.

— Так это правда! Кроме ирокеза Уттаке, вы приручили его заклятого врага, абенака Пискарета, Это невероятно! И это всего лишь за несколько месяцев. Чем вы привязали к себе этих непримиримых и жестоких дикарей? Это подозрительно для многих. В Квебеке насчет вас заключаются пари. Его жителям стало известно, что благодаря вам было предотвращено нападение на английскую колонию. Что вы сказали Пискарету, чтобы отвратить его от войны? Все знают, что он очень упрямый человек и единственный, кого он слушал, был отец д'Оржеваль, но и тот не имел на него такого сильного влияния, как вы. Чем вы привлекли его? Какими чарами околдовали?

— Нет! Мы друзья, и это все.

— Друзья? Все не так просто, как вам кажется. Мопертюи, ты говорил, что дикари собрались у стен

города? Гуроны и абенаки ненавидят друг друга и не приминут воспользоваться вашим приездом, чтобы устроить резню.

Виль д'Эвре отвел Анжелику в сторону.

— Покажите мне, — попросил он.

— Но что?

— Вампум, который дал вам Уттаке. Говорят, это замечательная вещь и она стоит десяти побед. Настоящее чудо.

— Когда-нибудь я покажу его вам, только не надейтесь получить эту вещь. Мне кажется, я не должна с ним разлучаться. В прошлое путешествие я забыла взять его с собой и, может, поэтому, несчастья преследовали меня в Порт-Рояле и других местах. Спасибо Абигайль за то, что она вернула его мне вместе с другими вещами, прислав мой багаж на восточный берег.

Маркиз был страстным коллекционером, и слова Анжелики огорчили его. Чтобы досадить ей, он сказал:

— Однако, моя дорогая, обладая этой прекрасной вещью, вы можете прослыть колдуньей.

Имя, которое произнес вслух Мопертюи, привлекло внимание Анжелики, и она поспешила присоединиться к остальной группе.

— Мне показалось, что вы только что говорили о Николя Перро?

— Да, я видел его два дня тому назад.

— Какая хорошая новость! Я так беспокоилась за него.

С тех пор как ей сказали, что видели этого славного канадца в одной из лодок огненной флотилии, предчувствие беды не покидало Анжелику. Эти небесные предзнаменования повлияли и на нее.

Жоффрей улыбнулся.

— Как вы суеверны, моя маленькая святая из Пуату!
— сказал он ей, когда они остались наедине.

— Я признаюсь, что зря поддавалась этим глупым волнениям, Здесь, в Канаде, начинаешь верить всему, что рассказывают. Эти люди, живущие на краю земли, так заброшены и одиноки, что не могут обойтись без покровительства небесных сил. Это напоминает мне сказки, которые рассказывала мне кормилица и которые заставляли дрожать от ужаса моих сестер и меня. Поэтому они видят то, что нам кажется фантазией.

— Я не отрицаю всего этого, — сказал Пейрак, — в Новом Свете много необъяснимых загадок, которые когда-нибудь будут раскрыты наукой. Просто хочу сказать, что не нужно бояться этого. Я сам видел...

— Однажды в открытом море, возле Флориды, мы заметили непонятное свечение. Мои люди были напуганы. Это явление невозможно было объяснить. Мы должны принимать этот мир таким, какой он есть, с его тайнами, в которые человек не может пока еще проникнуть. Вспомните, в прошлые века люди были уверены, что океан имеет плоскую форму и его воды стекают в огромную пропасть.. Однако мореплаватели, дрожа от страха и побуждаемые инстинктом, все же отправились на поиски этой гигантской воронки. Теперь мы знаем, что земля круглая, и в этом достаточно убедиться, отправившись в путешествие.

Меняя тему разговора, он спросил Анжелику;

— Вы уже решили с вашими горничными, какое платье наденете, когда мы прибудем в Квебек?

— Нет еще, — ответила Анжелика, — и потом, у меня нет еще горничных.

— Все это гораздо важнее, чем может показаться на первый взгляд.

Приняв наконец для себя решение, Анжелика поспешила наружу. Она попросит Дельфину дю Розо прислуживать ей. Это самое лучшее в данной ситуации, правда, придется рассказать и о клейме — знаке

королевского проклятия, которое оставило на ее плече раскаленное железо.

Мысли о нем вызывали раздражение Анжелики. И, может быть, это была одна из главных причин ее сохранившейся ненависти к королю — ведь теперь она никогда не сможет носить открытые платья. А сейчас она испытывала еще и унижение при мысли, что ей придется довериться Дельфине, хотя Анжелика и была уверена в преданности этой славной девушки.

Стоя возле орудийной батареи, она услышала слова молитвы и обрадовалась возможности отложить разговор. Анжелика решила выйти пока на палубу и подышать ночным воздухом.

Стояла глубокая ночь, но Анжелике вдруг показалось, что она видит во мраке слабое свечение, окружающее корабль. Эта ночь была совсем не похожа на другие. Воздух был насыщен каким-то необычным ароматом, были слышны странные шорохи, звуки. А позади нее невидимой громадой возвышался остров д'Орлеан. Да, она была в ловушке, но эта мысль не пугала ее, наоборот, она черпала в ней силы, которые должны помочь ей выстоять и победить.

Во время этого путешествия по реке перед ней промелькнула вся ее жизнь, от мысленного взора не укрылся ни один потаенный уголок ее памяти. Путешествие в прошлое помогло ей обрести себя заново, теперь Анжелика знала, кто она и какую роль ей предстоит сыграть.

Вокруг было тихо, и покачивание корабля было почти неощутимо. Внезапно ее охватило необычное волнение, и она почувствовала какое-то движение в воздухе. Анжелика подняла глаза и увидела огромное светящееся пятно продолговатой формы. Но сразу же, как только Анжелика заметила его, оно начало таять и уменьшаться с необыкновенной быстротой, пока не

исчезло совсем, словно свеча, погашенная порывом ветра.

Анжелика застыла от страха.

— Что это было? Что это было? Молния?

Глядя на полуют, она заметила поднимающегося по лестнице Жоффрея. Анжелика услышала звон якорной цепи и увидела матросов, карабкающихся по вантам, чтобы опустить паруса. В темноте раздался голос лаврентийского лоцмана, дающего указание. Корабль вздрогнул и сдвинулся с места. Анжелика сделала усилие, чтобы сбросить с себя оцепенение, и бросилась к мужу. Только рядом с ним она почувствовала, как морозное дыхание обжигало ее щеки. Она крепко прижалась к Жоффрею и попыталась объяснить то, что видела.

— Вы встретились с явлением, которое внушает ужас всем мореплавателям, о нем лучше молчать. В открытом море, недалеко от Флориды, в поисках испанских галионов, груженных сокровищами, я наблюдал это явление. Это были светящиеся пятна, такие же яркие, как и солнце. Они исчезли точно так же, как и появились. До меня свидетелем этого явления был генуэзец Колумб. Напуганный экипаж его корабля вернулся в Португалию, заковав своего командора в цепи.

— Почему корабль снялся с якоря? Ведь сейчас ночь.

— Предосторожность! Иногда связывают появление этих светящихся пятен со штормом, с внезапной бурей, которая переворачивает и топит корабли. Будет лучше, если мы подальше уйдем от этих мест. Правда, сам я не был свидетелем этого, поэтому будьте уверены, ничего не случится.

И он взял ее за плечо. Несмотря на его спокойную уверенность, у Анжелики возникло ощущение нереальности всего происходящего. Чтобы убедиться, что мир вокруг все-таки существует, она огляделась

вокруг. Если бы не плащ, который Жоффрей заботливо набросил ей на плечи, Анжелика совсем бы замерзла от холода.

— А вот еще одно, — вскричала она, — вон там...

— Нет, моя глупышка.

— Тогда что это за неподвижные огни?

— Подумайте хорошенько, и вы поймете. Мы снялись с якоря и совсем близко подошли к Квебеку. То, что вы видите, — это огни города.

Она поняла свою ошибку, которая объяснялась тем, что она давно уже не была в большом городе. Его огни горели в ночном небе, как звезды. Там, за окнами, в напряженном ожидании завтрашнего дня, жили люди. Семьи, дети, которых уложили спать, женщины, убирающие стол после ужина, старики, курившие на ночь свои последние трубки. Думали ли они о том, что произойдет завтра? Говорили ли о чужаках, которые должны были вскоре высадиться?

Мало-помалу Анжелика смогла разглядеть детали в этой густой темноте. Ей показалось даже, что она видит бледные пятна крыш, покрытых тонким слоем снега. Возвышаясь друг над другом, они казались прикрепленными к скале. Красноватое мерцание костров, зажженных на берегу, выдавало присутствие порта. Их горьковатый дым доносился даже сюда.

Ей показалось, что она слышит лай бродячих и домашних собак — звуки, которые можно было услышать в любом городе мира. Это почему-то сильнее всего взволновало Анжелику.

Глава 13

На рассвете, лишь все немного отдохнули после трудной ночи, начались последние приготовления. Несмотря на то, что мрак еще не рассеялся, на кораблях всю кипела работа.

Иоланда постучала в дверь каюты, где Анжелика, сидя перед туалетным столиком, заканчивала наводить легкий макияж. В ее распоряжении было столько скляночек, пудрениц, коробочек, что грех было ими не воспользоваться. Она любила заниматься собой, и сегодня это тоже доставляло ей удовольствие, приведя в хорошее расположение духа. Она не чувствовала страха. Вчерашние ощущения сроднили ее с этим, еще невидимым городом, который ждал ее.

Вскоре пришла Дельфина. Она вместе с Генриеттой уложила ее волосы, осталось лишь надеть платье.

— Иоланда, какая ты сегодня красивая! — сказала Анжелика молодой девушке, которой очень шло платье из оранжевого шелка с белым воротником и накрахмаленный чепец. — Как жаль, что ты променяла свои серьги, они бы очень подошли к твоему наряду.

— Я знаю, что сделала глупость, но когда ты видишь меха, то забываешь обо всем.

— Тебя что-то тревожит?

Иоланда рассказала Анжелике о своих трудностях. Онорина заявила, что наденет не платье, а мальчишковый костюм. И кроме того, она сказала, что не будет кланяться губернатору.

— Приведи ее ко мне, — сказала Анжелика.

Она навела порядок на столике и накинула плащ, подбитый мехом. Несмотря на раскаленные угли в жаровне, было довольно холодно. За это время она попыталась найти разумные доводы, которые помогли

бы ей переубедить девочку, хотя знала, что та без труда сможет их опровергнуть.

Онорина вошла в каюту с непроницаемой маской на лице. На ногах у нее были уже ботфорты, копия мушкетерских, которые Пейрак подарил ей, зная, что ничего не могло доставить девочке большего удовольствия.

— Моя дорогая девочка! — воскликнула Анжелика. — Как ты можешь предпочесть эти грубые сапоги такому красивому наряду?

Платье, приготовленное для Онорины, действительно, вызывало восхищение, оно было очень красиво, цвета морской волны. Иоланда с благоговением подала его, но Онорина отвела взгляд.

— Потому что мы будем воевать. А раз предстоит сражение, я хочу быть одета, как солдат.

— Но если будет праздник, ты должна одеться, как принцесса. Посмотри на меня, я буду в платье.

— Но ведь ты — Демон, — невозмутимо возразила Онорина. — Они тебя ждут, — и добавила проникновенно: — Ты должна быть красивой.

Онорина ничего не упускала из того, что говорили вокруг нее, Анжелика поблагодарила Бога за то, что ее не было этим проклятым летом в Голдсборо. Аbruазина, которая, не колеблясь, расправилась с котенком, вряд ли бы упустила возможность навредить девочке, которую Анжелика так любила. При этой мысли ее охватила дрожь, и она, взяв на руки дочку, крепко прижала ее к себе.

— Мое сокровище! О, мой Бог, с тобой ничего не случилось, какое счастье!

— Так, значит, ты не будешь против, если я оденусь как мальчик? — удивленно спросила Онорина.

— Конечно, мне жаль, но я не хочу, чтобы ты была несчастной. Я думаю только, что господин Ломени-

Шамбор будет огорчен, не увидев тебя нарядной в такой праздничный день.

Этот довод, казалось, подействовал на девочку. Онорина питала слабость к господину Ломени-Шамбору. Было видно, что она колеблется, и Анжелика испытала прилив вдохновения.

— И потом, если хочешь, можешь лично поприветствовать господина губернатора.

Это был правильный ход. В самом деле, Онорине была неприятна мысль, что ей придется предстать перед губернатором в компании с этим простофилей Керубино. В самый ответственный момент он смог испортить все впечатление. При словах Анжелики девочка с превосходством посмотрела на своего маленького товарища, который прошмыгнул в комнату с видом вороватого котенка. Он был хорошим другом, с ним было весело играть, но в серьезных делах, она не могла на него положиться.

Анжелика напомнила Онорине, что она — дочь графа де Пейрака и ей не следовало наряжаться, словно она собралась на маскарад. Кроме того, если она наденет платье, то господин Ломени-Шамбор будет рад увидеть ее такой красивой.

Воспользовавшись тем, что девочка замечталась, Иоланда принялась одевать ее, и она позволила ей сделать это.

Снаружи чувствовалась какая-то перемена. Свет ламп и свечей стал бледнее. Внезапно, глядя через окна, Анжелика увидела красное зарево, пляшущие языки которого отражались в стеклах каюты. «Пожар!»

Она бросилась к окнам и с треском распахнула их. И сразу же от морозного воздуха и чудесной картины, которую она увидела, у нее перехватило дыхание. Корабль стоял на якоре в том самом месте, где вчера Анжелика слышала шум города и видела огни. Наступил рассвет. То, что она приняла за пожар, оказалось

первыми лучами восходящего солнца, которые алым заревом обожгли холодное зимнее небо и заставили отступить ночь, окрасив просыпающийся город в розовый цвет.

В прозрачном воздухе раннего утра город казался хрустальным. Церковные колокола ярко блестели на солнце, будто были отлиты из чистого серебра. Крыши домов, покрытые тонким слоем снега, казались облитыми карамелью. Белые мирные струйки дыма, поднимающиеся над печными трубами, сливались в прозрачную дымку, пеленой окутывающую город. Таинственный и прекрасный, словно мираж, явившийся из волшебных сказок. У его подножия плескались речные волны, ярко-голубой цвет которых напоминал летнее небо. Анжелика не могла представить себе, какой он. Это была ее мечта.

— Онорина! Сердце мое! Идем скорее в город! — воскликнула Анжелика и взяла ее за руку. Огромная, невыразимая радость охватила Анжелику, державшую в своей руке пухленькую ручку дочери, и любующуюся чудесным зрелищем, которое открылось перед ними. Порывы ветра доносили до них колокольный звон, но было слишком далеко, чтобы разглядеть людей.

Безлюдный утренний город явил свой чистый и нежный лик.

В этот момент в каюту вошел Жоффрей де Пейрак. Его сопровождали портной со своими помощниками, которые несли три наряда: голубой, ярко-красный и золотистый, и Куасси-Ба с тюрбаном на голове, держащий на подушке сундучок из палисандрового дерева, украшенный крупным жемчугом. Его крышка была открыта и взору присутствующих предстали колье, браслеты, диадемы из жемчуга, оправленные золотом.

Жоффрей де Пейрак сделал жест, каким фокусники обычно сопровождают свои чудесные превращения.

— Вот платья, — сказал он, — и вот драгоценности!
Пусть праздник начнется!

notes

1

Общее название для некоторых изверженных горных пород.

2

Кормовая часть верхней палубы судна.

З

Стикс — в древнегреческой мифологии одна из рек подземного царства, где обитали души умерших.

4

Предводитель наемного военного отряда в XIV — XVI вв. в Италии, находившегося на службе у европейского государя или римского папы.

5

Предприятие, один или несколько участников которого отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом, а остальные — только своими вкладами.

6

Название морской снасти.

7

Донжон — главная, отдельно стоящая башня крепости.

8

Индейский обычай. Ночью парень пробирается к постели своей возлюбленной, держа в руке зажженную спичку или лучину. Если девушка гасит ее, значит она согласна.

9

Он имеет в виду барона Симона де Монфора, родом из северной провинции Монфор-л'Армори, который в 1208 году с огнем и мечом прошел по Лангедоку, искоренив ересь.

10

Секта в южной Франции, не признававшая папской власти.

11

Девятидневный молитвенный обет.